



AFTER THE END

AMY PLUM
INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR

Третья мировая война испепелила мир после ядерного взрыва. Не многие счастливики смогли скрыться на просторах Аляски. Они выживали в течение последующих тридцати лет живя за счет земли, будучи наедине с природой и скрываясь от тех кто еще до сих пор мог жить там. По крайней мере, это было то, что рассказывали Джуно всю ее жизнь. Когда Джуно возвращается с охоты, она обнаруживает, что ее община исчезла, и она отправляется на их поиски. Покинув границы своей земли, она впервые узнает ужасающую новость. Войны никогда не было. Города никогда не были уничтожены. Мир не был разрушен. Все оказалось ложью. Теперь Джуно находится в современном мире, о котором даже и не подозревала. Но в то же время пока она пытается найти способ, дабы спасти своих друзей и семью, ее кто-то ищет. Тот, кто знает всю правду о ее тайном прошлом.

Эми Плам

После конца

ДЖУНО

Прижимаясь спиной к вековой ели, я присаживаюсь на землю и приподнимаю арбалет. Не сводя глаз с закреплённого на нём драгоценного осколка зеркала, я медленно высовываю своё оружие из-за дерева. В отражении я замечаю какое-то движение за кедром, стоящим на другой стороне заснеженной поляны. По треску ветвей справа, я определяю, что рядом находится ещё один враг. Я не вижу неизбежные рубцы и шрамы, оставшиеся после выпадения радиоактивных осадков и радиационного поражения. Но знаю, что они там. Мне придётся рискнуть. Нужно быть сильным, чтобы пережить апокалипсис.

Я выскакиваю из-за дерева и вижу, как из невысокого куста падуба, словно ракета, на меня летит утка, и вместе с этим раздаётся выстрел. Я падаю на землю и, перекатившись, поднимаюсь на ноги.

— Я в тебя попала! — доносится из кустов крик. Под шелест листвы оттуда вылезает моя подруга Ном, чьи волосы на фоне красно-зелёного падуба сияют как отшлифованное золото.

— Нет, не попала! — начинаю я, но затем смотрю, куда она указывает: с рукава моей куртки из оленьей кожи, стекает мякоть крыжовника.

— Это всего лишь рука. Совсем не смертельно, — говорю я, смахивая остатки плода. И хотя это сразу бы меня не убило, я знаю, что ранило бы. А любое ранение замедляет. В случае настоящего нападения на нашу деревню, крыжовник Ном означал бы мою возможную смерть.

Из-за кедра выходит Кинай с лосиным рогом в руке. На широкой части рога он нарисовал страшную рожицу, во лбу которой теперь торчала моя стрела.

— В яблочко, — говорит он и начинает издавать булькающие звуки, словно его бандит после долгих и мучительных страданий умирает. Доверяю Кинаю смягчить нелёгкую минуту.

Предсмертную агонию рога прерывает Никиски, поднимающийся с поднятыми руками.

— Перемирие, — кричит он и широко улыбается, обнажая отсутствие двух передних зубов. — Джуно, Уит хочет, чтобы ты заглянула к нему в школу. Что-то насчет охоты. Что-то насчет заканчивающегося мяса.

— А вы двое, — Никиски показывает на Кинаю и Ном, — спуститесь к Деннису и библиотеку, это насчет проекта, которым он хочет вас занять.

Кинай идёт в сторону деревни и, проходя мимо Никиски, взлохмачивает ему волосы:

— Спасибо за столь точное и содержательное сообщение. Бой официально окончен. Бандит убит, но Майский жук ранен. Десять очков Ном.

Ном ликующе кричит и, убирая рогатку в карман, толкает меня локтем. Замечая выражение моего лица, она тут же осаждаёт себя:

— Всё хорошо, Джуно. Как ты и сказала, это не смертельно.

Я молчу. Она глубоко вздыхает, и мы начинаем спускаться в деревню:

— Джуно, ты не можешь преуспеть во всём. Ты же будешь Мудрецом племени, а не его единственным защитником.

— Я предпочла бы готовиться и к тому и к другому, — отвечаю я.

— Тебе семнадцать, Джуно. А на твоих плечах уже бремя заботы о племени.

Я не отвечаю. Но в душе понимаю: пока что я всего лишь подросток, но однажды в моих руках окажется благополучие нескольких десятков человек. Это тяжёлая ноша — та, которую я должна нести. Иначе, зачем я получила свой дар?

Мы достигаем вершины холма. Перед нами сидит Большой ледяной медведь — гора Денали — трущийся своей сахарно-белой шкурой о небосвод. Между лесом и её предгорьем расположены двадцать юрт. Натянутые на крыши и стены юрт лоскуты светлой кожи делают сооружения почти невидимыми на снегу — необходимая маскировка.

Со времён войны минуло тридцать лет. Мои родители и ещё пятнадцать человек в самый последний момент сбежали от первых ядерных взрывов, вызвавших впоследствии... надвигающуюся смерть от радиации, голод, геноцид. Они пришли сюда, на нетронутую территорию Аляски, подальше от любого города, обреченного на уничтожение.

И хотя в Последней войне мало что уцелело, было глупо полагать, что мы являемся единственными выжившими. Десятилетиями, во времена редких вылазок, старейшины находили тому доказательства. Заброшенные машины, работающие на остатках топлива, уцелевшего после пожаров на нефтяных заводах. Следы людей — сразу же за границами нашей территории. Звуки пролетающего в одиночестве самолета.

В последнее время новых находок не было. С момента моего рождения — за семнадцать лет — лишь несколько близких гудков. Редкие смерти наступали в результате несчастных случаев: одна — из-за нападения медведя, вторая — смерть моей мамы — из-за того, что её сани ушли под лёд.

На таких предостерегающих историях мы выросли. Вместо бабая, которым пугали мою маму в детстве, наши кошмары наполнены вооруженными бандитами, скитающимися по земле, чтобы разграбить то, что осталось. Беспощадными выжившими после апокалипсиса, норовящими отобрать все, что нашей общине с таким трудом удалось сохранить: чистую воду и пищу, невосприимчивость к радиации и болезням, которые, в конце концов, уничтожат внешний мир.

Возрождение. Именно на это надеется наша община. Этому учит нас Уит. Но это может занять столетия. Тысячелетия. Наша цель — выжить.

— До скорого, — говорю я Ном по прибытии, и ухожу в сторону учебной юрты. Стоило войти в лоскутную дверь, и мои глаза, после слепящего солнечным светом снега, ещё минуту привыкают к мягкому освещению, проходящему в открытое окно юрты, и свечению костра.

Я снимаю мокасины и вместе с арбалетом оставляю их у двери. Если Уит обучает младших, значит, он объясняет им Йару. Что в скором времени станет моей работой. Когда мне было четыре года, сразу после маминой смерти, Уит провел исследование и понял, что я могу Колдовать. Помимо него и моей мамы на это способна только я.

Через три года мне следует пройти Обряд, а затем занять место в качестве Мудреца общины, такой же была моя мать до ее смерти. Поэтому последнее время Уит стал показывать как он колдует, и у меня, с легкостью, получается повторять за ним.

— Почему не присоединяешься к нам, Джуно? — спрашивает Уит. Дети уселись вокруг него в полукруг. Там был Никиски, а рядом с ним сидела Танайна, Василла и Хили, готовые услышать урок Уита, который он повторял во всех возрастных группах несколько раз в год. Я слышала это столько раз, что могла бы повторить его слово в слово.

Я сажусь рядом с Уит, в то время как он высыпает порошок слюды на пол. Отблески факелов отображаются в нем заставляя сверкать. Внимание детей завораживает блестящий

порошок.

Уит рисует большой круг пальцем. — Это земля. Все внутри — часть того же организма: вы, я, собаки, земля, воздух, — он берет руку Хили и дует на нее, демонстрируя ветер, заставляя четырехлетнюю хихикать от восхищения. — Мы живем в супер организме, и все внутри него связано мощной силой.

— Йара, — кричат дети в унисон. Уит делает насмешливо-удивленное выражение лица и спрашивает:

— Вы уже слышали эту историю прежде?

— Да! — вопят дети, радостно смеясь. Уит улыбается и неосознанно поглаживает прядь седых волос в черной гриве. Это единственный признак старости, наступил до того, как он нашел Йару. Доказательство того, что он самый старший в общине.

— Вы правы, — соглашается он. — Йара — это течение, проходящее через всё. Оно даёт нам возможность Читать. — Внутри круга, представляющего Землю, Уит рисует окружности поменьше и, показывая на самую дальнюю, спрашивает:

— Можете сказать, через что протекает Йара? Танайна поднимает руку и выпаливает: — Люди!

Уит кивает и указывает на следующий круг.

— Животные, — говорит Василла, и затем добавляет, — растения, — когда Уит передвигает палец к очередному кругу.

Помещая палец в самый маленький центральный круг, он говорит:

— Даже элементы: огонь, вода, воздух, земля, все они пропускают через себя Йара.

— Поскольку вы близки с Йарой, с её помощью можно установить связь со всеми элементами земного сверхорганизма. — Уит чертит линии от круга, означающего "людей", к остальным. — Даже камни помнят всё, что с ними происходило. Если бы только они умели разговаривать!

Дети снова смеются, принимая разговаривающие камни за очередную шутку Уита, в которой всё же есть доля правды.

— Хорошо. На сегодня урок закончен, — говорит Уит.

Освобождённые дети, макая пальцы в порошок, рисуют на лице боевую раскраску и гурьбой вываливаются наружу. Мы с Уитом направляемся к его юрте.

— Никиски передал тебе сообщение? — спрашивает он.

— В свойственной ему форме, — говорю я усмехаясь. — Что-то насчет мяса?

— Да, оно заканчивается, — говорит он. — Мы думали, ты сможешь нам с этим помочь. Так как остальные охотники нужны для поиска нашей летней стоянки. — Улыбается Уит. — Я думаю, ты не будешь против.

Мой наставник знает меня так же как мой отец. Не считая Кетчикана и Кордовы, я — лучший охотник в общине. И я наслаждаюсь временем, проведенным в одиночестве.

Мы подходим к юрте Уита. На стоящих у двери облегчённых санях, горой лежит мешок с провиантом, к которому прислонены лыжи.

— Я прочёл для тебя череп, — говорит он. — Завтра в южной части ты найдёшь оленя. Хорошо выпишись, а утром первым делом направляйся туда.

Я киваю. — Я отправлюсь на рассвете.

— И будь осторожна...

— ... не пересекай границу. Я знаю, Уит. Я буду осторожна, — обещаю я.

— Хорошо, тогда. Я ухожу, — говорит он и собирает мешок на санях.

Из соседней юрты выходит мой папа и начинает поддразнивать Уита:

— Снова убегаешь?

— Ненавижу долгие прощания, — улыбается в ответ Уит. — И меня не будет всего две недели.

Он разворачивается и, закинув рюкзак на плечо, по тропинке уходит в лес.

— До сих пор не понимаю, почему Уит не ходит в походы с собаками, — говорю я.

Мой отец опускает руку мне на плечо и идет со мной вместе назад к нашему дому. — Он делает вещи по своему, — отвечает он.

Мы подходим к основной стоянке. От запаха готовящихся обедов и теплого дыма, исходящего из юрт, у меня урчит в животе.

Мы с папой проходим в дверь и обнаруживаем Беккета с Нерудой, лениво лежащих у костра, и внимательно наблюдающих за закипающим в котле мясом.

Когда я вешаю свой арбалет на перекладину и начинаю снимать мокасины с курткой, папа интересуется:

— И как дела у моей воительницы? Уит сказал, что отправил тебя на охоту.

— Ухожу завтра утром, — отвечаю я.

Разложив лосиное мясо по чашкам, он передаёт одну, вместе с ложкой, мне. Мы садимся у костра, и я, подув на полную ложку, немного откусываю. Ощущая тепло и безопасность нашей юрты, я в тысячный раз задумываюсь о том, как же нам повезло. Мы с папой есть друг у друга. У нас хорошая жизнь, в то время как мир вне наших границ — только радиоактивные зоны, толпы мародерствующих бандитов, и для кого-то еще, пережившего Третью Мировую Войну, существование заполнено страданием и отчаянием.

МАЙЛС

— Как я уже говорила, я застала вашего сына за списыванием на экзамене.

Госпожа Кокран, учитель английского, доставая мою свёрнутую шпаргалку, делает такое лицо, словно она почувствовала запах чего-то протухшего. Я стараюсь не показывать своих эмоций при папе и директоре, но усаживаюсь на стул.

— С каких это пор, за списывание выгоняют из школы? — восклицает папа.

Мистер Риггз, директор, смотрит на моё личное досье и проводит пальцем вниз по странице.

— С тех, когда у ученика уже есть два предупреждения за пронос алкоголя и наркотиков на территорию школы.

Мой папа прочищает горло.

— Ну, возможно, мы можем это уладить, как и в предыдущих случаях, — говорит он глядя на миссис Кокран. Если бы ее здесь не было, то разговор давно бы перешел на тему благотворительного пожертвования компанией моего отца для школы, но судя по серьезному выражению лица мистера Риггза, я сомневаюсь, что это сработает в этот раз.

— Что ж, да, знаю, в вашем случае бывали смягчающие обстоятельства, но мы не можем продолжать делать исключения из правил для вашего сына. В Биллингстонской академии с правилом трёх предупреждений строго, и боюсь, что я вынужден применить его и в этом случае.

Через несколько дней папе позвонили из приёмной Йельского университета и сообщили, что мою заявку будут рассматривать до тех пор, пока не получат доказательства того, что я "прохожу воспитательные работы из-за недопустимого поведения". И вот тогда папа придумывает план с почтовым отделением.

ДЖУНО

Моя стрела попадает прямо в крупного оленя, и он тяжело оседает на землю. Закинув арбалет на плечо, под хруст нетронутого снега я быстро бегу по полю к ещё живому зверю и опускаюсь на колени.

— Спасибо, — говорю я, вытаскивая нож из-за пояса. Поглаживая жесткий мех на морде животного, я смотрю прямо в его огромный стекленеющий глаз. А затем перерезаю ему глотку.

Некоторые из наших охотников входят в длительный духовный контакт с животным, прежде чем убить его. Но Уит однажды сказал мне, что уважительное отношение и слова благодарности приравниваются ко всем высоким словам в мире. Должна признать, что согласна с ним.

Очищая свой нож снегом, я свистом подзываю Беккета и Неруду, чтобы они привезли сани. Но они и так несутся ко мне, рассекая ледяные сугробы своими трясущимися от возбуждения телами. Я закидываю кожаные ремни на зверя и втыкаю железные штыри в нижнюю часть туши, чтобы затем её перевернуть.

Этот олень весит, наверное, килограммов девяносто — в два раза тяжелее меня, но с помощью ремней и собак я быстро ухитряюсь затащить его на сани. Оставшаяся на снегу волнообразная тёмно-красная линия такая же яркая, как ленты в венках из белых лилий.

Закрепляя оленя на санях верёвками, я вдруг слышу нечто странное: громкий хлопающий звук, похожий на взмахи тысячи орлиных крыльев, совмещённых в единый ровный ритм.

Я уже слышала этот звук, но только лишь из безопасного убежища. Это аэроплан. Означающий только одно — бандитов. Ритм сердца учащается, а я замираю и всматриваюсь в небо.

Почему Уит не предвидел этого и не спрятал общину? Наверное, они не приблизятся достаточно, чтобы представлять собой какую-либо угрозу. Но, по-моему, в пределах слышимости — значит достаточно близко, чтобы прятаться. От одних мыслей о том, что бы я делала, будучи Мудрецом, у меня сводит живот.

Бремя того, что я стану преемником Уита, уже начинает тяготить меня. Как и он, я буду защищать общину. Предсказывать бури и другие стихийные бедствия. Заговаривать хороший урожай и Читать, где добыть пищу в неурожайные годы. Читать приближение хищников или бандитов и наводить маскировку, чтобы скрыть деревню.

Я не вижу источник шума. Передо мной лишь гора Денали. Шум отражается от предгорий и быстро поглощается заснеженной долиной, расположенной в горном подножии. Надеюсь, он доносится не из-за горы, где находится моя деревня. Конечно, нет. Уит бы это предвидел.

На душе скребут кошки. Я быстро освобождаю хасок* от оленя и привязываю к саням.

(*Сибирский хаски — [порода собак](#), заводская специализированная порода, полученная американскими кинологами в 30-х годах 20 века, как [ездовая собака](#) с использованием аборигенных собак с русского Дальнего Востока. Эта аборигенная ездовая собака русского Дальнего Востока является одной из [древнейших пород собак](#). В настоящее время

выведенная порода «сибирский хаски» используется не только как ездовая, но и как собака-компаньон и шоу-выставочная собака. Здесь и далее примечания редактора.)

— Пошли! — кричу я, и мы несёмся к горе Денали, домой. Шум прекратился. Должно быть, аппарат улетел. Возможно, он был далеко, и звук казался близким из-за эха, успокаиваю я себя, но не снижаю темпа хасок.

Спустя десять минут "полёта" по открытому полю к дороге, пролегающей у подножия горы, я слышу лишь свист полозьев. Холодный ветер обжигает щёки, и я связываю тесёмки мехового воротника куртки, прижав его к лицу.

До предгорья еще минут двадцать езды. Я настигла оленя, как в видении, почти у границы. Хорошо, что животное вовремя остановилось, потому что я бы никогда не осмелилась пересечь ее. Даже такая крупная добыча не стоит риска.

Внезапно тишину вновь пронизывает этот хлопающий звук, ещё ближе и громче, как бы говоря, что я двигаюсь в нужном направлении. Но источник шума по-прежнему невидим. Кажется, что механический ритм орлиных крыльев замирает, а затем начинает отдаляться. "Должно быть, он за горой", — думаю я, и беспокойство перерастает в панику.

Я натягиваю поводья, и собаки резко останавливаются. Соскочив с саней, я начинаю копать снег рукой в варежке, пока не достигаю земли. Быстро сняв через голову кулон на кожаном ремешке, я зубами снимаю варежку и, вложив до сих пор тёплый огненный опал в ладонь, прижимаю её к сырой траве. Закрыв глаза, я представляю отца, и земля начинает со мной разговаривать.

От ледяной паники отца у меня замирают мысли, скованные его страхом. От ощущаемых переживаний, по пищеводу поднимается желчь и обжигает горло. Отскочив, я сплёвываю и вытираю мокрую руку о куртку.

Нужно двигаться быстрее. Вытащив из-за пояса нож, я отрезаю оленя. "Пошли!", — кричу я, и собаки, чувствуя в моём голосе страх, бегут так, как никогда прежде. Олень смещается назад, а затем соскальзывает с саней на землю, и освобождённые от его веса мы словно стрела мчимся по снегу.

Почти через час мы, наконец, переезжаем холм, за которым наша деревня. Горло дерёт так, что трудно дышать, но от вида целых и невредимых юрт и поднимающегося из них дыма, я вздыхаю с облегчением. От поступающего в мозг кислорода кружится голова.

Внимательно осмотревшись, я не замечаю в лагере никакого движения. Поднеся пальцы к губам, я свищу характерным мне тоном. Тем, после которого с криками "Это Джуно! Она вернулась!" ко мне всегда подбегают дети и смотрят, что я привезла с охоты. Но в этот раз ответом служит тишина. Наконец, я замечаю беспорядок.

Инструменты и оружие разбросаны вокруг. Одежда, сохнувшая на веревке, улетела к лесу и висит теперь на деревьях, развиваясь подобно флагу. Корзины опрокинуты, зерно и бобы просыпались через дно. У двух ближайших юрт с самого низа разорваны стены, и куски кожи болтаются туда-сюда. Такое впечатление, что прошел сильный ветер.

Беккет и Неруда начинают рычать, а их шерсть щетиниться. Освобождённые от саней, они подбегают к нашей юрте. Исчезнув в ней на секунду, они выскакивают вновь. Тяжело дыша, и бешено лая, собаки начинают обнюхивать пустой лагерь, а я захожу в юрту и вижу перевернутый стол отца. На полу валяются его бумаги и книги.

Его нет. Мое сердце замирает, но я опускаю взгляд на землю, и оно начинает бешено колотиться в груди, а из горла вырывается крик. На мягком земляном полу почерком моего отца тщательно выведено: "Джуно, беги!".

МАЙЛС

Добро пожаловать во вторую неделю моего личного ада.

Толкая почтовую тележку через двойные качающиеся двери, из благоухания и чудной музыки я попадаю в почтовую комнату со зловонным сочетанием пота, клея и роком восьмидесятых.

— Эй, младший, — говорит Стив, сорокалетний изнеможенный мужчина с хвостиком на голове. — Что с униформой?

Я опускаю взгляд на форменную желтую рубашку с коротким рукавом, которую ношу поверх джинсов, и пожимаю плечами.

— Я дал тебе синие брюки, — говорит он. — Ты должен их носить.

— Это да, но, видишь ли, Стив, есть такая штука, называется стиральная машина. И время от времени не плохо бы забрасывать туда свою одежду, чтобы хорошо пахнуть. А поскольку ты дал мне только одну пару "брюк", — от одного этого слова меня передергивает, — мне нечего надеть на смену.

— Чувак, для этого есть выходные. Я ношу свою форму всю неделю, и потом стираю ее в конце недели.

Его постоянные пятна подмышками вызывают у меня сомнения по поводу частоты его стирок. Поэтому я просто стою и пялюсь на него, пока он не отводит взгляд, и не начинает настраивать радио.

— Твой отец сказал, что я должен относиться к тебе, как ко всем остальным, — говорит он, не глядя на меня, — а это значит, что нужно носить униформу.

— Да, сэр, — говорю я, избегая сарказма в интонации, но подразумеваю его всем своим сердцем.

Сейчас я должен быть в школе, готовиться к выпускному. Развлекаться на полную катушку, как остальные одноклассники. Ели бы не миссис Кокран, через шесть недель я бы без особых усилий перешел из школы прямиком в Йель. Если бы не отец, сейчас я бы смотрел Камеди Сентрал у себя дома.

— Работая в почтовом отделении, ты получишь навыки ведения бизнеса с нуля, — сказал он, — докажи, что можешь быть ответственным, и я обеспечу тебе место в Йеле на второй семестр. Но до тех пор, вместо того, чтобы валять дурака, ты будешь работать по сорок часов в неделю за минимальную зарплату.

Его мотивы ясны, как белый день. Он хочет наглядно показать, какой будет моя жизнь, если я не «возьмусь за ум». Показать, что если я не изменюсь, то буду обречен превратиться в Стива, коротать дни, сортируя конверты, и тешить больное самолюбие, командуя скромным почтовым персоналом.

Должен быть другой способ утвердиться в глазах отца, кроме того, чтобы увязнуть здесь на девять месяцев. Даже несколько недель в этой адской бездне, и мой мозг взорвется.

Или я убью Стива. Я представляю, как оборачиваю вокруг его шеи его же волосы и стягиваю их. Смерть от "конского хвоста". Это может произойти.

ДЖУНО

Собаки воют. Я выхожу из нашей юрты и иду на звук. Они в юрте Ном, стоят среди месива из шерсти и крови. Ее хаски. Застреленные. Я едва сдерживаю слезы, поскольку знала этих собак, как своих.

На все племя у нас одна винтовка, и та используется лишь в редких случаях нападения медведя. Каждая пуля на счету. Но разбросанные вокруг гильзы точно не от нашей винтовки. Летательные аппараты? Оружие? Бандиты хорошо оснащены, и это пугает.

Из юрты Ном я бегу в юрту Киная. Никого. Только за юртой очередной ворох окровавленной шерсти. У входа в лес я вижу еще несколько мертвых хаски. Но ни одного человека. Я проверяю все двадцать юрт, оставляя юрту Уита напоследок.

Огонь Мудреца погас, очаг остыл. Я стою в смущении, пока не вспоминаю, что вчера он ушёл в поход. В пещеру по другую сторону Денали, куда он ходит несколько раз в году, чтобы, как он это называет, "освежить разум".

Он никогда не брал меня с собой, но я знаю, где это. Благодаря всем исследованиям, что провели Ном, Кинай и я, нет и дюйма нашей территории, которую бы я не посетила. От мыслей о лучших друзьях и где сейчас они могут быть, у меня сжимается сердце. Что за неизвестная опасность нависла над ними, отцом и остальной частью племени? Если они ещё живы. Я трясую головой, не позволяя этой мысли укорениться там.

Я должна добраться до Уита. Даже при том, что он не предвидел это нападение, возможно, он знает, что случилось. Я беру большой мешок с полки в задней части юрты Уита. Тот, который я использую на наших уроках, продолжающихся весь день, когда мы путешествуем в лесу, чтобы найти растения и полезные ископаемые, используемые для Обряда.

"Джуно, беги!" — слова отца вернули меня в реальность, я бросаю в мешок высушенные травы, пузырьки с экстрактом трав, порошки и драгоценные камни с полки Уита. Я не знаю, что именно ему понадобится, поэтому беру всего понемногу. Я хватаю несколько его книг, хранившихся на столе, и пихаю к остальному.

Я свищу, и собаки бегут ко мне. — Хорошие мальчики, — говорю я, когда они садятся перед санями, ждут меня, чтобы я запрягла их. Я прикрепляю мешок к саням, и затем, оглядываясь на свой дом, я говорю собакам подождать и двигаюсь через откидные створки.

Я вижу огонь и сдерживаю желание Прочитать его. Но я не могу игнорировать слова на полу и решаю отложить это, пока не доберусь до Уита. И хотя знаю, что огонь прогорит, я беру ведро растаявшего снега и выливаю на тлеющие угольки.

Я забираю общую фотографию моих родителей, которая стоит на моей тумбочке. Она была сделана за месяц до эмиграции нашей общины. За месяц до войны. Мои мать и отец стоят перед их домом в Сиэтле. Голова матери лежит на плече отца, а он обнимает ее обеими руками.

На фото она выглядела почти как я. Длинные, прямые, темные волосы, доставшиеся от ее матери китайки, широко посаженные, круглые глаза и высокие скулы от папы-американца. Папа сказал, что если бы она не утонула, когда я была маленькой, мы были бы похожи как близнецы.

На этой старой фотографии мой отец выглядит точно также как и сегодня, за исключением одного отличия: он более счастливый. Более беззаботный. "Затишье перед бурей, " — говорит отец, когда вспоминает тот день.

Я провожу пальцами по фотографии и убираю ее в карман пальто. И прежде чем оставить юрту, я наклоняюсь и тщательно стираю сообщение моего отца, стираю все, кроме буквы Д. Если он вернется, то он будет знать, что я видела сообщение.

Я направляю собак к лесу. В момент, когда мы достигаем деревьев, я снова слышу аэроплан. Раскальвающий шум, приближающийся издалека, едва слышимый, но становится громче первого. "Бандиты возвращаются", — понимаю я с ужасом.

Огромных трудов стоит подавить свой страх. "Успокойся", — думаю я, и останавливаю собак. Оглядываясь на лагерь, и на секунду замешкавшись, я соскакиваю с саней и снова бегу к поляне.

Сломав низко склонившуюся ветку, я использую ее как метелку, чтобы замести следы саней, следуя по своим собственным следам назад к деревьям. Оглядываясь назад на свою работу: никто не смог бы понять, что мы были там и куда поехали.

— Пошли! — кричу я, и мы движемся, проносясь поперек лесной дорожки со скоростью ястреба на охоте. И как раз вовремя. Эпицентр шума находится практически над нами. Хотя я благодарна деревьям за плотное укрытие, они не дают мне увидеть то, что летит над нами. Все, что я могу разглядеть — проблеск металла, блестящего сквозь ветви.

Мы покрываем расстояние, которое должны были проделать за час, почти в два раза быстрее. Мне даже не приходится подгонять собак, чтобы те шли быстрее. Они чувствуют мой страх и бегут.

Когда мы прибываем на место, пещера Уита пуста. Мало того, что она пуста, но по количеству паутины и запаху сырости ясно, что внутри не разводили огонь уже долгие месяцы. Я пытаюсь игнорировать острое жало разочарования и комок в горле. Я затаскиваю сани внутрь пещеры, чтобы убрать их с открытой местности, вся дрожу, когда хаски отряхиваются и бегают вокруг.

Механический рокот летающего аппарата все еще звучит у меня в голове, и в памяти всплывает статья из школьной энциклопедии: 15-ого издания "Энциклопедии Британника", выпущенной в 1983 году, за год до начала Третьей Мировой. "ЭБ"- как мы ее называем, ссылаясь на нее по сто раз в день.

Как и все дети общины, я так интересовалась внешним миром — теперь безжизненным — что практически все 30 томов знаю наизусть.

Но, что касается летающих аппаратов, ничего конкретного вспомнить не удастся. Я беру пучок веток для растопки из связки Уита и складываю их посреди пещеры, на месте, где остались черные следы от сотен костров. Я кладу только два полена, поскольку не собираюсь задерживаться здесь достаточно долго, чтобы понадобилось разводить сильный огонь для обогрева.

Как только огонь разгорается, а собаки подбираются ближе к огню, я раскрываю свой мешок. Отложив книги в сторону, я вытаскиваю из сумки камни и связки листьев, пока не нахожу то, что искала — порох Уита, и сыплю небольшое количество на руку.

Первым, чему меня научил Уит, было то, как вступить в связь с Йарой. Чтобы Прочесть — то есть задать вопрос Йаре и получить ответ, если она решит наградить тебя таковым — нужно обратиться к природе. Так, чтобы найти объект охоты, мы используем кости животных.

А поскольку к огню прикоснуться нельзя, обеспечить хорошую связь с пламенем помогает порох. Для остального я использую свой опал. Уит говорит, что это каналы, позволяющие информации перемещаться.

Я усаживаюсь на пол перед костром. Наклоняя голову, я выдыхаю и пытаюсь расслабиться. Чтобы паника и ужас этого дня от меня ушли. Я открываю глаза и смотрю на языки пламени, моё сердце успокаивается, а дыхание становится поверхностным. Я бросаю порох в костёр.

"Отец". Губы двигаются. Слова произносятся. Но я знаю, что важен не звук. Фокусировка на объекте направляет стихии. Сообщает Йаре моё желание увидеть его.

Как только в голове появляются образы отца, я делаю то, чему учил меня Уит — смотрю прямо поверх пламени — и вижу, как что-то возникает в сияющей ауре костра. Я внутри летательного аппарата, вокруг, со связанными за спиной руками, находятся мои соплеменники.

При виде Ном, сидящей рядом со своей матерью, всхлипывающей и не способной утереть слёзы, сердце сжимается. Должно быть, я смотрю глазами отца. В окнах видно ещё четыре летательных аппарата: два спереди и по одному с каждой стороны.

Я изучаю их, и до меня доходит: в ЭБ было написано, что их называли "вертиками"; рубящий звук исходит от вращающихся лезвий, рассекающих воздух. Вертолёты. Но машины, видимые в костре, намного больше тех, что я видела на картинках в ЭБ.

А по размеру машин в пламени можно сказать, что там достаточно места, чтобы вместить на борту целую общину. Изображение здесь, передо мной, но мозг отказывается верить в то, что есть отряд бандитов, достаточно большой и организованный, с работающими машинами и топливом, чтобы ворваться и забрать всю общину.

Хотела бы я, чтобы Йара показала мне больше. Навела на мысль, куда везут отца, или хотя бы показала его лицо. Но как часто напоминал Уит, желаемое Йара даёт не всегда. Ты берёшь, что она предлагает.

Я пытаюсь понять, что могли искать бандиты. И не нахожу смысла. Они забрали людей. А не запасы. Помимо того, что они убили собак, вероятно охранявших своих хозяев, лагерь оставили нетронутым. Чтобы они ни хотели, казалось, они ещё это не получили.

Потому что они возвращаются. И если им была нужна лишь моя община, единственной причиной, по которой бы они решили вернуться, был поиск ее недостающих членов: Уита и меня.

Я закрываю глаза и фокусируюсь на Уите. Я произношу имя и вспоминаю его образ. Мальчишеское лицо с широкими скулами. Глаза смотрят в пустоту, словно наблюдают за миром, незримым для других.

И в пламени я вижу то, что видит он. По обе стороны стоят два крупных человека в камуфляже и держат его за руки. "Должно быть, они в союзе с бандитами, похитившими мою общину", — думаю я и фокусируюсь тщательнее. Мужчины куда-то ведут Уита, и перед ними виднеется вода.

Озеро? Нет. Сердце бьётся сильнее. Океан. Далек от наших земель. По словам отца три дня на собачьей упряжке. Три дня вдаль от всего, что я знаю. Но туда я направляюсь. Какой у меня остаётся выбор?

МАЙЛС

— Что значит, он исчез? — орет в трубку мой отец.

Я сижу перед телевизором с огромной порцией домашней лазаньи, которую миссис Кирби оставила в духовке. Откинувшись в кресле, я заглядываю в кабинет отца через открытую дверь. Он, как обычно, ужинает за столом перед ноутбуком, имея под рукой и домашний, и мобильный телефоны.

— Я думал, мы договорились!

Отец становится пунцовым. Что ему не свойственно. Как и крики. Вообще-то он из тех, кто, сделав морду кирпичом, пугает до усрачки, при этом, не теряя самообладания. Я хватаю пульт и убавляю звук, прислушиваясь к его истерике.

— Я отправил тебя из Лос-Анжелеса до самого Анкориджа не для того, чтобы ты упустил эту сделку. Я знал, что нужно было ехать самому.

Отец вскакивает с места и, вцепившись рукой в волосы, начинает нервно расхаживать по комнате. Взглянув в мою сторону и обнаружив, что я за ним наблюдаю, он шагает к двери и захлопывает ее, отгораживаясь от меня.

Я чувствую, как заливаюсь краской, беру пульт и добавляю звук, блокируя теперь приглушенные вопли отца. Не знаю, почему это так меня задевает. Пора бы уже привыкнуть к тому, что меня не берут в расчет.

ДЖУНО

Прислушиваясь к небу, мы стремительно несемся по замёрзшей тундре в погоне за призраками из костра. Теперь, когда мы выехали из леса, укрытия нет. Сейчас середина апреля.

Всего через месяц снег растает, и пейзаж сразу поменяет свой цвет с тундрокоричневого и белоснежного на багрянец полевых цветов и трав. А пока, мы — движущаяся цель на покрытых льдом, узорчатых полях.

Я ещё не знаю, как мы доберёмся до океана, но это и не важно. Перед тем, как покинуть территорию общины, нужно сделать остановку.

Перед убежищем Беккет и Неруда сбавляют скорость. Они уже здесь бывали, и понимают, куда мы направляемся.

Остановившись у валуна, означающего границу нашей территории, и соскочив с саней, я начинаю очищать от снега углубление у его основания. Сунув варежки в карманы, я роюсь кончиками пальцев, вытаскивая рыхлую землю. Нащупав брезент, я хватаюсь за него обеими руками и, вытащив, нахожу под ним люк.

Уит сделал его на пружине, и при необходимости даже самые маленькие смогут попасть внутрь. Стоит только легко потянуть за кольцо, и двери из тяжёлых досок вмиг распахиваются. Я делаю несколько шагов по деревянной лестнице, уходящей во тьму, а затем снимаю с крючка висящий под потолком землянки фонарь.

С помощью огнива я поджигаю фитиль, который, в принципе, мне не нужен: это место я знаю наизусть. Каждый месяц мы с Ном и Кинаем приходили сюда, чтобы удостовериться, что животные не нашли наши запасы. Также мы докладывали новое сушеное мясо и удостоверались, что черви не тронули старое.

Как только мы научились водить собачьи упряжки, нам рассказали про укрытие. "На всякий случай", — говорили родители. Мы знали, что это за "случай". Нападение бандитов. Или вдруг нас обнаружат выжившие. Укрытие спасало нас несколько раз, когда Уит считывал близкое присутствие бандитов. С самого начала это было неотъемлемой частью нашей безопасности.

Но мы и думать не думали о похищении целой общины. Поэтому здесь меня никто не встречает. И ждать некого. Пополню запасы еды и побегу.

Я беру пустой мешок и наполняю его едой для нас с собаками на три... нет, четыре дня. Снимаю с крючков сушеное мясо и рыбу, висящие под потолком, чтобы к ним не подобралась грызуны.

Высушенные бобы можно размочить в талом снеге. Котелок. На санях уже есть всё необходимое на тот случай, если я окажусь в ловушке: шкуры и палатка из шкуры оленя. Но раз уж я буду три дня за пределами границы, то беру одну зимнюю палатку: её белое покрытие на снегу не будет бросаться в глаза.

И, наконец, на случай пленения я беру "страховку". Кое-что ценное, чем можно поторговаться с бандитами.

Мне удаётся сложить всё в сани в три подхода, и я готова. К чему? Теперь я осознаю, что не знаю, куда идти.

Пока я не узнаю, куда увезли мою общину, лучшее, что остаётся, — это искать Уита. Должно быть, его захватчики — часть той же группы бандитов. Я смотрю на солнце: ещё далеко на западе, а потом на тень, отбрасываемую валуном на снег.

По сравнению с короткими, пятичасовыми зимними днями в середине лета светло бывает и по двадцать часов. Я знаю земной календарь не хуже собственного тела. До заката осталось не менее трех часов. И мне хватит этого времени, чтобы успеть преодолеть приличное расстояние.

Нельзя терять ни минуты. К вечеру похолодает, и хотя холод мне не помеха, на новой территории нужно использовать все преимущества.

"Пошли!" — кричу я собакам. Излишне. Они и так бегут, и мы вновь оказываемся на белом просторе, двигаясь на юг. Через границу. Прочь от защиты племени — навстречу дикой природе.

* * *

Пробыв в пути около часа, я решаюсь Прочесть. Спокойствие. Установить связь с Землёй. Важно спокойствие духа. В голове я слышу голос Уита, с той же четкой, практичной интонацией.

Спокойствие. Только у меня сейчас совсем не то расположение духа. Паника — возможно. Неуверенность, страх — определённно. В ближайшее время мне не просто будет успокоиться.

Но выбора у меня нет. Единственное, на что я ориентируюсь — общие сведения о том, что океан находится на юге. Мне нужно узнать больше, чтобы не терять драгоценное время, ведь Уит был уже у океана, когда я его видела. А мою общину забрали по воздуху. По сравнению с ними, я движусь черепашьям шагом. Их уже может и не быть на территории Аляски. Их вообще уже может не быть в живых. На меня обрушивается суровая действительность.

"Хватит!" — упрекаю я саму себя, цепляясь в поручни саней. И замечаю, как вдали безупречным клином летит в нашу сторону стая канадских гусей. Они летят на север, возвращаясь на Аляску после зимовки. Подстраиваясь под траекторию их полета, я направляю сани прямо на юг и кричу:

— Тише! — Собаки снижают темп и, по команде "Стоять", останавливаются. Я слезаю с саней и приседаю, чтобы расчистить землю от снега. Сняв через голову опал, я прижимаю его к земле и думаю об отце, но не получаю ответа.

Меня пробирает страх. Раньше такого не случалось. Значит ли это, что он мертв, или просто находится слишком далеко? Образ отца в моем воображении сменяется образом Уита, и на меня внезапно накатывает волна беспокойства. Тревога Уита не удивительна, но она отзывается во мне ответным страхом. Я вскакиваю обратно в сани, кричу: "Вперед!", и мы, сорвавшись с места, мчимся на юг к океану.

Днём светло по пятнадцать часов подряд, и всё это время мы движемся. Останавливаемся только на приём пищи, а на ночь разбиваем лагерь. Первые две ночи, я сидела во тьме и смотрела на звезды. Третья дарует мне полярное сияние. Мерцающие разноцветные огни похожи на шёлковое знамя.

Я прикасаюсь к Земле по десять раз на день, но не могу связаться с отцом. Прижимаю

сырую землю к опалу, но в пальцах не отзываются никакие чувства. Сейчас же, стоя неподвижно под сиянием, я поднимаю вверх руки, в одной из которых опал, и пытаюсь Прочитать ветер.

Я интересуюсь, жив ли мой отец, и внезапно, в самом центре безжизненной тундры, ощущаю запах костра и аромат жареного мяса. И понимаю, что где бы ни был мой отец, он жив и не голодает. Скрестив руки на груди, я начинаю радоваться, и от облегчения кружится голова.

Глядя на распускающиеся сине-зелёные огни над собой, я улыбаюсь. С чувством успокоения я возвращаюсь в палатку. И в первый раз, за всё время, проведённое вне границ нашей территории, лёжа меж двух хаски, под шкурами палатки, я сплю хорошо. Сплю крепким сном.

МАЙЛС

Я успеваю переброситься с секретаршей отца парой слов, как вдруг снова слышу его крики.

— Не знаю, чем, но она очень важна! Видимо, вся сделка держится на ней... Мне плевать, что вы скажите своим людям! Скажите, что она — промышленный шпион, обладающий информацией о препаратах, которая мне нужна. Это почти правда. Просто выведите на улицу как можно больше людей!

Секретарша поднимает на меня взгляд и закатывает глаза.

— Что происходит? — спрашиваю я.

— В последние дни он сильно взволнован. Думаю, у него срывается очень важная сделка.

Забрав кружку кофе, она уходит в комнату отдыха. Отец понизил голос, поэтому я подхожу к его двери.

— Мой осведомитель сообщает, что, возможно, она идёт от Аляски по воде, — говорит он. — И может высадиться где-то на западном берегу. За ней будут охотиться все без исключения. И мы должны сделать это раньше конкурентов. Чёрт, да я бы сам прочесывал улицы, только эксперт в разведке у нас ты, и найти её я доверяю тебе.

Похоже, они на кого-то охотятся. Теперь становится интереснее.

ДЖУНО

На третий день я начинаю замечать признаки присутствия бандитов. До этого мы с хаски старались избегать любых признаков жизни. Вчера мы проезжали мимо асфальтированной дороги. Отгородившись от этих остатков мертвой цивилизации, я увела собак подальше, решив по ней не ехать.

Но сегодня, когда мы находимся рядом с побережьем, мне приходится пересечь дорогу, а затем еще одну. Нет никаких признаков людей, но я стараюсь передвигаться осторожнее. Через некоторое время на горизонте что-то появляется, строение, построенное из стекла и дерева с двумя ящиками, у которых стоят машины.

Я сразу же понимаю, что видела подобное на картинках в книгах: бензоколонка, очевидно покинутая. Топливный запас, скорее всего, ниже уровня насосов, используемых для заправки автомобилей бензином. Хотя вид бензоколонки наполняет меня волнительным ужасом, я не могу не улыбнуться. Это мой первый проблеск реального мира, вне того, где я провела всю свою жизнь.

Стены здания украшают надписи, рекламные объявления, вспоминаю я, слово крутится на языке как медовый леденец, стены наполовину развалились и проржавели.

Собаки не обращают внимания на это место, когда мы проносимся мимо, и как только оно исчезает из моего поля зрения, я вздыхаю с облегчением. Я видела внешний мир, и ничего плохого не случилось.

Когда мы оставляем позади еще несколько других покинутых зданий, автомобиль, припаркованный сбоку со снятыми колесами, моя вера растет. Бандиты не скрываются за каждым углом, как я всегда думала. Возможно, те, кто похитил мою общину — единственные, оставшиеся в живых. Возможно, я не смогу найти мою общину, но так или иначе я должна освободить их.

В момент, когда проблеск надежды солнечным лучом пробивается сквозь мрачные тучи моего сознания, я вижу что-то на горизонте. Что-то движущееся по дороге нам навстречу. Еле заметное пятнышко вдали, которое с каждой секундой увеличивается.

— Стоять! — кричу я, и свожу собак с дороги за один из ельников, периодически возникающих среди безлесных просторов тундры.

Собаки, тяжело дыша, прижимаются к земле, и я укрываю сани белым кожаным тентом, чтобы сделать нас незаметными на снегу. Я съёживаюсь позади, не сводя глаз с приближающейся машины. Она напоминает военный транспорт из "ЭБ" — что-то наподобие джипа, только в два раза больше, и огненно-красного цвета.

У меня замирает сердце. Машина совершенно новая. Не тридцатилетней давности. Не поржавевшая и не смонтированная на скорую руку из запчастей, как бандитские колымаги, которые рисует Кинай, иллюстрируя безумные истории Ном.

Эта машина, как будто, собрана совсем недавно. Но я же знаю, что это невозможно. Откуда в вымирающем мире рабочий автозавод? Разве что, бандиты организовывали собственными силами. Но даже в таком случае...

Автомобиль проносится мимо нашего укрытия, и я мельком вижу пассажиров: за рулем сидит мужчина, рядом с ним женщина. Они смеются. А на заднем сидении — ребенок. Они

не похожи на доведённых до отчаяния переживших апокалипсис, они напоминают скорее счастливое семейство.

Ошеломленная я приседаю, когда автомобиль исчезает вдали. Через минуту, я прихожу в себя от контузии и заставляю себя двигаться, убираю палатку в сани, и приказываю хаски бежать. Я не могу позволить времени пропадать впустую.

Так как сани качнулись вперед, огненный опал прижимается к коже. Я чувствую себя потерянной, но мой амулет напоминает мне, что независимо от того, какие бы странные вещи я не увидела в этом новом мире, Йара всегда будет вести меня. И крупица уюта зарождается в моем сердце.

Мы почти на побережье. Я могу почувствовать изменения в воздухе и почувствовать соленый запах в сильных порывах ветра. Темп собак ускоряется, когда они все быстрее бегут к неизвестному. Они никогда не были вне нашей территории, будучи третьим поколением собак в нашей общине. Но радость их быстрого шага, я подозреваю, заключается в том, что знание о море заложено глубоко в их души.

Мы достигаем вершины горного хребта, я спрыгиваю с саней, чтобы рассмотреть великолепие, раскинувшееся перед нами. Океан — во всем его диком и необъятном великолелии. Истории, которые я слышала, и фотографии, которые я изучала, не соответствовали действительности. Его поднятые ветром волны простираются до самого горизонта, уходя в никуда, белые птицы, что-то выкрикивая, опускаются к его поверхности и ныряют. Слезы подступили к моим глазам, и я чувствую острые ощущения вибрации в венах от происходящих открытий.

Тогда мой пристальный взгляд опускается и мир останавливается. На мгновение я могу устоять на ногах, но затем опускаюсь на землю. Я не могу дышать. Не могу думать. Я не могу встать на колени в снегу и смотреть на невозможное.

Ниже находится город. Он не находится в руинах. Не опустошен войной и отравленной радиацией. Это — процветающий город с массивными стеклянными зданиями, блестящими на послеобеденном солнце. Люди — не опасные бандиты, а нормально выглядящие люди, ходят по его улицам. Автомобили, которые выглядят совершенно новыми, более округлые, чем в энциклопедии, едут вниз по дороге и припаркованы по бокам от нее. Это — не постапокалиптическая пустошь. "Где я? Что происходит?"

Мое горло сжимается настолько сильно, что я начинаю кашлять, а затем задыхаться от холодного воздуха. Мое тело оцепенело от шока и мои мысли путаются, много мыслей, выключение и полная остановка. Я сижу. И смотрю. И пытаюсь понять.

МАЙЛС

Я успел отскочить от двери, как раз, когда отец вышел из своего кабинета.

— Сын, ты меня ждешь что ли? — спрашивает он рассеяно.

— Да нет, вот, почту занес, — выкручиваюсь я и протягиваю в доказательство несколько конвертов.

— Через несколько часов я отправляюсь на эти выходные в Денвер на конференцию, которую я не могу пропустить, — говорит он, уходя. — После этого у меня еще есть кое-где дела, поэтому я не уверен, когда точно вернусь. Но я буду тебя проверять и попросил миссис Кирби остаться дома.

— Но папа! — протестую я. — Мне уже долбанных восемнадцать лет! Мне не нужна нянька. — Сказав это, я чувствую себя восьмилетним.

Отец поворачивается и смотрит на меня с укором. — Вот именно из-за того, что тебе уже восемнадцать, присмотр не помешает. У меня и так дел по горло. Не хватало еще, чтобы ты влез в какую-нибудь передрагу.

— Спасибо за доверие, — говорю я, но отец уже ушел.

ДЖУНО

Мы проводим ночь на вершине уступа, наблюдая, выжидая. Я хочу узнать этот город, прежде чем войти в него. Спящие псы согревают палатку теплом своего дыхания, и я лежу, наполовину из нее высунувшись и подоткнув под себя края палатки, чтобы удержать тепло. Я не чувствую холода. Внутри меня горит огонь, с момента исчезновения моей общины, и эта новая загадка заставляет его разгореться еще ярче.

Я жую кусок вяленой оленины, разглядывая город. Вдоль побережья тянется целый лес из высоких зданий, теснящихся друг к другу, но чем дальше от центра города, тем расстояние между ними становится все больше, а они сами все ниже. На краю города располагаются группки домов, окруженные небольшими парками и пунктами снабжения. Я пытаюсь вспомнить, как же они называются... кажется, магазины.

За несколько часов до наступления сумерек, машины начинают покидать город и направляться к окраинам. Я смотрю, как одни подъезжают прямо к домам, а другие сначала останавливаются у магазинов. Люди, с высоты моего наблюдательного пункта, кажутся маленькими, словно муравьи — выходят, катят металлические тележки, полные продуктов, выгружают их в машины, и, добравшись до дома, переносят их в дом.

Мой разум противится тому, что видят мои глаза. Люди — обычные люди — ходят на работу и возвращаются домой к своим семьям. Возле домов весело играют дети, закутанные в цветастые теплые одежки. Кажется, у них вдоволь топлива (я насчитала как минимум десять заправочных станций) да и провизия доступна в изобилии.

Я пытаюсь отстраниться от эмоций: растерянности, шока, страха, и цепляюсь за каждую унцию здравого разума. Я не могу позволить себе запаниковать. Если я не смогу сохранить холодный рассудок, то и своих людей навряд ли смогу найти. Мне уже неоднократно приходилось избавляться от мысли о жизни в полном одиночестве. Подобное предположение слишком пугающее, чтобы о нем раздумывать. Я должна сосредоточиться на своей цели: найти Уита. Тогда — вместе — мы сможем вернуть нашу общину.

Слишком много вопросов вертится у меня в голове. Как смог этот город избежать атомной катастрофы в Третьей мировой войне? Мог ли он полностью восстановиться за три коротких десятилетия? И если выжил этот город, могли ли выжить и другие? Я вижу, как корабли заходят в порт и его покидают, значит, они должны куда-то направляться.

Все, что я вижу перед собой, кажется невозможным: процветающий оплот цивилизации всего в трех днях пути от нашего поселения. Я снимаю свой огненный опал с шеи и кладу на ладонь. Связь с отцом по-прежнему отсутствует, и ветер ничего не доносит до меня.

Я борюсь с растущим чувством тревоги. Я никогда не была вдали от отца — и моей общины — больше чем на день или два, когда мы отправлялись с друзьями в своеобразный поход с палатками. В те времена я наслаждалась уединением, зная, что все живы и здоровы у себя в юртах. А теперь... Я делаю глубокий вдох и пытаюсь выкинуть из головы переполняющие меня беспокойные мысли.

Я сосредотачиваюсь на Уите. Представляю его лицо, которое помнила столь же ясно, как и лицо отца, и Йара показывает мне его эмоции. Страх. Смятение. Я не могу почувствовать отца, но чувствую Уита, а значит, он все еще где-то поблизости.

И хотя крошечные человечки внизу, кажется, не несут никакой угрозы, я не хочу привлекать к себе внимание. Уж лучше я поспежу за ними как за добычей во время охоты. Изучу их повадки. Узнаю их, прежде чем сделать следующий шаг. Я не осмеливаюсь разжечь огонь здесь, на уступе, хотя могла бы использовать порох, чтобы спросить Йару, где Уит. Мне нужно дождаться утра, чтобы воспользоваться менее заметным способом Прочитать его местонахождение.

Я прячусь обратно в палатку, подтыкаю плотнее ее края, и, закутавшись в меха, слушаю посапывание спящих хаски и чуждые звуки цивилизации в отдалении.

Солнце только взошло. Город спит. Я прячу сани и громоздкие припасы на окраине города, захватив лишь большой рюкзак и закрепив его лентами на спине. Бекетт и Неруда охраняют меня, шагая по бокам, когда мы пересекаем границу жилого района.

Так как мы приближаемся к центру города, начинает появляться все больше магазинов, пока мы не выходим на широкую улицу заполненную предприятиями с обеих сторон. Я слышу шум и замираю, так как к нам сзади приближается автомобиль. Шерсть собак встает дыбом, и они ближе прижимаются ко мне, когда человек выходит из автомобиля и идет к двери одного из магазинов. Он вынимает что-то из кармана и начинает шевелить этим в ручке двери. Открыв дверь, он отряхивает снег с ботинок и оглядывается по сторонам, прежде чем войти внутрь. Заметив меня, он вежливо улыбается, кивает головой и здоровается: — Доброе утро! — Затем он исчезает в магазине. Я застываю секунд на десять, и когда он не возвращается с заряженным ружьем или еще каким-то оружием, выдыхаю с облегчением, выпуская изо рта облачко теплого пара.

В свои семнадцать лет я знала всего сорок шесть людей. Одни и те же люди каждый день, люди, которых я знала, как облупленных. И вот я только что увидела мужчину, которого не знала и с которым никогда не говорила. Я прохожу мимо магазина и вижу, как он возится внутри — и фух! — я иду дальше, и его уже для меня не существует. Мне слышится, как Деннис шутливо бранит меня в школе: "Джуно, дай нам всем покой и оставь свой экзистенциализм для философского кружка".

Спустя несколько минут, женщина с белыми волосами выходит из дверного проема, и я снова охвачена тревогой. Ее лицо морщинистое, и хотя я видела картинки стариков, это первый раз, когда я встречаю одного из них. Я чувствую, что смотрю на чужаков, как будто они из другого далекого мира. От нового опыта по позвоночнику бегут мурашки.

Она поворачивается и ловит мой пристальный взгляд, но после короткого любопытного взгляда на меня и собак, игнорирует нас и движется дальше. Я осторожно продвигаюсь к территории с деревьями и травой, и нахожу убежище на скамейке. Я сижу там вместе с собаками, пока город начинает оживать. Пока я могу наблюдать, как люди приходят и уходят, без взбешенного сердцебиения.

На скамейку напротив меня садится мужчина, ставит рядом с собой дымящийся белый стаканчик и достает газету. Я приказываю собакам сидеть и подхожу к нему поближе. Он поднимает на меня глаза и его брови подскакивают вверх в изумлении. Что ж, я тоже не видела здесь никого, одетого в мех и шкуры.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спрашивает он.

— Где мы?

Он осматривается вокруг и снова поворачивается ко мне.

— В парке, — пожимает он плечами.

— Я знаю, что мы в парке, — говорю я, — но в каком городе?

— Анкоридж, — отвечает он, прищурив глаза, и видимо, ища подвох в вопросе, но затем его выражение лица сменяется беспокойством.

— Ты потерялась? — спрашивает он.

— Нет, — бросаю я, и свищу собакам, которые тут же подлетают ко мне. Мы направляемся к выходу из парка, но я мешкаю. Обернувшись, я вижу, что мужчина все еще смотрит на меня и решаюсь задать вопрос.

— Расскажите мне, как этот город уцелел в войне?

— Какой войне? — спрашивает он с интересом.

— Третьей мировой войне. Последней Войне. Войне 1984 года, — перечисляю я все известные мне названия. Он открывает рот и произносит слова, которые, как я подозревала с прошлого вечера, были правдой.

— Не было Третьей мировой, — сказал он, — тьфу-тьфу, — и постучал костяшками пальцев по скамейке.

Я чувствую, как меня накрывает приступ тошноты. Мое лицо и руки становятся липкими, и мне кажется, что меня вот-вот вырвет. Мне нужно присесть. Я возвращаюсь к парковой скамье и опускаю голову между колен, пока приступ не пройдет. Я вижу, как мужчина уходит, бросив напоследок обеспокоенный взгляд в мою сторону, прежде чем толкнуть металлические ворота и исчезнуть. Я же пытаюсь переварить сказанное им.

Не было никакой войны. Я все еще не могу поверить, что мы жили так близко к этому городу, но ничего не знали. Как могли мой отец и другие взрослые так ошибаться? Но ведь не было способа узнать об этом, понимаю я. Они сами изолировали себя на тридцать лет.

Я отгоняю эти мысли прочь. Мне нужно найти мою общину. Даже если их похитили не бандиты, они забрали моих близких и убили наших животных. И мне по-прежнему нужно найти Уита. Я должна получить знак, что делать дальше.

Внезапно рядом появляется нужный мне человек. Кое-кто, чьи мысли не скованны реальностью. Чей разум свободен для доступа к коллективному бессознательному, содержащему в себе все прошлое, настоящее и будущее человечества.

Этот человек — пожилая женщина, закутанная в разномастное тряпье. Она пробирается через железные ворота, толкая впереди себя металлическую тележку, доверху нагруженную всяким хламом: старыми ботинками, пачками бумаги и алюминиевыми банками, нанизанными на веревочку и с грохотом волочащимися вслед за ней.

Она пересекает парк и, увидев меня, приближается. Бекетт и Неруда прилипли к ноге, но не рычат. Она останавливается у другого конца скамьи и медленно наклоняется, чтобы присесть. Ставя свою тележку около себя, ласково гладит ее, как будто в тележке ребенок, а не горы мусора. Затем, повернувшись, неопределенно смотрит в моем направлении. Лицо тускнеет. Мутнеет.

— Мужчины, они встроили видеокамеру в мой телевизор и следят за мной, — начинает она, как ни в чем не бывало. — Они поместиликамеру даже в мой душ.

Я игнорирую ее растрепанный внешний вид и параноидальную речь и вижу ее тем, чем она является. Подарком Йары.

— Я могу взять вашу руку? — спрашиваю я. Она колеблется, и вспышка подозрения мелькает на ее лице. Наклоняясь вперед, она удерживает свой взгляд на мне. Затем, разобравшись, на что она смотрит, она делает удовлетворенный кивок и снимает правую перчатку. Сняв рукавицы, я беру одной рукой ее скрюченную, потрескавшуюся руку, а другой держу опал.

— Спасибо, — говорю я, — это для того, чтобы связаться с Йарой. Я должна задать вам некоторые вопросы. Очень важные вопросы. Вы ответите на них для меня?

— Конечно, милая. Ее взгляд стал более сосредоточенным, а лицо приобрело умиротворенное выражение.

— Я ищу своего друга. Его зовут Уиттиер Грейвз. Я представляю его сейчас мысленно. Вы его видите?

Старуха резко зажмуривается, но затем медленно открывает глаза, и ее взгляд фокусируется на точке в воздухе, где-то слева от моей головы.

— Я вижу твоего друга, — говорит она.

— Где он?

— Он на лодке. Покидает наш залив. — Она поднимает свободную руку и рассеяно машет ей в сторону невидимой уплывающей лодки, за моим плечом.

— Что? — восклицаю я, и затем быстро беру эмоции под контроль, прежде чем мой оракул впадет в шок. — Когда он взошел на лодку? — спрашиваю я, мое сердце мучительно трепещет, но мой голос настолько твердый, насколько я могу им управлять.

— Совсем недавно.

— Он был один? — спрашиваю я, мое уже похолодевшее лицо застыло от страха.

— Нет, он был с мужчинами. Плохими мужчинами. Двое из них отправились с ним, а остальные остались.

Я пытаюсь сохранять спокойствие.

— Вы знаете, куда направляется лодка?

Узнать это — непростая задача для женщины. Ее можно использовать, чтобы увидеть настоящее и недавнее прошлое в разумных пределах. Но из упражнений по чтению оракула, которые практиковал со мной Уит, я знаю, что этот вопрос граничит с гаданием. Женщине необходимо заглянуть в будущее или даже забраться в подсознание Уита, чтобы дать мне ответ. Но и сам ответ в лучшем случае будет загадкой. Я сосредотачиваюсь на ней, готовясь улавливать каждое слово.

Лицо женщины концентрируется.

— Скажи это как-нибудь по-другому, — отвечает она через несколько секунд.

Я задумываюсь, и, наконец, переспрашиваю:

— Куда я должна отправиться, чтобы найти Уита и свою общину?

— Ты должна следовать к своим корням, — тут же выдает она.

— Моим корням? — растерянно переспрашиваю я. — Денали?

— Нет. — Она мотает головой, разочарованная моим непониманием. — Нет, раньше.

— Но я родилась в Денали, — возражаю я.

Ее взгляд становится еще более хмурым.

— Разве ты не слышишь? Ты должна взять лодку. — Она расстраивается, и я понимаю, что связь с Йарой уже не такая крепкая. Но у меня еще очень много вопросов, которые я хочу задать. Я кручусь вокруг самого важного.

— Ты можешь видеть моего отца? Все ли с ним в порядке?

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — упрямо продолжает она твердить, и дергает руку, которую я держу, к себе.

Разочарованно, я поднимаю ее перчатку и тщательно расправляю ее на ее пальцах. Она полностью вернулась к своему безумному миру. Она моргает, как будто удивлена, и я держу ее руку, пока она не начинает полностью ориентироваться.

— Спасибо за вашу помощь, — говорю я стоя. Собаки проказничают в стороне.

— Они следят за мной. Они даже знают, о чем я думаю, — продолжает женщина.

— Скажите им, чтобы уходили прочь, и, возможно, они оставят вас, — отвечаю я.

— Вообще-то, это — идея, говорит она, ее губы растягиваются в улыбке, улыбка становится шире, поскольку ее мозг возвращается в какое-то приятное воспоминание, так что, когда собаки и я покидаем ее, она выглядит почти счастливой.

МАЙЛС

Он лежит на столе, словно приглашение — блокнот моего отца: «Девочка — ключ. Никакого препарата без нее. Возможно, все еще на Аляске, но может достать лодку до континента. Около 17. Рост около 165 см. Длинные черные волосы. Две хаски. Золотая звездочка в одном глазу».

Что за золотая звездочка? Мне становится интересно. Я отодвигаю блокнот туда, где нашел его. И ухожу прежде, чем вернется мой отец.

ДЖУНО

Мне понадобятся деньги, чтобы сесть в лодку. Валюта. "Корень всего зла" — так называл ее Деннис на уроках истории. Он утверждал, что из-за денег началась Третья Мировая Война. Капитализм и жадность стали виной всему, начиная борьбу за нефть и заканчивая уничтожением окружающей среды. Хотя на счет войны он ошибался. Все, что я когда-либо читала или слышала о мире, подтверждало, что деньги всегда являлись причиной коррупции. Теперь мне самой нужно найти немного денег. Сама мысль об этом заставляет чувствовать себя ужасно.

На секунду я задумываюсь о том, чтобы проникнуть на лодку тайком, как поступали персонажи в одной из наших старых книг. Затем я понимаю, что такой поступок слишком уж отдает восемнадцатым веком. Что я буду делать? Спрячусь в пустой бочке из-под пива? Нет, даже думать об этом не стоит. Мне придется купить билет. По дороге в город я видела то, что может пригодиться: вывеску на витрине магазина.

Мне нужно повернуться прямо к гавани, чтобы запомнить куда идти. Здания сбивают меня с толку. Если бы я оказалась в горах, я бы смогла найти дорогу. Но со стеклянными зданиями, отражающими друг друга, в какую бы сторону я не повернулась, нужно быть очень внимательной. Я глянула на солнце, затем на воду, и направилась на северо-запад. Через десять минут мы на месте. "Деньги в обмен на золото" — гласит вывеска. На витрине лежат сокровища из хлипких на вид колец и ожерелий. Я справляюсь со страхом, и мгновение пристально смотрю на дверь. На ней нет ручки. Зато есть маленькая табличка — "ОТ СЕБЯ". Я толкаю дверь, и с потоком теплого воздуха мы с собаками оказываемся внутри здания, шуря от искусственного света.

— Чем обязаны? — доносится голос из дальнего конца зала.

Я снова шурю и обращаю внимание на невысокого мужчину, стоящего за стеклянной стойкой. У него седые брови, но волосы иссиня-черного цвета, и выглядят они как-то странно. Он носит парик, догадываюсь я, и стараюсь не смотреть на него. Он потирает руки и его рот растягивается в широкой улыбке. Я иду прямо к нему и заставляю себя заговорить с незнакомцем:

— Я видела вывеску. Деньги в обмен на золото.

— Все верно, юная леди, — говорит он, рассматривая меня с головы до ног.

Мои кожаные штаны и парка на меху сильно отличаются от его одежды, сделанной из блестящей ткани. Я снимаю капюшон и вытаскиваю свои длинные волосы из-под куртки, чтобы они обрамляли лицо и стали неким барьером между нами.

Он странно смотрит мне в глаза и прочищает горло.

— Что могу сделать для вас? — спрашивает он с шутливой улыбкой.

Мне очень трудно понять этого человека из-за его странных вопросов и от того, что он говорит в нос, поэтому вместо ответа я кладу сумку на пол и нагибаюсь, чтобы открыть ее. На ощупь я нахожу мешок, в котором лежит моя страховка. Мне сказали использовать ее в случае, если придется вести переговоры с такими как он.

Я вытаскиваю мешок, тщательно выбираю один из камней и кладу его на стол перед мужчиной. Я внимательно наблюдаю за его лицом: сначала оно вытянулось от удивления, а затем стало беспристрастным. Выражение, которое использовал мой отец, когда мы играли

в карты, тут же всплыло у меня в голове: "покер фейс" (каменное лицо).

— Что это у нас тут такое? — спрашивает мужчина.

Он берет камень и надевает монокль на глаз.

— Золотой самородок, — он достает линейку из-под прилавка, — чуть больше шести сантиметров.

Он взвешивает камень в руке, кладет его на металлическое приспособление и украдкой смотрит на числа на маленьком экране.

— 125 грамм.

Он снова вглядывается в камень сквозь монокль.

— Ниже среднего качества, я бы сказал. Что ж, юная мисс, сегодня ваш день. У меня как раз есть покупатель натакого сорта камень, и я могу предложить вам отличную цену — 500 долларов.

Что-то не так с его лицом. Я кладу руку на голову Неруды: большой палец ложится на один висок, а средний палец на другой. Я усиливаю хватку и присаживаюсь, чтобы шепотом спросить:

— Как тебе такое предложение?

Мужчина издает нервный смешок.

— Вы всегда спрашиваете совета у собаки, когда нужно принять решение? — насмехается он, и капля пота выступает у него на лбу, прямо под черным париком.

Я пристально смотрю и ощущаю дрожь, почувствовав мысли Неруды. Животные не думают словами. У моей собаки есть инстинкты, которые я чувствую, и инстинкты Неруды подсказывают мне, что этому человеку нельзя доверять. Моя собака считает его низшим звеном в цепи, которое нужно исключить, чтобы обеспечить безопасность остальным.

Я встаю и протягиваю руку.

— Мой камень, — настойчиво говорю я и жду.

Рука у мужчины немного дрожит.

— Давайте не будем торопиться, дорогуша. Я проверю списки и посмотрю, смогу ли я предложить вам что-нибудь получше.

Я вырываю камень у него из рук, до того как он успевает их убрать и разворачиваю весы к себе. Положив камень на весы так же, как это сделал он, я громко говорю:

— 200 грамм, а не 125.

Я киваю головой на вывеску, которую видела на входе в магазин.

— Там сказано, что вы платите 40 долларов за грамм золота. Согласно этому, вы должны были предложить мне 8 тысяч долларов за этот самородок.

Я незаметно убираю камень обратно в мешок.

— Послушайте меня, юная леди. Вы и понятия не имеете, на чем основана такая цена. Золотой самородок ценится не столь высоко, как золотиносный песок, который переплавляется в эти высококачественные ювелирные изделия.

Он машет рукой в сторону витрины с этими уродливыми украшениями. Его глаза говорят, что он врет. Они говорят, что мой камень очень редок, и он рьяно желает заполучить его. Я вспоминаю, как был доволен Вит, когда один из нас находил самородок в русле реки Денали:

— Однажды, он здорово выручит нас, — говорил он и приказывал спрятать камень вместе с остальными в укромном месте.

В отличие от повсеместно встречающихся опалов и полудрагоценных камней, золотые

самородки трудно отыскать, и восторг этого человека лишь подтверждает их ценность.

— В порту я видела другую вывеску, где меняют золото на деньги, — говорю я и укладываю мешок в свой рюкзак.

— Стой! — визжит он. Пот ручьем стекает с его лица.

— Ладно, я дам тебе 7 тысяч, — говорит он, и в его голосе слышна боль, — и в придачу полезную информацию.

Я помедлила.

— Какую информацию?

— Кое-кто ищет тебя, — отвечает он.

Некоторое время мы молча смотрим, друг на друга, затем я снова достаю мешок из рюкзака. Он пожирает его глазами и облизывает губы.

— Говори, — сказала я.

Он отходит к висящему на стене красному пластиковому прибору. "Телефон", — вспоминаю я картинку из ЭБ с похожим устройством. Мужчина отцепляет с планшета, полного газетных вырезок, визитку и швыряет на стол передо мной. На ней напечатан десятизначный номер, а в уголке на скорую руку карандашом приписано "Девчонка со звездой".

— Громилы какие-то. Одеты в камуфляжные костюмы, — говорит мужчина. — Пришли вчера и сказали, что хорошо заплатят за информацию о твоём местонахождении.

В груди всё сжимается, причиняя боль. По его описанию, они похожи на пленителей Уита — державших его за руки здоровяков, которых я видела в огне. Зачем им я?

— Что это значит? — указываю я на каракули.

— Они описали тебя, как девочку-подростка с длинными темными волосами, у которой, возможно, будут две хаски. — Запнувшись, он подозрительно посмотрел на моё лицо. — А в глазу, что-то похожее на золотую звёздочку.

Моя звездочка. В общине такая есть у всех детей. Подтверждение, что мы в тесной связи с природой. Йара-чтецы. Родители говорили нам, что этим нужно гордиться — наследием Земли. Но сейчас из-за него меня кто-то преследует.

И, вообще, откуда они знают, как я выгляжу? Так же, как они нашли наше племя? Или как они узнали, что меня нет с остальными? Но осознание того, что они смогли меня вычислить, пробирает до мозга костей.

Я убираю визитку в рюкзак, снова вытаскиваю камень и кладу его на стол. Мужчина протягивает руку, но я всё ещё его держу.

— Сначала деньги, — приказываю я, и мужчина убегает в конец комнаты, исчезая в дверях, а затем выходит с пачкой банкнот.

Он начинает их пересчитывать, а я смотрю на банкноты и складываю в уме числа, пока сумма не становится равна семи тысячам. Подтолкнув в мою сторону по столу эту кучу, он даже не смотрит мне в лицо. Его глаза пожирают камень.

Я убираю руку, а он решительно забирает золото и убирает его под стол. У меня не остаётся сомнений, что этот кусок стоит намного больше того, что он мне дал. Я лишь хочу, чтобы этого хватило на приобретение билета туда, куда я направляюсь.

Я поворачиваюсь к выходу, и собаки, тут же вскочив на лапы, несутся к двери. В этом фальшивом месте с этим фальшивым человеком им так же неудобно, как и мне.

— Мой тебе совет, девчушка, — говорит мужчина, как только я открываю дверь и вдыхаю морозный воздух. Повернувшись, я вижу, что он изменился в лице. Получив, что

хотел, он удовлетворил свою жадность и теперь счастлив. — Сними эти странные контактные линзы, подстригись и избавься от собак.

Кивнув ему, я выпускаю Беккета и Неруду на улицу.

— Будь я на твоём месте, — кричит мне он вслед через закрытую дверь, — то убирался бы из города, как можно дальше и как можно скорее.

Я решаю воспользоваться его советом. По крайней мере, так, как его понимаю я. Пленившие Уита определённо будут в гавани, поэтому туда я пойду в последний момент. И до этого нужно многое сделать.

Женщина в «Парикмахерской Бьюлы» бросает взгляд на хаски и произносит:

— На улице прохладно, поэтому собакам можно войти, но они должны оставаться у дверей. Санитарные нормы, знаете ли.

Я щёлкаю пальцами, и они сразу же укладываются рядом друг с другом на пол под деревом в горшке.

— Ого, у вас очень послушные собаки, — говорит, как я полагаю, Бьюла, а затем просит повесить моё пальто на вешалку и отводит к креслу. — Чего бы вам хотелось, дорогая?

Я указываю на висящую на стене громадную фотографию с фасоном причёски. Бьюла с изумлением смотрит на меня.

— О, милая, да вы шутите. У вас такие красивые, длинные волосы.

Я пристально смотрю на неё в ответ.

Через полчаса мы с собаками уходим. Теперь мои волосы выглядят так же, как у парня на фотографии.

На той же улице, что и «Парикмахерская Бьюлы», находится большой магазин яркой одежды с названием Гэп. Я оставляю собак в дверях и иду в мужское отделение. От искусственного света и зеркал кружится голова, но я делаю глубокий вдох и спускаюсь по лестнице на цокольный этаж. От спёртого воздуха и слабого освещения он похож на склеп.

Спустя двадцать минут я ухожу в новой одежде, бейсболке и чёрной куртке. Новый, синтетический рюкзак набит пятью футболками, красной кофтой с капюшоном, тремя свитерами и тремя парами джинсов. Купив обувь в соседнем отделе, я вешаю свою прежнюю куртку на меху и кожаный рюкзак ручной работы на уличный мусорный бак, в надежде, что его найдёт кто-нибудь типа той старушки в парке.

Затем мы с собаками направляемся в последний совместный пункт назначения.

— Это прекрасные хаски. Не скажу, что видела на выставках такие клейма. Где вы их купили?

Женщина пальцами ерошит мех Беккета и, присев возле него на одно колено, смотрит на меня снизу вверх.

— Моя семья выращивает их несколько поколений.

— Какая у вас фамилия?

— Вы позаботитесь о моих собаках? — спрашиваю я, скрестив на груди руки. Моё сердце обливается кровью.

Женщина поднимается на ноги.

— За содержание одной собаки мы берём пятьсот долларов в месяц. За двоих — девятьсот. Я позабочусь о них, как о собственных детях.

— Также сказали и в «Парикмахерской Бьюлы», — у меня срывается голос. Знаю, Беккету и Неруде она понравилась, и уже ясно, что ей можно доверять.

Видя мои чувства, она смягчает голос и интересуется:

— Сколько вас не будет?

Не желая расплакаться перед незнакомкой, я прочищаю горло.

— Не знаю. Но я вернусь за ними. — Покопавшись в рюкзаке, я быстро отсчитываю сумму и кладу ей в руку. — Здесь три тысячи долларов.

— Носите столько наличных... — начинает женщина, но ахает, когда видит, что я положила поверх денег.

— А это страховка, — продолжаю я. — В случае, если не вернусь через три месяца. Я хочу быть уверена, что о собаках будут хорошо заботиться, и остаток жизни они проведут с вами.

— Я не могу это взять! — лицо женщины побледнело от шока.

— Продайте его, если закончатся деньги. В любом случае, вы сможете вернуть его, когда я вернусь за собаками.

Опустившись на колени к Беккету и Неруде, я прижимаю их головы к себе. Теперь я не могу сдержаться; по щекам катятся слезы, и я шепотом говорю:

— Прощайте, друзья.

Затем я поднимаюсь и выхожу из гостиницы для собак, оставляя её изумлённого директора, держащей в руках самородок в два раза больше того, что я продала торговцу золотом.

* * *

Билетная касса порта являет собой небольшое прямоугольное здание с окнами снаружи похожими на зеркала, но прозрачными изнутри. Над прилавком висит доска с перечисленными пунктами назначения, датами и временем. Последние несколько часов я вытесняла из головы все мысли, кроме тех, что способствовали отъезду. Но сейчас, при виде списка из трех десятков городов, шок охватывает меня с новой силой. Все эти города, которые мы считали разрушенными, до сих пор существуют.

Представляю, как удивился, должно быть, отец несколько дней назад, когда обнаружил, что никакой войны никогда не было. Что все защитные меры от бандитов были предприняты впустую. Из-за своего изоляционистского мировоззрения мы не знали о том, что окружающий мир все еще существует.

Огонек в моей груди разгорается все ярче. После того, как я присоединюсь к своей общине, мы вместе узнаем, что действительно произошло с миром за три последних десятилетия. Но сначала я должна найти их.

Я просматриваю названия городов, так как считаю, что некоторые могли бы быть ответом на загадочную подсказку моего оракула "Ты должна следовать к своим корням". И вот я вижу. Сиэтл. Вот откуда мои родители. Там они жили до моего рождения. Это, так сказать, мои корни. Кстати, есть корабль, который сегодня покидает город.

— Сколько стоит билет до Сиэтла? — спрашиваю я подростка за прилавком. Я стараюсь смотреть в пол. Изумленная реакция продавцов и женщины в собачьем приюте, когда они увидели меня вблизи, ясно дала мне понять, что моя звездочка в глазу не является привычным явлением в окружающем мире. Ни у кого, из встречавшихся мне по пути, не было таких глаз, как у меня, и даже похитители Уита использовали их, как приметку в моем

описании.

— Туда и обратно будет стоить тысячу девяносто четыре доллара, — говорит мальчик, — две тысячи, если хотите частную каюту.

— Мне нужно лишь в одну сторону, — говорю я, копаясь в своем мешочке для денег. — Сколько времени это займет?

— Четыре дня и восемь часов, — отвечает он. — Когда вы хотите отплыть?

— Сегодня.

— Вам повезло. Один из кораблей как раз отправляется через полчаса, — говорит он, указывая на блестящий сине-белый корабль в дальнем конце гавани.

Меня охватывает трепет, когда я понимаю, что действительно поплыву на корабле. Несколько дней назад я и представить не могла, что когда-либо увижу подобное. Чувствую себя как во сне — будто неожиданно попала в какой-то новый, полный странностей мир.

Длинная вереница людей тянет свои чемоданы на колесиках к посадочному трапу на корабль. Я закидываю свой багаж за спину и прячу протянутый парнем билет в карман парки.

— Счастливого пути — говорит он голосом, который выдает, что ему нет никакого дела, будет мой путь счастливым или нет.

Я в трех шагах от билетной кассы, когда замечаю мужчин. Они одеты точно так же, как те, что удерживали Уита в моем огненном видении. И сидят они всего в нескольких ярдах от места посадки на паром.

Я медленно пчусь назад за край билетной кассы, стараясь не привлекать к себе их внимание. Скрывшись из виду, я выглядываю, наблюдая за ними из-за угла, и меня парализует страх. Они разглядывают каждого пассажира, что садится на паром. Тщательно разглядывают.

Машинально, мне хочется позвать собак. Через секунду до меня доходит, что рядом со мной больше нет Бекетта и Неруды для защиты, и от этой мысли мне становится нестерпимо горько. Они все равно бы не выстояли против этих мужчин, говорю я себе, вспоминая груды кровавого меха в нашем селении. Я набираю холодного воздуха в легкие и смиряюсь с тем фактом, что с этого момента, я действительно сама по себе.

Я заглядываю в зеркало рядом с собой. Я выгляжу точь-в-точь как мальчик-подросток. Разве что, заговорив, я могу себя выдать. Тем не менее, мне интересно, сколько времени понадобится этим мужикам сообразить, что мальчишка, садящийся на паром в гордом одиночестве — и есть девчонка, которую они ищут. Не думаю, что много.

Я снимаю бейсболку и провожу рукой по ежику волос. Они короткие — действительно короткие — но по-прежнему черные. И мне не под силу изменить свой рост — во мне по-прежнему пять футов и пять дюймов. Они сидят слишком далеко, чтобы видеть мои глаза. Но приблизившись на несколько шагов, неизбежно заметят звезду.

Мышцы шеи напрягаются, мой страх сменяется гневом. Гневом на саму себя. Было достаточно наивным полагать, что я смогу обмануть своих преследователей такими слабыми попытками перевоплощения.

Перевоплощение. Это слово сеет у меня в душе зёрнышко вдохновения, которое произрастает в полностью сформированную идею. Я залезаю рукой в рюкзак и роюсь, пока не нащупываю пальцами мягкий комочек меха. Я достаю заячьи лапки-амулеты Уита: белую и коричневую, связанные тонкой медной проволокой. Заяц-беляк в своей зимней и летней окраске. Я вспоминаю день, когда он обучал меня перевоплощению.

— Животные, которые меняют цвет в зависимости от сезона. Природное превращение. Что может быть волшебнее? — сказал Уит, поручив мне связать две лапки вместе. — Маскировка — один из самых хитрых природных способов защиты, — продолжил он, — временный вид перевоплощения. Смотри, что позволяет Йара, Джуно.

И удерживая пальцами заячьи лапки, он внезапно — и ошеломляюще — изменил цвет. Его кожа стала тёмно-землистой, как юрта вокруг, цвет его волос изменился с чёрного на каштановый. Даже его карие глаза потемнели до насыщенно-шоколадного. Затем он положил меховой амулет на стол и мгновенно изменил цвет обратно.

— Этот амулет я использую, чтобы скрыть юрты от бандитов. Пришло время научить и тебя. Попробуй, — сказал он, протянув амулет, и показал, как с его помощью визуализировать сезонное преображение зайцев.

Это было единственное мое самостоятельное заклинание. Уит показывал многие, но ждал моего двадцатилетия и проведения Обряда, прежде чем позволить мне колдовать самой. Он объяснял это тем, что в отличие от Чтения, Колдовство оказывает влияние на окружающий мир и его нельзя использовать легкомысленно.

Но теперь у меня нет выбора. Я должна попробовать. Поэтому сжимаю пушистый амулет между пальцев и открываю сознание для Йары. Как обычно мой разум чувствует покалывание, соединяясь с потоком энергии природы, и я начинаю замечать на снежных склонах образ летнего зайца с коричневым мехом и глазами цвета красного дерева.

Я ускоряю время, переносюсь на несколько месяцев вперед и вижу животное в поисках мягких цветочных почек среди коричневатой травы тундры. Я вижу, как перед первым зимним снегопадом его мех начинает меняться, и вскоре шкурка становится белоснежной, за исключением чёрных кисточек на ушках.

Я переключаюсь на свое зеркальное отражение и с удивлением наблюдаю, как мое тело начинает постепенно сливаться с окружающим заснеженным портом. Моя загорелая кожа становится молочно-белой. Волосы меняют цвет с черного на белокурый с жемчужным оттенком. Поворачиваясь к зеркалу, я вижу, что мои глаза, совсем как у зайца, чьи лапки я держу: тёмно-карие, почти чёрные. И никакой звездочки.

Габариты — думаю я. Стать больше. Выше. Но моя фигура в отражении не меняется. Это предел Колдовства. Теперь нужно продержаться, как можно дольше, чтобы успеть благополучно пройти мимо мужчин на борт корабля.

Я закидываю рюкзак на плечи и целенаправленно шагаю в сторону корабля, имитируя мальчишескую походку, какой я её себе представляю. По мере приближения к мужчинам, внутри все сжимается, но я, не сводя глаз с парома, стараюсь не обращать на них внимания.

Я приближаюсь к подножью трапа, сжимая в запотевшей ладони заячьи лапки. В груди бешено колотится сердце. Стоя в очереди за пожилой парой в ковбойских шляпах, я чувствую на своем лице изучающий взгляд мужчин. У меня перехватывает дыхание, когда один из них поднимается и направляется в мою сторону, останавливаясь лишь в нескольких шагах.

Я ничего не могу с собой поделать, смотрю на него. Но встретившись со мной взглядом, он расслабляет агрессивно зажатые плечи. Скрестив руки на груди, он кивает мне, поворачивается и возвращается к своему компаньону. Парализованная страхом, я с трудом продвигаюсь за парой, ступающей на борт. Но я нахожу силы отдать билет женщине у двери и, поднявшись в искусственно освещённое помещение, опускаюсь на первую попавшуюся скамейку. Отпустив амулет, я чувствую, как маскировка, вызванная заклинанием,

обращенным к зайцу, исчезает, и я опять становлюсь сама собой.

МАЙЛС

Вернувшись домой, я понимаю, что никого нет. На кухонном столе лежит записка:

«Майлс, я ушла по семейным обстоятельствам. Приготовила гарнир, забегу к тебе завтра. Позвони, если что-то понадобится. Миссис Кирби».

Наконец-то, выходные проведу один... но, раз в понедельник праздник, времени будет больше. У меня три дня. Взяв с собой гарнир к курице, я сажусь за телик. Заметив в кабинете отца свет, иду его выключить, но вижу, что у него не выключен компьютер. Коснувшись мышки, я обнаруживаю незакрытой его почту. Во входящих находится несколько непрочитанных сообщений, последнее из которых с темой: «RE: девчонка».

Кликнув по нему, я читаю два открывшихся предложения: «Источник докладывает, что она поедет на пароходе из Анкориджа в Сиэтл. Высылаю людей туда».

Помечаю его как непрочитанное, чтобы отец не знал, что я его открывал. Всё равно оно появится у него в телефоне.

Выключив экран, я возвращаюсь на диван. И сижу около пяти минут без движения. Поскольку в голове возникает слишком безумная идея, которую трудно принять. Но, возможно, отец и не догадается. Если я буду звонить миссис Кирби, то смогу уехать на выходные и вернуться ко вторнику. Никто и не заметит. Ну а почему бы и нет. То есть, ищут они подростка. И кто как не другой подросток сможет её найти?

И вот мой здравый ум отключается. Я проверяю по айфону расстояние от Лос-Анджелеса до Сиэтла — девятнадцать часов езды. И я под домашним арестом — мне лишь позволено ходить на работу, и потом домой.

Но если бы я мог осуществить это, отец был бы так впечатлен, что, возможно, избавил бы меня от этой почтовой пытки.

Быстро съев гарнир, я иду переодеваться. Мне многого не надо. Меня не будет всего лишь три дня.

ДЖУНО

Я уже два дня прячусь в своей комнате — "каюте" — с тех пор, как мы отплыли. Зайдя на борт, я нашла столовую с самообслуживанием и запаслась на несколько дней вперед достаточным количеством хлеба, фруктов и бутербродами. С тех пор я не выходила.

До этого я никогда не сталкивалась с одиночеством. Даже когда я уходила на охоту, то, зная, что и отец, и племя меня ждут, наслаждалась этим временем. Но не сейчас. Я хочу домой, в юрту, к отцу и собакам, знать, что семьи Киная и Ном рядом.

Я нахожусь в комнате, в которой всё сделано из пластика, в пароходе, плывущем по нескончаемому океану, среди совершенно незнакомых людей.

Я бросаю взгляд на стоящую на столике фотографию родителей. Рядом лежат оставшиеся запасы, взятые из укрытия, и то, что я взяла из юрты Уита: перья, шкуры, камни, порошки, засушенные растения и книги. Всё выглядит знакомым. Умиротворяет.

Я возвращаюсь к книге по истории движения Гейи в шестидесятых годах XX века, заключавшемся в том, что Земля — этосверхорганизм. Это была одна из теорий, которые привели Уита к обнаружению Йары и её силы. Обычно он не позволял мне копаться в его книгах — он обучал меня по расписанию и был строг с тем, чтобы рассказывать вещи в "нужном порядке". Поэтому эта книга для меня в новинку, и я с жадностью проглатываю каждый лакомый кусочек новой информации.

Оставив книгу на койке, я отхожу за бутылкой воды, а когда возвращаюсь, книга уже перелистана на начало. Пытаясь найти место, где я остановилась, я кое-что замечаю и останавливаюсь. А затем возвращаюсь на страницу об авторских правах.

Книга выпущена в 2002 году.

Я смотрю на число. И отбрасываю книгу, словно это какая-то змея. Вскочив на ноги, я пячусь назад, загоняя себя в угол комнаты.

Голова идёт кругом, и я вот-вот упаду в обморок. На ум приходят невообразимые мысли. Старшие говорили, что они сбежали перед началом войны — осенью 1984 года. А книга Уита выпущена в 2002.

Внезапно я вспоминаю выражение лица, которое появлялось у него при моих вопросах о войне. О том, как они с мамой боролись за безопасность. Он никогда не смотрел мне в глаза, когда отвечал на них. Я всегда думала, что это из-за терзающих его воспоминаний. Но это не так.

Это потому, что войны не было. И он знал. Все знали, и кто-то — возможно, сам Уит — покидал территорию ради этой книги. Старшие нам врали. Уит врал нам. Отец... врал мне. За последние двадцать четыре часа моё сердце познало то, что отказывался принимать разум. Они знали.

Я опускаюсь на пол. Опустив голову между колен, я обнимаю ноги руками и раскачиваюсь взад и вперед. Во рту пересохло, и чувствуется металлический привкус.

Если основы моей жизни: кто я, для чего и где обитает наше племя — всё это ложь, тогда во что мне верить? Я не знаю, что правда, а что выдумка. Всё моё детство мне промывали мозги.

Теперь у меня есть только я. Верить никому нельзя.

МАЙЛС

Как разыскать в огромном городе того, кого в глаза не видел? Нужно постараться думать, как он, и прикинуть, куда бы он пошел. Речь идет о девочке-подростке, так что первым на ум приходит шопинг. Но когда в субботу вечером я прибываю в Сиэтл, магазины уже закрываются.

Моей второй мыслью, было проверить популярные места города. Мой интернет-поисковик сказал мне идти на Капитолийский холм, Белтаун и сюда — Пионерскую площадь, где я сижу на ступеньках и ем бутерброд. Целый час я смотрю, как люди приходят и уходят и не вижу никого, кто бы соответствовал описанию в блокноте отца.

Я еду на север, к Капитолийскому холму, и начинаю прочесывать улицы в поисках девушки с двумя хаски. Я думаю. Насколько трудно это может быть? Но как только я пошел, я начал получать представление о масштабах города и начал понимать насколько глуп мой план. Это как пытаться найти друга на матче Суперкубка, не имея представления, где он сидит. Как вообще можно найти одну девушку посреди этого огромного города? Я действительно крупно облажался.

ДЖУНО

В тот день, когда я прибыла в Сиэтл, я несколько часов бродила по городу, пытаюсь понять, как он живёт: машины и разноцветные огни, показывающие ему, когда стоять или ехать, одетые в одноцветные тёмные одежды люди ходят быстро и выглядят обеспокоенно, словно они вот-вот упустят что-то важное. Я хожу мимо них с надвинутой на глаза кепкой, не выделяясь в своей мальчишеской одежде, поэтому люди на меня не пялятся.

Я хожу по городу словно зверь, пока не улавливаю его ритм и не начинаю бродить по его улицам так же незаметно, как во время охоты. Как только делать это получается с уверенностью, я решаю попробовать применить свой самый удачный навык Чтения и намереваюсь найти нового оракула.

— Смотри, это Сумасшедший Фрэнки, — сказал маленький мальчик своей маме. Она шикнула на него и быстро увела прочь. Я посмотрела туда, куда он показывал, и увидела его, сидящего напротив здания на углу улицы: сломленный человек, высохшая кожа, похожая на оленью, если ее оставить на несколько месяцев на улице. Перед ним стояла шляпа, в которой лежали монеты, и пустые жестяные банки с надписью "ПИВО" были разбросаны вокруг.

Я подошла. От него исходил едкий, прогорклый запах.

— Могу я присесть рядом с вами? — спросила я, и он посмотрел на меня красными водянистыми глазами.

— Конечно, — сказал он, и убрал несколько банок с моего пути. Мне были безразличны взгляды прохожих.

— Могу я задать вам несколько вопросов? — спросила я.

— Почему бы и нет? Задавай! — сказал он, и я потянулась к его рукам. Его пальцы были в грязи; под ногтями была черная кайма. Я взяла свой опал свободной рукой и посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы не против стать моим оракулом? — спросила я, — мне нужно кое-что узнать.

— Ну, я могу попробовать, — сказал он своим дребезжащим голосом. Чем дальше вибрации связи с Йарой проходили от меня к нему, тем спокойнее становилось его дыхание, и прояснились его глаза.

— Я представляю образ моего отца в своей голове. Можете ли вы сказать, как мне найти его?

Он несколько секунд сидел молча, вглядываясь в пространство над моей головой.

— Ты не сможешь сделать это в одиночку, — наконец сказал он. — Тебе нужно найти кого-то, кто отправится с тобой в эту поездку.

— Кого? — спросила я. — Как я найду их?

Фрэнки склонил голову набок, словно раздумывая, а затем сказал:

— Ты узнаешь, кто это, потому как его имя далеко тебя заведет.

Мое сердце пропустило удар. Это загадка. Я не знаю, почему я так разочаровалась. Я не могла ожидать прямого ответа от оракула.

— Можешь ли ты сказать мне еще что-нибудь об этом человеке?

— Да, — ответил Фрэнки. — Ты должна быть полностью честна с ним. Рассказывай ему все, что он захочет узнать. Но что бы ты ни делала, не доверяй ему. Он нуждается в тебе

так же, как и ты в нем.

Я продвинулась немного вперед.

— Однажды я найду человека, о котором ты говоришь, куда же я должна пойти, чтобы найти своего отца?

— Юг... юго-восток. Место, противоположное этому, — сказал Фрэнки, и изображение пустынной местности, наполненной кактусами и странными камнями, появилось в моей голове.

Он рассказал больше, чем я надеялась услышать.

— Спасибо, — сказала я.

— Еще кое-что, — сказал этот человек, и я почувствовала, что наша связь слабеет, и его глаза вновь становятся водянистыми. — Когда ты найдешь того, кто пойдет с тобой, не позволяй ему использовать его сотовый телефон.

— Что такое сотовый телефон? — спросила я, отпуская его руку, и позволяя связи оборваться. Он прислонился головой к стене и начал посмеиваться.

— Спасибо за помощь, — сказала я, и, порывшись немного в своей сумке, вытащила пару банкнот, которые аккуратно положила в его шляпу.

Он поднял деньги и удивленно посмотрел на меня:

— Эй, барышня, тут слишком много, — сказал он мне в след.

— Не так уж и много, поверьте, — сказала я, и отправилась искать место для ночлега.

МАЙЛС

Я безуспешно прошлялся несколько часов, ощущая себя самым большим дураком в мире. Мне хочется опустить руки, но я вспоминаю взгляд отца, когда он сказал, что мне нужно проявить себя. Этого никогда не произойдет на почте. Я должен найти эту девчонку.

Я пытаюсь думать как детектив. Если бы вы были в городе новеньким, скорее всего, вы пошли бы по туристическим местам. Я поднимаюсь вверх по улице с ресторанчиками и, усевшись на скамью, наблюдаю за проходящими мимо людьми.

По крайней мере, я вырвался из дому на выходные. Когда я сказал миссис Кирби, что справлюсь один и все «будет пучком», она вздохнула с облегчением. На папину же смс-ку "Все в порядке?", этим утром я ответил: "Смотрю телик в своей тюремной камере. Не волнуйся, я норм."

Наконец, я встал и решил последовать за указателями к Пайк-Плейс-маркет — единственному месту в Сиэтле, о котором знал. На противоположной стороне улицы за столами возле спорт-бара расположилась шумная толпа. Сомнительно, чтобы эта девушка затесалась в подобную компанию. Я вздыхаю. Ее искать — хуже, чем иголку в стогу сена.

— Эй, звёздные глазки, малышка! Вернись, я же пошутил! — кричит кто-то.

Я настораживаюсь и внимательно осматриваю толпу на той стороне улицы. Взгляд останавливается на компании студентов в одинаковых футболках с буквами греческого алфавита (символизирующих принадлежность к студенческому братству), пьющих пиво. Именно один из них и крикнул: "звёздные глазки". Но отходит от них невысокий мальчишка с торчащим "ежиком" на голове.

Погодите-ка, нет. Это девушка.

Я побежал напрямик к этим парням из братства, наблюдая, как эта девушка остановилась рядом с другим столиком, села за него, и начала говорить с теми, кто там сидел.

— Эй, что узнавала у вас та девушка? — спрашиваю я парней за первым столиком.

Один из парней окидывает меня взглядом с ног до головы и, удовлетворенный тем, что моя рубашка и джинсы вписываются в его понятие дресс-кода или что там у него, говорит:

— Тебе перехочется с ней знакомиться, приятель. Она чокнутая.

— Ты это верно заметил, — вторит сидящий рядом, и, заржав, они поднимают свои кружки и чокаются в знак согласия.

— В смысле, чокнутая? — решил уточнить я.

— Цыпочка появляется здесь каждый вечер и пристаёт к окружающим, спрашивая их имена, — отзывается другой парень. Он качает головой и вытирает пену со рта тыльной стороной ладони.

— А эти ее жутковатые контактные линзы с вкраплением в виде звезды? — добавляет первый парень. — Выглядит странно, согласись?

Контактные линзы со звездами? Волнение нарастает у меня в груди. Я уйду прочь от столика. — Всегда пожалуйста! — кричит мне вслед один из членов братства, а его приятели заходятся от смеха.

Девушка следит за чем-то на другой стороне улицы, и я поворачиваюсь глянуть, на что

она смотрит. Сердце останавливается у меня в груди. Да это же парочка «шкафов» из папиной службы охраны с работы, и они пялятся прямо на нее.

Мимо пролетает машина и заставляет их выждать, прежде чем пересечь улицу. Я оборачиваюсь к девушке, но ее уже и след простыл, а папины охранники вертят головами по сторонам, со взглядами, типа «куда она подевалась?»

Я быстро сворачиваю направо на следующую улицу, и замечаю девушку, быстро удаляющуюся по аллее, прочь из квартала. Она передвигается так легко и быстро, что, кажется, будто она скользит.

Я потратил следующий час, преследуя ее по городу, все время, пробегаясь по тому описанию, которое мне дал отец: звездные глаза, длинные черные волосы, скорее всего, путешествует с двумя хаски. Похоже, что она потеряла собак и свои волосы примерно на прошлой неделе, однако парни сказали, что у нее контактные линзы. Она не похожа на промышленного шпиона*, за которым все гоняются. Она напоминает скорее заблудившегося ребенка.

(Промышленный шпионаж — форма недобросовестной конкуренции, при которой осуществляется незаконное получение информации, составляющей коммерческую тайну. Прим. пер.)

Пока я наблюдаю за ней, я понимаю, что с ней что-то не так. Ее передергивает по малейшему поводу. Мимо проходит дворник, а она уже, кажется, готова залезть на ближайшее дерево или дать деру. Или же стоит напротив салона Apple и разглядывает витрину битый час, словно планирует масштабное ограбление магазина электроники. Такое впечатление, что она все видит в первый раз. Она словно Тарзан или кто-то, вроде него — воспитанная волками в глухом, дремучем лесу. И ко всему прочему, она продолжает останавливать прохожих и выпытывать их имена.

Я следовал за ней, пока она бродила по улицам до темноты, и увидел, как она, в конце концов, заходит в гостиницу, табличка, на входе которой, гласит: «Гостиница «Кэтчинг Дью»: мест нет». Я добежал до места, где припарковал свою машину, надеясь, что она не сбежит, пока я добираться до нее. Припарковавшись во дворе гостиницы, я сел и стал наблюдать за главным входом. Тогда зазвонил мой телефон. Отец закричал, даже не дав мне шанса начать разговор.

— ...позвонил на домашний телефон и когда ты не ответил, я набрал миссис Кирби. Она обошла весь дом, а затем перезвонила и сказала, что тебя нигде нет. Сейчас тебе лучше придумать вескую причину, почему...

— Я нашел ее, — перебиваю его я.

— Ты нашел ее? Что это, черт возьми, значит? — обескураженно спрашивает отец.

— Я в Сиэтле и думаю, я нашел девушку, которую ты ищешь.

Папа умолк на целых секунд тридцать, и я ждал, то ли он снова начнет орать, то ли же, наконец, воспримет меня всерьез.

— Ты где? — спрашивает он, его голос отрывистый. Неразборчивый.

— Я припарковался напротив хостела, в который она вошла, — говорю я.

— Где? Дай мне адрес.

Через несколько минут вниз по улице уже спускается один из Саабов папиной компании и паркуется чуть поодаль от меня. Я остаюсь в машине и наблюдаю, как один из мужчин, которого я уже видел сегодня раньше, подходит к окну моей машины и тарабанит по нему пальцами.

Я опускаю окно и смотрю на него.

— Ваш отец просил передать вам ехать в отель, а с утра сразу же возвращаться в Лос-Анджелес, — сообщает он.

— Понял, — отвечаю я и закрываю окно у него перед носом. И даже не дергаюсь куда-то ехать. Он качает головой и возвращается к себе в машину.

Мы с охранниками ночуем в своих автомобилях. Наконец, где-то около десяти утра один из них идет в отель и сразу же выбегает.

— Она сбежала, — кричит он своему напарнику и, поспешно отъезжая, бросает на меня сердитый взгляд.

Пять минут спустя позвонил папа и скомандовал ехать домой. Я оказался в безвыходном положении: если я вернусь назад без девчонки, отец, безусловно, меня приберет. Значит, мне нужно добраться до нее раньше, чем его охранники, и каким-то образом убедить ее вернуться в Лос-Анджелес со мной. Я уткнулся головой в руль, переживая секундный приступ паники. И во что я ввязался?

Я делаю глубокий вдох и взвешиваю за и против. Разве можно еще больше усугубить ситуацию? Я и так под домашним арестом. Йель мне и так не светит, пока не подмажусь к отцу. Да и работа в почтовом отделении — участь, хуже не придумаешь, хотя папа, несомненно, придумал бы. Мне просто необходимо это сделать, решаю я и завожу мотор.

Три часа спустя я, наконец, обнаружил ее, сидящей позади ультрасовременного стеклянного здания. Она разговаривала с бездомным. Начинает лить дождь. Девушка встает, натягивает капюшон на голову и пулей бежит в здание.

Развернув автомобиль и припарковавшись на автостоянке перед зданием, я ринулся к двери, где минуту назад она исчезла, питая надежду, что она все еще там. Если нет — смирившись с неудачей, я вернусь домой.

ДЖУНО

Я бродила по улицам Сиэтла несколько дней, пытаюсь найти человека, о котором мне говорил оракул, не имея даже малейшего понятия о том, как он выглядит. Вчера я почувствовала что он где-то неподалеку, но мне пришлось скрываться от моих преследователей, и я снова потеряла след.

Раньше я была охотником, а теперь охота идет на меня. Я не знаю, кто меня преследует — они одеты не так, как люди, схватившие Уита. Я уверена лишь в том, что мне нужно держаться от них подальше и продолжать искать человека, с которым мне необходимо встретиться. Было бы неплохо, если бы я знала, как он выглядит, вместо того, чтобы полагаться на свои охотничьи инстинкты.

С той самой секунды, как он вошел в библиотеку, я знаю, что нашла его. Я сижу на своем обычном месте — я прихожу сюда, когда дождь прогоняет меня с улиц — и читаю газеты и журналы, чтобы ознакомиться с событиями последних тридцати лет.

Склонившись над журналом «Тайм», я вижу, как он, поглядывая в мою сторону, садится за мой стол. Только когда он начинает делать вид, что погружен в чтение, я разрешаю себе посмотреть на него.

Я внимательно его изучаю. Его светло-коричневые, медового цвета волосы торчат беспорядочными прядями. У него длинный, прямой нос, а губы словно сдерживают насмешку. Или секрет.

Посмотрев в мою сторону, он замечает, что я смотрю на него. Я не могу сказать точно, зеленые его глаза или голубые. Я поднимаюсь, подхожу к концу стола и сажусь прямо напротив него. Он смотрит на меня, его лицо слегка розовеет от удивления.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я шепотом. Звуки перелистываемых страниц заглушают мой голос, но он все равно слышит меня.

Он выглядит неуверенным, слегка колеблется, а потом фокусируется на моем левом глазу. Прочистив горло, он отвечает:

— Майлс.

Это тот ответ, которого я ждала. Я киваю и изучаю его еще несколько секунд. Потом я встаю на ноги.

— Пошли, — говорю я. Затем забрасываю свой рюкзак за плечи и становлюсь рядом с ним, ожидая ответа.

Он выглядит ошарашенным.

— Что? Куда?

Я протягиваю свою руку. Он осторожно смотрит на нее, как будто это неодушевленный предмет, одна из тех загадочных коробочек, что любит делать Кинай: никогда не знаешь, окажется ли внутри кусок черничного пирога, или же оттуда тебе в лицо выпрыгнет змея.

Парень не взял мою руку. Вместо этого, он последовал за мной из библиотеки на парковку. Дождь все еще идет. Я надеваю капюшон, и дождь капает на мою куртку, в то время как Майлс прячется под козырьком здания.

— Какая из них твоя? — спрашиваю я.

— BMW. — Майлс указывает на серебристо-голубую машину, как будто недавно

купленную, а потом съезживается, прижав руки к груди. На улице не очень холодно, но его рубашка слишком тонкая для такой погоды. «Не продумывает все заранее» — думаю я про себя, не прекращая всеанализировать, с того момента, как я его увидела. Я подхожу к его машине и встаю рядом с дверью.

— Что ты делаешь? — спрашивает Майлс.

— Тебя жду, — отвечаю я. — И промокаю до нитки.

Он одаривает меня недоверчивым взглядом. Когда я не сдвигаюсь с места, он покидает свое сухое местечко и подбегает ко мне сквозь дождь, нажимая на что-то на своих ключах. Я слышу щелчок открывающихся замков, открываю дверь, сажусь внутрь и бросаю свой рюкзак на заднее сиденье. Майлс запрыгивает в машину и поворачивается ко мне.

— Что ты делаешь? — повторяет он свой вопрос.

— Могу спросить тебя о том же, — отвечаю я. — Ты искал меня. И нашел. Я расскажу тебе, что я делаю, если ты расскажешь мне все, что обо мне знаешь.

Он сжимает губы и широко открывает глаза. Зеленые глаза. Теперь я знаю это. У них темно-зеленый, почти черный цвет, похожий на цвет озера Денали в сумерках. Вода в нем темная, и никогда не знаешь, что спрятано под ее поверхностью.

— Что я знаю о тебе? Да ничего! — говорит он.

Я сижу молча, скрестив руки на груди, и жду. Он понимает, что я не заговорю, пока этого не сделает он.

— Это — правда, — уверяет он. — Все, что я знаю, так это то, что какие-то люди ищут тебя. А местные считают тебя сумасшедшей, поскольку ты шатаешься вокруг, спрашивая у всех имена.

Он осекается, вдруг сожалея о сказанном. Это объяснимо. Эта не та вещь, которую вы бы хотели упомянуть, сидя с этой самой сумасшедшей в замкнутом пространстве. «Бестактный» — мысленно добавляю я к своим выводам, а затем спрашиваю:

— А ты?

— Что я? — он выглядит загнанным в угол.

— Считаешь меня сумасшедшей?

— Эмм... Я бы сказал, что в данный момент... да, — признает он.

Я покусываю свою губу и выглядываю через окно на парковку. Сомнений нет, Майлс и есть тот человек, которого предсказывал Фрэнки. Я поворачиваю голову обратно и в нетерпении поднимаю брови.

— Что еще? — спрашивает он, пытаясь защититься.

— Едем, — говорю я.

— Едем куда?

— Искать мою общину.

Выражения его лица комично сменяются одно за другим: непонимание, сомнение, удивление и, наконец, раздражение.

— Куда... Куда мы поедем искать твою... общину?

Я подаюсь вперед, вглядываясь туда, где за тучами прячется солнце, чтобы сориентироваться по сторонам света.

— Что-то наподобие пустыни. Вроде Дикого Запада. Туда, — говорю я, указывая на юго-восток.

— Стоп, — говорит он, вскидывая руки в защитном жесте, — послушай, я понятия не имею, о чём ты говоришь. И я не говорил, что куда-либо тебя повезу. Тем более, на Дикий

Запад.

— Тогда расскажи, зачем ты шел за мной, — смотрю я на него.

Он тоже смотрит на меня, сколько может, но потом отводит взгляд. Я просто сижу, глядя на него, и жду, пока он передумает. Наконец, он вздыхает и говорит:

— Так и быть. Я тебя подброшу. Но вообще-то я направлялся на юг. В Калифорнию. А там сплошной Дикий Запад. Поезжай туда со мной и ищи себе свою общину. Но мне не помешало бы остановиться, захватить кое-какие... вещи. Одежду. Сама понимаешь.

— Что в чемодане под сиденьем? — спрашиваю я.

— Эм... одежда, — отвечает Майлс, заерзав. — Кстати, я об этом не подумал. Но я мог бы подкинуть тебя к твоему отелю, если тебе нужно забрать... припасы. Его физиономия растягивается в услужливой улыбке, а брови поднимаются так, что мне кажется, будто он пытается меня очаровать.

Думаю, Ном бы на это купилась. Как-то раз она просмотрела Британскую энциклопедию и оценила фото каждого ученого, политика... — любого мужчины — по шкале от одного до десяти, на основе их "харизмы", как она это называла. Теперь я никогда не могла подумать о Джоне Кеннеди без цифр 7.5, всплывающих у меня в голове.

Но наблюдая за Майлсом, я лишь развлекаюсь. У меня есть цель, и он является тем, кто мне поможет. На этом мой интерес заканчивается.

— Мне не нужно возвращаться, — говорю я. — Я была здесь семь дней и заплатила за неделю вперед. Кроме того, все, что нужно есть у меня в рюкзаке. Поехали.

— Так у тебя есть деньги?

— Немного.

— Тогда почему ты не взяла автомобиль напрокат и не поехала сама? — спрашивает он с любопытством.

— Я не умею водить машину.

Он скептически приподнимает бровь.

— Ты могла бы поехать на автобусе.

— Меня должен отвезти ты. И Калифорния на юге, а мне нужно на юго-восток.

Стиснув зубы от недовольства, Майлс зажмуривается, сжимая пальцами виски. Открыв глаза, он бросает на меня сердитый взгляд.

«Не любит, когда им командуют», я мысленно вношу новый пункт в свой список и добавляю: «привык получать то, что хочет».

— С какой радости ты вообще доверяешь мне куда-либо себя везти? — спрашивает он. — Может быть я опасен. Может быть я психопат. Ты ведь меня знать не знаешь.

Я поворачиваюсь к нему.

— Вообще-то, я тебе и не доверяю. Фрэнки сказал, что не нужно, но еще он добавил, что я должна быть с тобой честной.

— Кто такой, черт побери, этот Фрэнки? — нервозность проскальзывает в голосе Майлса.

— Фрэнки — это парень, который сидит и пьет пиво на углу Пайк и Пайн. Люди зовут его Сумасшедшим Фрэнки.

— Ты советуешься с сумасшедшими алкоголиками? — лицо Майлса становится серьезным.

Если быть предельно откровенной, в моей голове звучат голоса. Я выдыхаю, собираясь с духом, и отвечаю:

— Он был моим оракулом. И сказал ехать с тобой. Поэтому, будь ты опасным или психопатом, в чем я сильно сомневаюсь...

— Спасибо, — сухо перебивает Майлс.

— ...ты меня повезешь.

— Откуда этот Сумасшедший Фрэнки мог вообще меня знать?

— Он тебя не знает, — отвечаю я, — он просто сказал ехать с человеком, чье имя далеко меня уведет*.

(Имя Майлс (англ.: Miles) дословно переводится, как мили. Прим. редактора.)

Майлс уставился на меня, вся его напускная холодность испарилась. Он выглядит напуганным.

— Да ты больная, — говорит Майлс, выпучив глаза. Оторвав взгляд от меня, он целую минуту сидит и смотрит на стоянку прямо перед собой. «Он нуждается в тебе так же, как и ты в нем» — говорил Фрэнки. И я жду.

Наконец, качая в отчаянии головой, Майлс поворачивает ключ в замке зажигания.

— Окей. Я подкину тебя хотя бы на какое-то расстояние в твоём сумасшедшем путешествии. Он тянется за чем-то на приборной панели. — Но сначала мне нужно позвонить.

Я успеваю ухватить предмет первой.

— Это твой сотовый телефон? — спрашиваю я.

— Да.

Зажав его в руке, я закрываю глаза и соединяюсь с Йарой. Я целую неделю ждала, когда же это случится. Я готова. Маленькая искра вылетает из телефона и его экран гаснет.

— Что за... — вскрикивает Майлс.

— А еще Фрэнки сказал не дать тебе использовать твой телефон, — отвечаю я. — Вот теперь поехали.

МАЙЛС

Мой мозг закипает. Я так далеко от своей зоны комфорта, как будто нахожусь в Амазонке среди пираний. Только что эта девчонка каким-то образом сломала мой телефон и теперь требует, чтобы я отвез ее в Маунт-Рейнир. Мы никак не договоримся в каком направлении ехать, спорим, как престарелая супружеская пара.

— Ты же только что указывала на юг. А горы на востоке, — говорю я, останавливая машину на краю стоянки, — ты понятия не имеешь, куда ехать, верно?

Она складывает руки на груди и говорит вызывающим тоном:

— Вообще-то, я указывала на юго-восток. Нам туда.

— И ты узнала об этом от Сумасшедшего Фрэнки, — скептически заявляю я.

— Не уверена, что он действительно сумасшедший, — говорит она.

Боже мой, я везу психопатку.

— Ну, так, если алкаш сказал тебе ехать на юго-восток, почему же мы движемся на восток?

— Потому. Как я и сказала, в первую очередь мы должны ехать к тем горам, — настаивает она, кивая в сторону Маунт-Рейнир.

Некоторое время я сижу, тупо уставившись на нее, пока не вспоминаю, насколько эта девчонка важна для отца. И учитывая то, что в этот самый момент мое имя вписано большими жирными буквами в список попавших к нему в немилость, меньше всего мне нужно, чтобы она сейчас хлопнула дверью моей машины и поймала такси или автобус, оставив меня с носом.

— Ну, так отвезешь меня? — говорит она, словно у меня и выбора то нет.

Что, чувак, попался — ты нуждаешься в ней так же, как и она в тебе.

— Ремень безопасности, — говорю я. Она выглядит растерянной.

— Если уж я везу тебя, то хотя бы пристегнись.

Все равно ноль реакции. Я дергаю свой ремень безопасности, демонстрируя ей, что это такое, и она, повозившись со своим, наконец-то пристегивается.

Я давлю ногой на педаль газа и еду. Мы едем в тишине пару минут, что хорошо, потому что я должен сориентироваться. Я ищу дорожные знаки, наконец, вижу один: "НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК МАУНТ-РЕЙНИР", и следуя ему, еду на восток от города.

Мы едем через длинные мосты, пересекая крупные водоемы, едем мимо уродливой городской застройки до тех пор, пока в поле зрения не появляются горы, покрытые снегом. Мы были на дороге добрых минут 20, пока я не заметил, что девчонка держится за приборную панель обеими руками. Я спрашиваю:

— Что?

— Что, что? — отвечает она.

— Что ты делаешь? Почему ты так вцепилась в приборную панель?

— Ты быстро едешь, — говорит она обвинительным голосом.

— Быстро? Я еду всего лишь на пятидесяти. Это даже не превышение скорости!

— Для меня это быстро, — бормочет она.

— Слушай, если ты собираешься критиковать мое вождение, — начинаю я, но потом

вспоминаю... я спорю с психопаткой. — Просто перестань делать это, — говорю я, взглянув на то, как она вцепилась в бардачок. — Это раздражает меня.

Она хмурится и отпускает панель, но перемещает свои руки к краям сиденья и крепко за них хватается. Я решил полностью игнорировать ее, пока нахожусь на шоссе, ведущем за город.

В какой-то момент я разгоняюсь до шестидесяти и расслабляюсь. Мы проезжаем знак говорящий, что до Маунт-Рейнир осталось 54 мили, и я вижу, как девчонка переводит свой взгляд от знака к спидометру и обратно, как она вычисляет, сколько времени у нас займет, чтобы добраться туда.

Она смотрит на солнце, или, по крайней мере, туда, где слабые очертания солнца проглядывают из-за дождевых облаков, потом на часы, на приборной панели, и, наконец, кладёт голову на подголовник и расслабляется. И, когда я говорю «расслабляется», я имею в виду, что она не выглядит так, будто собирается взорваться или неожиданно выпрыгнуть из несущейся машины.

Неплохо бы ей снять эти линзы. От них мне становится не по себе. У нас в школе у одной готки тоже жуткие линзы — желтые, в виде кошачьих глаз. Мне такое определённно не по душе — обычный готический выпендрож с претензией на художественность.

При мысли о школе я вспоминаю, что какой бы странной ни была Кошачьи-глаза, в следующем месяце она пойдет на выпускной, в отличие от меня. Я жму на газ, и машина с ревом разгоняется до девяноста миль в час. И видя, как девчонка судорожно вцепляется пальцами в сидение, я улыбаюсь.

Дальше целый час мы едем молча. По мере приближения к горам, легковушки, более характерные для городских дорог, постепенно сменяются массивными грузовиками и груженными бревнами самосвалами. Вдоль дороги выстроились в ряд одинаковые деревянные домики, как деревенская версия Монополии.

Спустя какое-то время, я включил радио — вся моя музыка осталась в моем сдохшем телефоне — но смог найти только кантри. Пришлось оставить его — все равно лучше, чем сидеть в гробовом молчании со странным мальчиком-который-девочка.

Я не могу удержаться, чтобы не рассмотреть ее украдкой; она могла бы быть наполовину азиаткой со своими высокими скулами и густыми черными волосами. Ее одежда выглядит точь-в-точь, как из мужского отдела Олд Нэви. А вот прическа — просто ужас: смахивает на отрастающий, криво подстриженный "ежик". Вдобавок, она еще и укладывает его торчком, чтобы казаться выше. Или свирепее. Она невысокого роста. Я бы сказал, пять футов и пять дюймов — довольно точное описание. И в спокойном состоянии она действительно выглядит на свой рост. Но стоит ей заговорить, и она как будто подрастает на несколько дюймов... становиться выше самой себя. Когда она только села в машину, я был уверен, что в случае истерики справлюсь с ней, но теперь уже сомневаюсь. Такая сила... и ярость... переполняют каждую клеточку ее тела.

По словам отца, то, что она промышленный шпион, обладающий информацией о препарате, было «почти правдой». Когда я увидел её в первый раз, то вряд ли мог представить, что она замешана в каком-то шпионаже. Но сейчас, когда она сидит совсем рядом, могу. Она кажется опасной.

Словно прочитав мои мысли, она взглянула на меня, и, когда наши взгляды встретились, обстановка накалилась.

— Откуда ты? — спросила она.

Поразмыслив, я решаю, что ничего не случится, если она будет знать, где я живу.

— Эл. Эй.

Она не сводит с меня глаз:

— Где этот... Илэй?

— Лос-Анджелес. Это в... — говорю я.

— Ах, да. Калифорния, — перебивает она, и продолжает, бормоча себе под нос. — Самый густонаселенный город США после Нью-Йорка; тем не менее, не является столицей Калифорнии, которой, — она делает паузу и секунду подумав, добавляет, — является Сакраменто. Или, по крайней мере, он был ею в 1983.

Чудачка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Свернув на двухполосную дорогу, мы проезжаем мимо компании охотников в коричневой камуфляжной одежде с ружьями. Ненавижу оружие. Однажды отец пробовал взять меня на охоту. И я целый день так и просидел в охотничьем домике, играя в видеоигры, отказываясь даже выйти на территорию охотничьих угодий, чем поставил его в неловкое положение перед друзьями.

— Какое твоё полное имя? — спрашивает она, продолжая допрос.

Ой-ёй. Мы коснулись щекотливой темы. О «Блэквел Фармасьютикал» слышали все, и обычно моя фамилия — показатель статуса. Но сейчас, возможно, лучше её не упоминать.

— С чего бы мне говорить тебе свою фамилию, если ты даже не сказала мне своего имени? — выкручиваюсь я.

— Меня зовут Джуно, — отвечает она.

— Как богиню... чего, Олимпа? — спрашиваю я.

— Нет, как столицу Аляски, — отрезает она.

Точно! Ведь отец упоминал, что девчонка приплыла на пароходе из Анкориджа.

Джуно указывает на знак с картой заповедника, установленный на обочине, и говорит:

— Останови здесь.

Отстёгивая ремень, она начинает выходить прежде, чем машина успеет остановиться. Я жму на тормоза, а она, только чуть оступившись, сохраняет равновесие и идёт к знаку так, словно постоянно выпрыгивает из движущихся машин.

Эта девчонка на наркотиках. По-любому. Какой бы там секретный препарат папа не пытался прибрать к рукам, она должно быть уже лопаёт его вагонными нормами. Если это, конечно, не нейрорептилки — вот они бы ей точно не помешали.

Несколько минут она изучает карту, затем возвращается к машине, садится внутрь и заявляет: — Окей. Поехали. — Типа я её личный шофер или кто-то, вроде него.

— Не хочешь сказать мне, куда мы едем? — спрашиваю я, скрывая сарказм, чтобы не поймать ещё один грозный взгляд. Эта девчонка, Джуно, пугает меня, и бесить её не стоит.

— Туда, — говорит она, указывая на горный склон.

Ничего не могу поделать. И начинаю говорить с ней как с ребёнком. Или как с ненормальной.

— Как видишь, уже семь вечера, — указываю я на часы, на приборной панели, как ведущий телеигры указывает на новёхонькую машину. — Ресторанов рядом нет. И мы уже проехали знак «Гостиница», указывающий в другую сторону. Так что если мы захотим, скажем, поужинать — или поспать не в машине — то лучше нам развернуться и поехать куда-нибудь ещё.

— Туда, — она указывает на гору.

Я сжимаю кулаки. Но представляя выражение лица отца, которое у него будет, если мне удастся вернуть её в Лос-Анджелес, спрашиваю:

— Не закроешь дверь, чтобы я уже поехал?

— А, конечно, — она говорит так, словно ей это и в голову не приходило. Она наклоняется, захлопывает дверь, и мы наконец-то отправляемся.

Я лежу в палатке и делаю вид, что сплю без задних ног, но на самом деле переживаю за свою жизнь, наблюдая за тем, как убийца кроликов мило беседует с нашим костром.

Произошло всё так: на полпути по Маунт-Рейниру, Джуно приказывает мне свернуть с дороги. И как только мы оказываемся там, где никто — скажем даже, спасатели — в общем-то нас не найдет, она просит остановиться.

Уже темнеет, и всё это напоминает сцену изкакой-нибудь документалки, когда невнимательные туристы разбивают лагерь рядом с медвежьей берлогой, волчьим логовом или над гнездовьем смертоносных скорпионов, и за столь бездумное вторжение природа преподносит свой урок.

И стоит мне только об этом подумать, как Джуно берёт с заднего сиденья свой рюкзак, достаёт нейлоновый мешок и начинает ставить эту долбанную палатку.

— Что ты делаешь? — мой голос подскочил на октаву, словно я надышался гелия.

Она смотрит на меня и спрашивает:

— А на что это похоже?

— Мы не будем здесь ночевать! Это даже не место для кемпинга! — пишу я.

— Нам придётся. В Сиэтле я не могла Прочсть природу. В городе мне слишком тревожно. Я увидела эту гору на почтовой открытке и поняла, что она будет идеальным местом для Чтения. Это место напоминает дом, — отвечает она и продолжает разворачивать нейлоновую палатку, надевая её на раскладной металлический каркас. Освободив землю от веток и камней, она ставит на неё палатку и, чтобы закрепить, вбивает в землю клинья, а я всё это время стою как дурак. Она поворачивается ко мне.

— Если хочешь помочь, можешь развести огонь, пока еще совсем не стемнело.

— Развести огонь? Да это стопудово незаконно посреди национального парка. И зачем нам вообще этот огонь нужен? — спрашиваю я. — Тут даже не холодно.

— Чтобы приготовить ужин.

Затем она достаёт из рюкзака две вырезанные из дерева штуки, похожие на штыри, и, со щелчком, соединяет их вместе, а так же извлекает связку маленьких стрел. Будь я проклят, но она и правда уходит в лес с мини-арбалетом.

Огонь развести я даже и не пытаюсь. Вернувшись в машину, я полчаса вожусь со своим айфоном, пытаюсь его включить, но он полностью мертв. Размышляя о том, что она с ним сделала, я поднимаю голову и вижу, как, держа дохлого кролика за задние лапы, на поляну возвращается Джуно.

Даже не глядя в мою сторону, она садится, достает здоровенный охотничий нож из своего рюкзака и начинает свежевать тушку. Не могу на это смотреть. Мне дурно.

Вернувшись на поляну, я вижу, что она уже развела костёр и, воткнув в землю с каждой его стороны по ветке, теперь сооружает какой-то самодельный вертел. Как бы невзначай, будто шнурки развязывает, она вставляет третью ветку сырому, краснокожему кролику в рот, тут же вытаскивает её с другого конца. Мне снова нужно прогуляться в лес, потому что,

кажется, меня стошнит.

К тому времени, как я снова возвращаюсь, штука на вертеле и впрямь походит на мясо и пахнет достаточно аппетитно, чтобы у меня потекли слюнки. Стоя там, я смотрю, как, используя стекающий в небольшую миску мясной сок, она жарит в нем какие-то грибы и листья.

— Я, конечно, понимаю, что поиск пищи это последний крик моды, среди таких вот любителей натур-продуктов, но ты же знаешь, что в получасе езды отсюда есть Макдональдс?

На мгновение мне кажется, что она меня не узнает. Но затем она небрежно отрезает кусочек от лапы того, что ещё час назад было милым и пушистым и бегало неподалёку, и решительно протягивает мне на кончике ножа, словно бросая вызов. Я вздрагиваю, но снимаю мясо с лезвия и кладу в рот. Бог мой, до чего же вкусно. Она видит выражение моего лица и улыбается.

— Я видела вывеску МакДональдса по дороге. Но я попробовала еду из него в Сиэтле, и честно говоря, она противная до ужаса.

ДЖУНО

Весьма вероятно, что он самый глупый парень, какого я когда-либо встречала.

Хотя нет. Не глупый. На самом деле он выглядит достаточно умным. У него большой словарный запас, когда он усиленно пытается воспользоваться им. И я могу сказать — он слушает каждое мое слово и сохраняет его на потом. Зачем? Как сказал Фрэнки, у него есть скрытые мотивы. Майлс нуждается во мне так же, как и я в нем. У него есть секреты. Как и у меня. Однако мой оракул сказал быть честной с ним. Это не значит, что я должна рассказать ему историю всей моей жизни — нет, если он не спрашивает. Поэтому я не буду ожидать от него того же.

Я сменила свою оценку с "глупый" на "наивный". Очевидно, что он жил в теплице. И я говорю про теплицу не в сравнении с той дикостью, в которой выросла я. Он жил в том, что Деннис бы назвал "счастливой жизнью, к несчастью для всего остального мира". Блаженное неведение богатого отпрыска.

После недельного блуждания по улицам Сиэтла, разница между состоятельными и бедными людьми стала для меня очевидной. В сравнении с повстречавшимися мне простыми людьми, нарочито обыденная одежда Майлса, его поставленная речь, чересчур беспечное и самоуверенное поведение — все сводилось к наличию денег, которых он сам не зарабатывал.

Я оборачиваюсь посмотреть на пламя и задаюсь вопросом: то ли он не знал, как разложить костер, то ли просто поленился об этом побеспокоиться. Я не понимаю, почему Фрэнки сказал, что он мне нужен. Мне он кажется последним человеком на Земле, который смог бы мне сейчас пригодиться. Не умеет Майлс водить, он бы вообще висел на мне мертвым грузом.

Он упорно настаивал на ночевке в машине, пока я не сообщила ему, что запах ароматизатора в виде черепа и перекрещенных костей, свисающего с зеркала заднего вида, и пакетов чипсов и печенья, припрятанных на заднем сиденье, могут привлечь медведя, который не постесняется отодрать дверь машины, орудуя здоровенными когтями.

Первый раз я видела, чтобы он так шевелился. Он отодрал череп-ароматизатор с зеркала, выгреб пакеты с заднего сиденья и пулей унесся куда-то в лес, вернувшись, минут через десять уже с пустыми руками. Он даже оставил машину проветриться с опущенными стеклами, и без колебаний устроился спать в палатке, стоило мне только сказать, что в ней безопаснее.

Я с нетерпением жду, когда же он уснет. Наконец, увидев, что он перестал ворочаться, я выуживаю из рюкзака мешочек с порошком слюды. Бережно отмерив маленькую серебристую горстку, я швыряю порошкообразную слюду в пламя. — Папа, — говорю я, представляя его лицо, и смотрю направо поверх языков пламени.

Ничего не происходит, и нить беспокойства крепко стягивает мне грудь. Как я сказала Майлсу, помимо чтения оракулов больше в Сиэтле я не смогла ничего прочитать. И я не знаю, связано ли это было с пребыванием в городе. К счастью, мне удалось совершить то небольшое колдовство и поджарить его сотовый телефон. Но ощущение такое, будто что-то меняется: либо во мне, либо в моей связи с Йарой.

Вообще, ещё на пути в Сиэтл, во время тех непростых пяти дней на корабле я начала ощущать перемену. Тёмный, стелящийся туман над всем, что я знаю. Если старейшины вдали насчёт войны, могла ли Йара быть их очередной выдумкой? В глубине души я, конечно, знаю, что Йара существует. Просто такое ощущение, что у меня пропадает с ней связь.

Я прогоняю эти мысли и сосредотачиваюсь на костре. Немного погода, изображение всё же появляется.

Всё точно так, как в моём видении: бесплодная пустыня с кактусами на переднем плане и каменными образованиями вдалеке. И хотя время ночное, это местоосвещает яркая луна. Я вижу группу небольших сооружений из глины или грязи. Я помню, что нечто подобное было в ЭБ — в статье про коренных американцев, и пытаюсь вспомнить, в какой части Америки они жили. Сооружения окружены высоким ограждением, увенчанным колючей проволокой. Оно тянется вдаль, насколько хватает взгляда, и, изгибаясь под углом, уходит в другую сторону. Граница лагеря. Моих людей держат в плену.

Вскоре из одной лачуги появляется мой отец, обхватывающий себя руками. Немного отойдя, он останавливается и смотрит на луну. У него печальное лицо. Обеспокоенное. Я знаю, что он думает обо мне. Интересно, он вышел, потому что каким-то образом почувствовал, что я пытаюсь его прочесть?

За последние две недели я столько думала об отце и своём племени, что теперь, когда вижу его, меня захлестывают противоречивые чувства. Одна часть меня хочет броситься к нему, обнять и не отпускать. Другая — хочет кричать. Хорошенько его встряхнуть. Спросить, почему он мне врал. Почему, с тех пор как пятилетнюю меня начал обучать Уит, мудрецы племени постоянно лгали. Почему взрослые обманывали детей. Почему они промывали нам мозги, заставляя думать, что внешнего мира нет, словно загнанных кроликов заставляя прятаться от опасности, которой никогда не было. Из-за этого заговора взрослых — семьи, которой я всегда верила — вся моя жизнь была фарсом.

У меня щиплет глаза, и я вытираю слезу злости. Нащупав в рюкзаке пальцами огненный опал, я достаю его и, положив на ладонь, вдавливаю в землю.

— Папа, — говорю я. Ничего. Он слишком далеко, чтобы я прочла его эмоции. Или, возможно, это моя злость не позволяет установить связь с Йарой.

В сотый раз я думаю, что же из того, чему меня учили, было паутиной лжи, которой нас опутывал мой отец с другими старейшинами племени, а что — правдой. Боль от их предательства до сих пор прожигает мою грудь насквозь, но, по крайней мере, у меня по-прежнему есть Йара. Больше я не знаю, во что верить. Я покинула свой дом. И теперь блуждаю по этому новому миру. Я снова фокусируюсь на фигуре отца, неподвижно стоящей в пустыне.

— Со мной всё хорошо, папа, — говорю я, осознавая, что он меня не слышит. Сглотнув комок в горле, я добавляю: — И я за тобой иду.

МАЙЛС

Она разговаривает во сне. Упоминает пару писателей — Бекетта и Неруду — и несколько других имен, которые я не могу разобрать, бормоча, как люди говорящие во сне. Она говорит о «бандитах», как она их боится. Затем она говорит что-то о своем отце и мучительным голосом стонет: «Почему?».

И на мгновение она кажется такой беззащитной, такой нормальной, что, несмотря на кошмарную стрижку, мне хочется её обнять. Сказать, что все будет хорошо, пусть даже я понятия не имею, что с ней вообще происходит.

Затем я вспоминаю, что она является не только главной целью розыска отца, но и опасной психически неуравновешенной. Я не двигаюсь с места.

ДЖУНО

Во сне меня мучают кошмары. Каждую ночь мне снятся бандиты, нагрянувшие в наш лагерь. Они одеты в рваную кожу, а их глаза светятся зелёным, радиационным светом.

Используя, наряду с высокотехнологичным, самодельное оружие, они вторгаются в поселение и убивают сначала собак, выскочивших нас защитить, а потом и всю общину. Я оцепенело стою там, посреди резни. Неспособная что-либо сделать. После этого я слышу голос отца, обращающийся ко мне: «Используй Йару, Джуно. Используй свой дар».

Проснувшись с восходом солнца, я носом чувствую зловоние пылающих юрт, до тех пор, пока не вдыхаю свежий горный воздух. Сквозь противомоскитную сетку видно, как окружающий мир, орошённый росой, в отблесках рассвета становится светло-розового цвета. Никакой войны не было. И бандитов нет. Я напоминаю себе, что третьей мировой войны никогда не происходило. Но она настолько стала моей неотъемлемой частью, что весь этот мир походит на небылицу — волшебную сказку, которой, словно разноцветной бумагой, обернули выгоревшую оболочку послевоенной планеты.

Я поглядываю на Майлса. Его губы слегка приоткрыты, дыхание поверхностное. Прогоняя из головы жуткие образы, я напоминаю себе, что теперь это мой мир. Только я и парень, который, по-видимому, необходим мне для моих поисков. И я в который раз недоумеваю, зачем Фрэнки сказал мне найти его. Возможно, одной мне было бы лучше?

Слегка приподнятый подбородок, пряди волос, спадающие на лоб. Интересно, сколько ему лет? Наверное, как и мне. Семнадцать. Ну, может, восемнадцать. На секундочку я позволяю себе посмотреть на него глазами Ном: десятка от нее была бы ему обеспечена. Учитывая, что Джон Кеннеди удостоился 7,5 баллов. Ах, Ном. Как же я надеюсь, что с тобой все в порядке. Мысли возвращаются от лучшей подруги к парню, спящему рядом.

Что он делал, зачем выслеживал меня повсюду? Что ему от меня нужно? Когда я спросила его, он не ответил. Я могла бы Прочитать его, но я никогда не Читала никого против их воли. Я заставляю себя выкинуть эти мысли из головы и собираюсь с силами. Мне еще нужно кое-что сделать, перед тем как мы уйдем.

Я тихо выскользываю из палатки, стараясь его не разбудить. Прошлой ночью после Чтения огня я обратилась к ветру. Сжимая в ладони опал, я выставила руки вверх навстречу его свежему дуновению. Прошло немало времени, прежде чем я почувствовала связь с Йарой, но, мысленно представив свою общину, я не получила ответа.

Отчаяние резануло как ножом по телу. Что со мной не так? Я теряю свою связь? Изменив просьбу, я шепотом говорю: «Уит». И через мгновение меня достигает запах далёкого костра. Пытаясь выяснить, с какой стороны он доносится, я повернулась вокруг, но так и не выяснила. Должно быть, Уит тоже на открытом воздухе. Возможно даже, он неподалеку.

Может быть, захватчики привезли его туда, где держат наше племя. Или, может, он сбежал и теперь ищет меня. Он мог бы делать это с помощью Чтения. По сути, если бы он был на свободе, он смог бы найти меня ещё на улицах Сиэтла.

При первой же мысли о нём, во мне просыпается чувство неопределённости, подозрения, но я изо всех стараюсь их игнорировать. Да, возможно, Уит был единственным,

кто несколько лет назад выходил к людям — когда он покупал книгу. Но в обмане участвовали и остальные взрослые жители общины. Так что он виноват не более, чем они. Врали все, а не только он.

«Однако он точно был тем, кто мог открыть правду», — мучают меня мысли. — «И вместо того, чтобы открыть ее, он продолжал кормить нас ложью». Идея о предательстве возвращается, но я загоняю её в дальний угол своего сознания, чтобы разобраться с этим позже.

Время ответственности, которое я привыкла чувствовать с того дня, как Уит сказал, что я стану его преемницей, теперь лежит на мне тяжким грузом. Нельзя отвлекаться на детские переживания. Я ответственна за свою общину. К тому же, я единственная на свободе. Нужно думать о нем, как о союзнике и не позволять мелочности стать мне помехой. Я буду сильной.

Но как с ним связаться? Раз он находится у костра, значит за городом. Если бы только я могла послать ему весточку. Если бы он показал мне больше Заклинаний. Несколько его простых уроков здесь не помогут. Маскировка путем видоизменения. Поддержание льда в замерзшем состоянии, чтобы хранить запасы мяса. Сильный нагрев для плавления твердых веществ, что используется при починке металлических санных полозьев или колес, которым десятки лет. Или для того чтобы поджарить телефон. При этой мысли я улыбаюсь.

Я знаю, что с Читением справляюсь даже лучше Уита. Он сам признал, что «ученица превзошла учителя», объясняя это тем, что я выросла в тесном контакте с Йарой. Но, что касается Колдовства, я до сих пор не знаю его потенциала.

Пока я перебираю в уме все свои возможности, на землю передо мной опускается ворон размером с упитанного кота. Склонив голову набок, он настороженно меня разглядывает, а потом шагает навстречу и пронзительно каркает, распушивая перья. К его лапе что-то привязано. Послание от Уита.

— Спасибо, — благодарю я, снимая клочок бумаги с лапы ворона. Развернув его, я вижу витиеватый почерк Уита: «Джуно, я могу Прочитать, что ты поблизости и с тобой все в порядке. Времени мало — помоги мне найти тебя. Напиши, где ты находишься, и ворон вернется ко мне с твоей запиской. После этого, оставайся на месте, я приду и заберу тебя. Чтение огня показало, что ты на привале в лесу с парнем. Чтобы ты ни делала, не доверяй ему. Твой друг, Уит».

Твой друг? Эти два слова посылают сигнал тревоги по всему телу. Никогда раньше Уит не называл себя моим другом. Наставником — да. Мудрецом общины — возможно. То ли он догадывается, что я сомневаюсь в нем, и хочет напомнить, что заслуживает доверия, то ли его заставили написать записку, и он употребил эти слова, чтобы меня насторожить.

Щелкая языком, я издаю звук, который на универсальном человеко-зверином языке означает «Иди сюда», и ворон на шаг приближается. Я расслабляюсь, замедляю дыхание и протягиваю руку в попытке прикоснуться к нему, разделяя с ним свое спокойствие. Он позволяет взять себя на руки и складывает крылья, устраиваясь поудобнее. Я подношу его к груди, чтобы прижать к опалу, и, закрывая глаза, шепчу:

— Покажи, что ты видел.

Как и прошлой ночью, приходится немного подождать, прежде чем связь устанавливается. Но через некоторое время я ощущаю покалывание от соединения с Йарой. Ворон становится смирным, впуская меня в свои воспоминания.

Я вижу Уита. Он с двумя мужчинами, похожими на солдат, которых я уже видела с ним,

Читает огонь в его пещере. Они нависают над ним, наблюдая за тем, как он пишет записку. Думаю, они хотят заставить его найти меня для них. Мои подозрения подтверждаются. Уита вынудили стать их пешкой.

Я вижу, как он колеблется, хлопает себя по карманам куртки и достает телефон. На время разговора двое мужчин уходят, оставляя его самого. Через некоторое время он прикладывает пальцы к губам и громко свистит, так же, как он делал при мне миллион раз. Потом, привязав записку к лапке ворона, он отпускает его, и тот взлетает.

Теперь я словно веду наблюдение с воздуха. Улетая, птица опускает голову и я вижу Уита, забирающегося на водительское сиденье коричнево-зеленого, похожего на военный, автомобиля, (сзади большими буквами написано «Джип»), в то время как остальные двое запрыгивают на пассажирское и заднее сидения. Уит ждет, пока они захлопнут двери и уезжает.

Опешив, я отпускаю птицу и наша связь прерывается. Кровь стынет у меня в жилах. Уит вовсе не пленник. Неужели он работает на людей, забравших мою общину? Или может эти люди сами на него работают? Я в таком шоке, что даже не знаю, что думать. Все утратило смысл. Боль предательства обрушивается снова, и я ничего не могу сделать, чтобы ее притупить.

Через откидное окошко палатки я вижу сидящего Майлса. Он приглаживает торчащие во все стороны волосы. По словам Уита ему нельзя доверять. Что для меня, в общем-то, и не новость: Фрэнки предупреждал, что он ненадежный.

Но теперь ясно, что Майлс — не единственный, кого мне следует остерегаться. Мой отец меня обманул. Собственный наставник охотится на меня. Доверять остаётся только себе. Я ещё никогда не чувствовала себя настолько одинокой.

МАЙЛС

Когда я просыпаюсь, она разговаривает с птицей. Это вроде и не должно меня беспокоить. Но я еще не совсем проснулся и волна тревоги накатывает прежде, чем я вспоминаю, что тусуюсь с сумасшедшей лишь ради достижения своей цели. А моя цель — увидеть лицо отца, когда я, наконец, сделаю что-то толковое.

Я не спеша вылезая из палатки, теша себя надеждой, что прилетит фея, взмахнет волшебной палочкой и все вернется на круги своя. Но не тут-то было. Когда я поднимаюсь, Джуно смотрит так, словно ждет меня, чтобы сказать что-то очень важное.

— Чего? — спрашиваю я.

— Нам нужно уходить, — отвечает Джуно. — Сейчас.

— И что, никакого шашлыка из дичи на завтрак? — шучу я.

Она делает вид, что не слышит меня и начинает паковать свои кухонные принадлежности.

— За нами идут. Поедим в пути, — говорит она в этой своей манере "я-твой-босс", которая начинает меня конкретно бесить.

— Ах! — вскрикиваю я, приподнимая бровь в приворотном удивлении просто для самого себя, так как она на меня больше не смотрит. — Не правительственные ли агенты нас преследуют? А может инопланетяне? Нет, постой. Это злые лесники, которые ведут учет популяции кроликов в заповеднике.

— Если хочешь помочь, можешь сложить палатку, — бесцеремонно заявляет Джуно. И хотя у меня не было особого желания становиться ее добровольным товарищем по паранойе, но это звучит так, будто она вообще сомневается, что такая задача мне под силу, и я принимаюсь вытаскивать колышки из земли.

— Может спервасоберешь постель? — говорит она.

— Ага, как раз собирался, — бубню я и вытягиваю надувные походные подушки и тонкие, как лист бумаги, термоодеяла.

К тому времени, когда до меня, наконец, дошло, как отсоединяются дуги, она, все упаковав и погрузив в машину, спешит ко мне на помощь.

— Ты что никогда не ночевал в палатке? — спрашивает она, но без издевки, которую я ожидал.

— Нет, — признаюсь я, запихивая последнюю дугу в чехол, — а что, так заметно?

Она поднимает глаза и едва заметно улыбается мне сжатыми губами. Я невольно улыбаюсь в ответ.

И в этот момент, как ни странно, мне хорошо. Несмотря на то, что после ночи на твердой земле у меня занемела спина. Несмотря на то, что я торчу посреди незаконно разбитого лагеря и лыблюсь параноидальной шизофреничке. И вообще, она кажется более-менее нормальной. Даже милой. Я ловлю себя на этой мысли, но она лишь проносится в голове, несколько раз срикошетив, и изживает себя. Эта девчонка — лишь средство достижения цели, — говорю я себе, — нужно просто доставить ее в Калифорнию. Прогоняя с лица улыбку, я завожу машину.

Джуно бросает сумку с палаткой назад и запрыгивает на пассажирское сидение рядом

со мной. Птица с криком влетает в машину вслед за ней, садится на заднее сидение и смотрит, словно пытается меня спровоцировать.

— Это еще что? — спрашиваю я, указывая на птицу, пока Джуно закрывает дверь.

— Ворон поедет с нами, — отвечает она.

Я не верю своим ушам. Но стараюсь контролировать голос, напоминая себе, что неадекватная здесь она, а не я.

— И почему, позволь спросить, ворон поедет с нами?

— Потому что, если тот, кто послал его шпионить за нами, призовет его снова, то нас без труда выследят.

Мой мозг опять закипает. Я смотрю на птицу исподлобья. Она бросает на меня мимолетный взгляд и как ни в чем не бывало, принимается чистить перья. Я поворачиваюсь к Джуно и вздрагиваю при виде ее странных контактных линз со звездой. По-моему, она даже ночью их не снимала.

Поверить не могу, что секунду назад счёл её нормальной, должно быть, у меня какой-то стокгольмский синдром. Развернув машину, я возвращаюсь на грунтовую дорогу, по которой мы приехали.

— Куда теперь? — спрашиваю я, надеясь, что спокойный тон поможет нам выбрать путь. Сейчас она задает курс. Я смотрю, как она отмечает положение солнца и смотрит на обе стороны дороги.

— Эта дорога ведет с севера на юг, — говорит она, — не знаешь, как нам свернуть на юго-восток?

— Ну, если тебе удастся включить мой Айфон, сможем найти дорогу с помощью GPS, — говорю я.

Она смотрит на меня так, словно я заговорил на китайском языке. Вспомнив путаницу с Эл. Эй.*, я спрашиваю:

— Что из сказанного мною тебе не понятно?

— Включить, Айфон, GPS, — отвечает она.

(Эл. Эй. (англ. L.A.) — Лос-Анджелес, также известен как L.A. и City of Angels — Город Ангелов. Город в [США](#) на юге штата [Калифорния](#), находящийся на берегу [Тихого океана](#).)

Я объясняю на свой выбор:

— Глобальная Система Позicionирования. — Она качает головой. По напряженным мышцам лица видно, чего ей стоило признать свою неосведомленность.

— Откуда же ты, если даже не слышала о GPS? — спрашиваю я, в надежде услышать что-нибудь об Аляске, или узнать побольше о ней самой.

— Нет времени на разговоры, — отвечает она, — езжай по этой дороге. Объясню по пути.

Мы выезжаем на дорогу и движемся на юг. Через несколько минут я возвращаюсь к прежней теме:

— Я так понимаю, ты не можешь включить мой телефон.

Джуно на меня не смотрит, а обеспокоенно поглядывает в окно и на спидометр. Я жму на газ, она немного расслабляется и отвечает:

— Из Аляски.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что она вернулась к предыдущему разговору, и я подхватываю:

— Но на Аляске должны знать о GPS, среди такой-то глухомани, в этой...тундре, или

чего там у вас.

Она обдумывает это секунду.

— Я жила в небольшой общине, расположенной в стороне от больших городов. Когда ты, считая меня близкой к природе, назвал "любительницей натур-продуктов", ты был недалек от истины. Там были только природа и мы.

— Уверен, ты видела по телевизору... — начинаю я.

— У нас не было телевизора, — перебивает она меня, — и электричества, собственно, тоже.

— И жила ты там...

— Всю свою жизнь, — заканчивает она.

Пока я пытаюсь обмозговать это, мне приходит на ум, что в таком свете она особо и не кажется сумасшедшей. Если ее вырастили в каком-то обществе бродяг непонятно где — неудивительно, что она странно вела себя в Сиэтле.

Я вижу, как она возится с окном, пытаюсь просунуть ногти над верхним краем стекла, будто бы думая, что сможет, надавив, опустить его.

— Около дверной ручки есть кнопка, — говорю я, секунду она дергает кнопку контроля туда-сюда, пока ее окно не опускается вниз, и она не высовывает голову наружу так, что холодный утренний воздух хлещет ее по лицу.

— Что? И машин у вас тоже не было? — спрашиваю я, вспоминая, как она вчера вылетела из еще движущейся машины и забыла закрыть дверь после того, как вернулась в нее.

Она кивает головой.

Я смотрю на нее скептически:

— Как же вы передвигались?

— На нартах, — отвечает она, будто это само собой разумеется. — Конечно, к ним прикреплялись колеса, когда на земле не было снега.

— Понятное дело, — отвечаю я, приподняв бровь. Она приглядывается ко мне, чтобы понять, не подкол ли это. Но я улыбаюсь со всей доброжелательностью, на которую способен, и ее сжатые губы растягиваются в ответной улыбке.

Честно говоря, когда она не хмурится, то производит гораздо лучшее впечатление. То есть, эта стрижка, конечно, делает ее похожей на шизанутую эльфийку, но это определенно прогресс, по сравнению со злобной гномихой, насаживающей на вертел тушки мертвых животных.

— Так почему ты уехала? — осторожно спрашиваю я, и, чтобы разрядить обстановку, добавляю: — раз уж мы выяснили, что дело не в ненасытной тяге к Биг-Макам.

Джуно кладет голову на подголовник, как будто длинные фразы ее утомляют. Она разговаривает меньше, чем любая из моих знакомых. Неловкое молчание ее не смущает. Не уверен, знает ли она вообще, что такое неловкость. Она как робот. Или старушка.

Потом она глубоко вздыхает:

— Как я и говорила, я ищу отца. Он пропал. И не только он, похитили всю мою общину.

— Что? Зачем? — спрашиваю я, хотя сам при этом думаю: «Стоп, Майлс. Это просто очередные бредни».

Но она выглядит такой искренней, что я решаю на несколько минут отбросить сомнения. Даже если она несет полнейшую чушь, то, безусловно, верит в то, что говорит.

— Если честно, понятия не имею, — отвечает она, — но не будь я тогда на охоте, меня

бы тоже забрали.

Ее взгляд перемещается на заднее сидение, и я вижу, что она положила заряженный арбалет на расстоянии вытянутой руки. Я решаю не обращать внимания на то, что еду в одной машине с вороном-переростком и опасным оружием за спиной, а извлечь выгоду из того, что она, наконец, разговорилась, чтобы в дальнейшем я мог на нее давить.

— Значит, ты думаешь, что парни, похитившие твоего отца и остальных, преследуют тебя? И они, — не верится, что я собираюсь это сказать, — послали птицу шпионить за тобой? — В зеркало заднего вида я вижу, как ворон въёт из моей скомканной футболки гнездо.

— Они...и мой старый наставник, — говорит она, почти шепотом.

— Твой наставник? — искренне удивляюсь я, потому что не имею ни малейшего понятия, о ком она говорит.

У неё такое выражение лица, словно она какая-то плакса, которая вот-вот разрыдается. Но, слава богу, она не плакса. Стиснув зубы, и снова выглянув в окно, она смотрит на небольшую лачугу с садом, рядом с которой, развеваясь на ветру, хлопает огромный американский флаг. Словно отдыхая от какой-нибудь сумасшедшей ночной коровьей вечеринки в честь Дня независимости*, под ним крепко спят коровы.

(День независимости США ([англ. Independence Day](#)) — день подписания [Декларации независимости США](#) в [1776](#) году, которая провозглашает [независимость США](#) от [Королевства Великобритании](#); празднуется в [Соединенных Штатах Америки 4 июля](#). [День независимости](#) считается днём рождения [Соединенных Штатов](#) как свободной и независимой [страны](#).)

Джуно осматривает пейзаж. Её мысли в другом месте. И вдруг меня озаряет. Её и правда могли преследовать люди. Чёрт возьми, её и я преследовал. И головорезы отца, пока она от них не отделалась. Если отец так сильно пытается её поймать, должно быть, его конкуренты хотят того же.

Это осознание поражает меня. В смысле, это не похоже на голливудский фильм, в котором люди, ради шанса заполучить новый препарат, пойдут на всё. Речь не идёт о международном шпионаже.

Или идёт? По словам отца, то, что она промышленный шпион — почти правда. Очевидно, что она обладает ценной информацией.

Всё становится сложнее. Когда я думал, что она полный псих, было легче — я не верил ни единому её слову. Но сейчас то, что она говорит, начинает обретать смысл, и я уже не знаю, во что верить.

ДЖУНО

Мы едем больше часа по извилистым горным дорогам мимо растянувшихся цепью сараев, крыши которых до того покрыты мхом, что непонятно, какого цвета они были изначально. Горные изгибы издали напоминают пышную поверхность подошедшего теста. Мы проносимся мимо заржавелых автобусов и трейлеров, выстроенных вокруг перегоревшего костра на веки вечные, ну, или пока кто-нибудь не удосужится их отбуксировать.

Пейзаж одновременно завораживающий и зловещий. На каждый заброшенный магазинчик, рекламирующий пиво и вино, рыболовные снасти и "лицензированные рождественские елки", нам встречается кристально чистое озеро, которого, кажется, сколько существует мир, не касалась рука человека. Мы едем вдоль рек, скованных льдами, а мимо грохочут лесовозы, доверху загруженные огромными тесанными бревнами.

Мне вспоминается Денали и сердце разрывается от тоски по былым временам. По моей жизни, окруженной выдумками. Почему я чувствовала себя куда безопаснее в постапокалиптическом мире, нежели в этой действующей, слаженной цивилизации? Потому что я знала, чего ожидать — отвечаю я сама себе. Мне незнаком этот мир, где друзья оказываются врагами, и где я не могу доверять даже этому парню, сидящему рядом. Правила совсем другие. Мне приходилось сталкиваться с медведями, с волками, змеями и ледяными штормами. Но первый раз в жизни я признаюсь себе, что действительно боюсь.

Выживание. Единственное, что сейчас важно. Для меня, моего отца и всей общины. И я все для этого сделаю. Задействую кого угодно. Вот о чем я думаю, поглядывая на Майлса, сосредоточенного на крутых поворотах. Я мысленно разрабатываю план за планом, но большинство из них по той или иной причине попадают в категорию "запрещено Уитом". Я вспоминаю его отъезд с парнями военного вида и чувствую, как сердце каменеет. К черту его правила. Теперь я устанавливаю собственные.

Майлс снижает скорость, подъезжая к старой покосившейся постройке под вывеской с красной фигурной надписью "Кока-кола". Под ней черными трафаретными буквами выведено "Магазин-закусочная у Мамаши". С тех пор как мы свернули свой лагерь в горах, помимо нескольких пустующих хижин лесников, это первое место, где горит свет.

— Думаешь, открыто? — спрашиваю я.

— На заднем дворе припаркован пикап, — говорит Майлс, указывая на проржавевший грузовик, цветом под стать обветшалому зданию магазина. Мы выходим из автомобиля. Прежде чем захлопнуть дверцу, Майлс спрашивает озадаченно:

— Птица остается в машине?

Я наклоняюсь, чтобы заглянуть в окошко. Ворон выглядит довольно удовлетворенным в гнезде из грязной одежды.

— Он должен остаться с нами, пока мы не оторвемся.

Майлс мягко хлопывает дверь, словно ворон — спящий ребенок, которого он пытается не разбудить. Он прочищает горло и заметно, что ему не по себе. — Это он тебе так сказал?

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему. — Птица... сказала мне... что хочет остаться? — уточняю я, сверля взглядом Майлса.

Он неуверенно кивает. — Просто я видел, как ты говорила с ним этим утром и... — он замолкает.

— Не знаю, как у вас в Лос-Анджелесе, — медленно говорю я, — но там, откуда я родом, птицы не разговаривают. — Я удаляюсь от него, качая головой. Никак не могу понять этого парня.

Я ступаю на крыльцо. Под ногами громко скрипят шероховатые доски. Я отодвигаю грязную сетчатую штору с огромной дырой и легонько толкаю внутрь деревянную дверь. Она открывается под звон колокольчика, висящего на крючке над перемычкой.

В ярко освещенной комнате царит безупречная чистота. У стены расположены полки с продуктами, по центру, единственный столик с четырьмя стульями. У задней двери хлопочет женщина в красном клетчатом переднике под цвет скатерти и салфеткам.

— Я — Мамаша, — представляется она, вытирает руки полотенцем, и аккуратно кладет его на прилавок возле допотопного кассового аппарата. Рядом с аппаратом стоит большая табличка, написанная от руки: "Никаких продуктов в долг — оплати счет".

Уперевшись кулаком в бок, женщина наклоняет голову в сторону и с интересом заглядывает мне в глаза. В дверях появляется Майлс. Она поворачивается к нему и говорит:

— Ни свет, ни заря, а вы уже на ногах, ребятки.

Мамаша точно сошла с картинки, изображавшей миссис Санта в одной из книжек нашей библиотеки: пухлое тело, розовые щеки и копна белоснежных волос на голове. Судя по внешнему виду магазина и пикапа, владельцем я ожидала встретить какого-нибудь беззубого громилу, но увидев Мамашу, сразу нашла объяснение уютному интерьеру.

Словно прочитав мои мысли, она затарахтела:

— Моя мама любила говаривать: «важно то, что внутри». К тому же, если подрихтовать магазин снаружи, можно привлечь непрошенных гостей.

Я поднимаю бровь.

— То есть, туристов, — говорит она со смехом, — чего желаете?

— Завтрак в дорогу. И карту, — говорю я.

— Уверенны, что не хотите остановиться и поесть? — спрашивает она, кивая в сторону одинокого столика.

— Мы очень спешим, — отнекиваюсь я.

— У меня тут как раз свежие черничные маффины. Сама чернику за двором собирала, — добавляет она с гордостью.

— Звучит отлично, — встречает Майлс, — а кофе найдется?

Пока женщина собирает нам завтрак, я беру со стеллажа атлас Соединенных Штатов и перелистываю на страницу с картой Тихоокеанского Северо-Запада. Изучая ее, я нахожу дорогу, ведущую на юго-восток вплоть до Юты, и жестом подзываю Майлса.

— Едем этой дорогой, — говорю я, ведя пальцем по красной линии.

— Еще можно поехать на юг, — говорит он, чертя линию вдоль побережья до Калифорнии, — и потом свернуть на запад, чтобы выехать на Магистраль 66.

— А я не хочу ехать в Калифорнию, — перечу я, одаривая Майлса таким взглядом, после которого он должен бы замолчать, — Калифорния не на юго-востоке, а мы едем на юго-восток.

Майлс поднимает руки вверх в жесте: "Сдаюсь."

— Ладно, — говорит он и склоняется над картой, чтобы повнимательнее ее рассмотреть, — шоссе 82. Нужно ехать через город под названием Якима.

— До Якимы полчаса езды, — говорит женщина, выходя из кладовки с двумя бумажными пакетами в руках. Затем ставит их на прилавок и спрашивает:

— Атлас берете?

Я киваю. Она нажимает несколько кнопок на кассовом аппарате и он со звоном открывается.

— С вас восемнадцать девяносто пять.

Майлс смотрит на меня, а я не могу понять в чем дело. Но потом вздрагиваю, словно выходя из некоего амнезийного ступора, и вспоминаю, что живу теперь не в огромном семействе, где все общее, а в обществе, основанном на деньгах, где за все нужно платить.

Прежде чем я успеваю что-либо сделать, Майлс, качая головой, копается в кармане и высыпает на прилавок пригоршню купюр и мелочи. Отсчитав часть денег, он отдает их женщине, а остаток убирает обратно в карман джинсов, бубня себе под нос что-то типа: "мало того, что водителем нанялся, так еще и плати за нее".

Поблагодарив Мамашу, мы направляемся к выходу. — А ведь знаете, ваши друзья направлялись совсем в другом направлении, — говорит она нам вслед, лукаво прищурив глаза.

Я застываю на полпути к двери.

— Какие друзья? — уточняю я. Мой голос охрип и такое чувство, будто кто-то схватил меня за горло и сжал, что есть силы.

— Мужчины, что останавливались здесь всего полчаса назад. Двое в военной форме, а третий черноволосый с сальной шевелюрой. Он попросил меня позвонить им, если здесь объявится их подруга, у которой контактные линзы со звездой. Сказал, что вы потеряли друг друга, — она достает кусок бумажки с телефонным номером.

— Пожалуйста, не звоните ему, — сиплю я.

Мамаша улыбается и, скомкав листочек, бросает его в белое плетенное мусорное ведро.

— Честно говоря, они не были сильно приветливыми, — говорит она, скрещивая руки на груди, — и вообще, кто я такая, чтобы стоять на пути у первой любви?

После чего женщина берет тряпку и начинает протирать и без того чистый прилавок.

Мы мигом возвращаемся обратно в машину, захлопываем за собой дверцы и пристегиваемся. Майлс поворачивает ключ в замке зажигания, при этом странно на меня поглядывая.

— Что? — спрашиваю я.

— Тебя преследуют, — говорит он.

Я щурюсь:

— А ты думал, что я все сочинила?

Внезапно он настораживается. В его глазах появляется странный блеск. Испуганный блеск.

— Ты думал, что я сошла с ума, — говорю я, не в силах сдержать ухмылку, расплзающуюся по губам. Майлс отводит взгляд. — Ха! — я смеюсь, пораженно качая головой. Скажи людям правду и тебя сочтут умалишенной. Хотя, возможно, в моем случае, так даже лучше, чем, если бы он поверил всему, что я говорила.

Майлс думает, что я смеюсь над ним, и в мгновение ока превращается из напуганного в разъяренного. Раскрасневшись, он жмет на газ и машину выносит на дорогу. Мне хочется схватиться за приборную панель, но тогда он точно будет надо мной смеяться, поэтому я напрягаю ноги и сосредотачиваюсь на том, чтобы не пролить кофе.

Мы на полном ходу несемся в сторону Якимы, и я кормлю птицу крошками своего черничного маффина. Майлс даже не притронулся к еде, хотя выпил свой кофе за пару глотков. Я, делая пару небольших глотков, морщусь и ставлю свой под сиденье. Я привыкла к цикорию, этот напиток для меня уж слишком безвкусный.

— Парни, что тебя преследуют... они опасны? — наконец спрашивает Майлс.

— Ну, раньше бы я сказала, что Уит и мухи не обидит. Но из того, что мне здесь рассказал По...

— По? — перебивает Майлс.

— Ворон, — поясняю я.

— Ты к птице по имени обращаешься? — в голосе Майлса проскакивают нотки истерики.

Еще один повод для него считать меня ненормальной, — думаю я. И в который раз задаюсь вопросом: а может оно и лучше?

— На Аляске мы называли всех животных в честь писателей. Эту традицию учредил наш учитель Деннис. И я подумала, что поскольку у Эдгара Аллана По есть стих про ворона...

— Ага, спасибо...что просветила, — огрызается Майлс. Он багровеет, но глубоко вдохнув, немного успокаивается.

— Ладно, во-первых, мы не берем ворона с собой. Так что не надо давать ему имя. Я не повезу тебя, куда бы там мы не ехали, с диким животным на заднем сидении.

— Он не дикий, — возражаю я.

— Он там еще не нагадил мне на футболку? — спрашивает Майлс, морща нос и всем видом показывая, что не очень-то и хочет узнать ответ.

— Птицы не гадят под себя. Они бы не сидели на своем помете. И, если ты не заметил, а ты, конечно же, не заметил, ты... — я подбираю подходящее оскорбление, — городская цаца, все птицы — чистюли!

Не знаю, почему взялась так рьяно заступаться за По, но я просто не могу не поправить Майлса в его вопиющем заблуждении.

— Во-вторых, — продолжает Майлс, игнорируя мой довод, — не так давно ты подтвердила мое устоявшееся убеждение, что птицы не разговаривают. Теперь же утверждаешь, что По, — он делает паузу, — не могу поверить, что назвал его так...эта птица что-то тебе сказала.

— Мне не следовало говорить "рассказал". Правильнее будет, "показал".

— А в этом есть большая разница?

Некоторое время я просто сижу и дуюсь на Майлса за его сарказм, жалея, что прислушалась к совету Фрэнки и рассказала ему правду. Но затем он спрашивает:

— И в-третьих, кто такой Уит?

Я должна ему рассказать. «Оракулы никогда не ошибаются — ошибочными могут быть только наши толкования их пророчеств» — вспоминаю я наставления Уита.

— Уиттиер Грейвз — мой наставник. Я знаю, что он преследует меня вместе с теми бандитами, или кто там они, потому что он прислал мне записку, привязанную к лапке По, и я... — как же это объяснить? — подключилась к памяти По, чтобы увидеть все, что видел он. Тем не менее, мы не в Нарнии. Животные не разговаривают. По, уютившись на заднем сидении, не слушает наши разговоры и не обдумывает их в своем маленьком вороньем мозгу. Но все-таки, если он вернется к Уиту, что возможно, если тот его призовет, Уит может, так

же как и я, увидеть, где мы.

Минуты три Майлс со сжатыми губами молчит, нервно вцепившись в руль.

— Хорошо, кое-что из того, что ты сказала, я понял, — наконец говорит он, — и то, что птица остается с нами, тревожит меня меньше всего.

— Только пока мы не оторвемся от Уита, — успокаиваю я его.

— Не то чтобы это меня совсем не тревожило, — исправляется Майлс, — просто тревожит меньше остального. Потому что следующим пунктом в моем списке оснований для беспокойства является твоё заявление, что этот парень Уит, который когда-то был твоим наставником, а сейчас преследует тебя, может отследить птицу.

Я киваю. — Да.

— Хорошо, — продолжает Майлс. — Так значит, ворон вроде как почтовый голубь? Все же, я думаю, что это натасканный Уитом посыльный, а не первая попавшаяся в лесу птица.

— Вообще-то, Уит...

Майлс поднимает руку, перебивая меня.

— Но самое тревожное то, что ты говоришь, будто подключилась к памяти птицы, чтобы чего-то там увидеть. Так вот, я вырос не в кочевой общине среди лесной глуши Аляски. И большинству моих знакомых крайне тяжело было бы поверить, что ты не...ну не знаю... не рехнулась.

Он крутит указательным пальцем у виска, широко открыв глаза. Думаю, я доигралась. Он напуган.

— Или под кайфом, — продолжает он, — нет, постой, имеется еще одна теория. В этой вашей хипповской секте тебе промыли мозги и убедили, что ты обладаешь магическими способностями. И ты возомнила себя не то Суперсильным-Дитём-Цветов, не то Гарри Поттером, не знаю.

Я не понимаю, о ком он говорит, но сарказм улавливаю. Этому мальчишке не удастся меня задеть. Какое мне дело до того, что он думает?

— Значит я либо не в своем уме, либо наркоманка, либо сектантка? — спрашиваю я, в то время как мы въезжаем на гору и видим ярко освещенный город, раскинувшийся звездным одеялом внизу в просторной долине, — что ж, можешь высадить меня прямо здесь, в Якиме.

Это немного сбило с Майлса спесь. И мы подъезжаем к центру города без единого слова. Очевидно, я донесла свою мысль. Напомнила, что нужна ему точно так же, как и он нужен мне, как и сказал Сумасшедший Фрэнки. Но я все еще понятия не имею зачем?

МАЙЛС

Мне следует добраться до телефона и позвонить отцу, нужно сбить ее с рук. Я теряю контроль над ситуацией, и не знаю, сколько еще так протяну. Одно дело играть роль шофера для слегка чокнутой девчонки, вообразившей, что за ней гонятся какие-то опасные дяденьки, и совсем другое дело, когда оказывается, что ее и правда преследуют серьезно настроенные ребята, а заодно и меня, так сказать за компанию.

Но отделаться от нее не удастся. То она заставила меня подъехать к женщине с коляской, чтобы спросить, где находится ближайший супермаркет. (Она сказала "магазин с едой", но это не принципиально). А когда мы вошли в "Уол-март", не отпускала меня ни на шаг, пока не нагребла полную тележку продуктов: тушенку, бобы, овощи, литры воды, по пакету картошки и яблок и, да, небольшой мешочек птичьего корма.

Джуно набросилась на фонарики, взяла аж три больших и гору батареек.

— Я видела батарейки в Сиэтле, — прошептала она, как будто это государственная тайна. Интересно, что бы подумали в лагере хиппи о пачке "Дюрасел" размера D.

Судя по объемам закупки, готовилась она не иначе как к месячному туру по выживанию в дикой местности. Но это были только цветочки. Ягодки пошли, когда мы попали в отдел со всякими вкусными гадостями.

Тут Джуно превратилась из мамашки среднего возраста в восьмилетнюю девочку с явным дефицитом сахара в организме, забивающей свободное пространство в тележке печеньем, сладкими хлопьями и сырными палочками. Но настоящий набег был совершен на шоколадный отдел. Похоже, хиппи не выращивали на своей Аляске какао-бобы — мне еще не доводилось видеть человека, с таким азартом сметающего с полок гору шоколадных плиток, причем безо всякого разбора.

На кассе Джуно достает из сумки кожаный мешок с деньгами. Серьезно, кожаный мешок, перевязанный веревкой. Как у Гризли Адамса*, только с кучей бабла. Внушительной такой пачкой деньжищ.

(*Джеймс «Гризли» Адамс — персонаж ряда американских телевизионных сериалов и кинофильмов («Жизнь и времена Гризли Адамса», «Легенда Гризли Адамса», «Поимка Гризли Адамса» и т. д.), живущий в лесной глуши защитник природы и справедливости. Прим. редактора.)

Она вынимает их и принимается неспеша пересчитывать на глазах у кассирши. Переворачивая каждую купюру по несколько раз, рассматривает их, словно это японские иены.

Кассирша поглядывает на деньги с опаской, как будто Джуно какая-нибудь малолетняя фальшивомонетчица, а затем смотрит ей в лицо и от вида жутких контактных линз глаза у нее становятся навывкат. В результате, я хватаю наличку, отваливаю нужную сумму, а остальное запикиваю обратно в мешок и выталкиваю Джуно из магазина.

— Ты чего творишь? — шикаю я на нее, как только мы оказываемся снаружи. — Ты так переполошила ту тетку, что она запросто могла позвать менеджера.

— Это ты о чем? — изумляется она с невинностью трехлетнего ребенка.

— Светишь повсюду такими деньжищами. Где ты их вообще достала?

— Не твое дело, — сказала она нахмурившись.

— Ты можешь хотя бы попытаться вести себя нормально?

— И что, по-твоему, является "нормальным"? — язвит она в ответ.

С языка так и хочет сорваться: "Ну, хотя бы, не вываливать посреди "Уол-марта" на всеобщее обозрение баксы из кожаного мешка и не таращиться потом своими уродскими линзами на каждую купюру, будто надеясь, чтобы с них краска не слезла", но я останавливаюсь на ответе: "Ничего", и направляюсь к машине. Я загружаю пакеты в багажник и отвожу тележку на место, а когда возвращаюсь, ворон ест корм прямо с рук Джуну, будто они с пеленок лучшие друзья.

Я собираюсь завести машину, но останавливаюсь.

— Тебе нужно снять эти дурацкие контактные линзы. И не только потому, что ты ими пугаешь кассирш. Женщина из закуской упомянула, что твой наставник со своими головорезами использует их, как примету в охоте на тебя.

Она сидит с видом, словно не понимает, о чем идет речь. Затем подносит палец к правому глазу:

— Ты имеешь в виду мою звездочку?

— Если ты это так называешь, то да.

— Я не могу их снять, — просто отвечает она.

— Что ты имеешь в виду?

Пустой взгляд.

— Ты хочешь сказать, что золотистая радужка в форме звезды у тебя...от природы? — я и не думал приуменьшать сарказм в голосе.

— Вообще-то, да, — отвечает она. — У всех детей в моей общине такие глаза. Это оттого, что мы находимся в тесной связи с Йарой.

Я киваю, не желая поддаваться соблазну, хотя меня так и подмывает спросить, о чем вообще, черт возьми, она говорит?

— Короче, ты не можешь от них избавиться?

Она качает головой, солнце золотистыми бликами отражается в ее необычном глазу, и на секунду мне приходит в голову, что на самом деле, он выглядит не так уж и странно, если привыкнуть, возможно, потому, что второй глаз приятного медового оттенка и не кажется слишком броским.

— А моргнуть ты этим глазом можешь? — спрашиваю я. Она моргает.

— А как насчет вообще не открывать его на людях? — подначиваю я. Она смотрит на меня холодно, потом прищуривается и будто замыкается в себе, как и каждый раз, когда сердится на меня. А случается такое все чаще и чаще с появлением ворона и с тех самых пор, как она поняла, что ее наставник на Темной Стороне Силы. Словно это я виноват в том, что она ему доверяла.

— А нам обязательно сейчас тратить время на обсуждение моего глаза, или, может, наконец, поедем? — сухо произносит она.

Я пытаюсь говорить в ее манере:

— Учитывая тот факт, что за нами гонятся опасный, гипнотизирующий птиц хиппи и двое головорезов, я не против отложить обсуждение твоего глаза на потом. — Повернув ключ в замке зажигания, я выезжаю с парковки и следую по указателям к 47-му шоссе.

Пока мы не покинули город, меня осеняет идея, и я останавливаюсь напротив аптеки. — Сиди здесь, — приказываю я и как можно быстрее выскакиваю из машины, не

давая ей ни единого шанса меня остановить. Двумя минутами позже я возвращаюсь в машину, как ни в чем не бывало. Джуно сидит на своем месте и сверлит меня вопросительным взглядом, пока я выезжаю на дорогу и веду машину к окраине города. Я не отвечаю на ее взгляд и мы едем молча. Так мы и покидаем пределы города и движемся через бескрайнее море желтых цветов к низким багровым горам на горизонте.

Джуно не находит себе места, и чем дальше она борется с желанием спросить, что же я купил, тем больше у меня поднимается настроение. Она так достала меня за последние восемнадцать часов, что мне вроде как в кайф, наконец, и ей подействовать на нервы. Я смотрю на часы. Уже почти час прошел в полной тишине. И я готов кусать локти, потому что, будучи в аптеке, не додумался попросить воспользоваться телефоном. Но мысли о шайке, преследующей нас, вытеснили из головы почти все остальное, включая и саму цель этой поездки. К тому же, наблюдать за Джуно, сидящей как на иголках, так забавно, что я не прочь немного отложить звонок отцу.

В конце концов, я тянусь к панели включить радио и не успеваю нажать на кнопку, как она, наконец, выпаливает: — Что ты там купил?

— Что ж, Джуно, я рад, что ты спросила, — копирую я тон отца. Я поднимаю с пола перед своим сиденьем небольшой пластиковый пакет и передаю ей. Она открывает его и вытаскивает пару солнцезащитных очков. Какое-то мгновение она смотрит на них с непониманием, но затем широко улыбается.

— Они помогут тебе выглядеть обычным человеком, — поясняю я.

— Большое спасибо, — отвечает она и на ее губах проскальзывает довольная улыбка.

— Без проблем, — ухмыляюсь я. — Но для начала тебе не мешало бы снять с них ярлык, — я протягиваю руку к очкам и случайно соприкасаюсь с ее рукой. В этот момент между нами словно проскакивает искра электричества. Джуно с удивлением смотрит на меня. Я отдергиваю руку и судорожно вцепляюсь в руль, изображая сосредоточенность на дороге, вместе с этим стараясь не замечать покалывания в моих пальцах.

ДЖУНО

Когда мы пересекаем дорогу из Вашингтона в Орегон, По на заднем сидении начинает вертеться. Он похлопывает крыльями, а затем и вовсе впадает в панику, начинает биться в окно, рвать на себе перья и истошно кричать, будто его душат.

Майлс, закрывая руками лицо, отпускает руль, и машину резко разворачивает. В нескольких дюймах от моего окна проносятся огромные колеса проезжающего мимо грузовика, и я кричу: — Майлс! Грузовик!

Он, чертыхаясь, выкручивает руль и уворачивается от оглушительно сигналившего грузовика.

— Позади кто-нибудь есть? — орет Майлс.

— Нет, — кричу я в ответ.

Майлс съезживается, уклоняясь от ударов крыльями, и выруливает на обочину. Я перелезаю на заднее сидение к По, не без усилия, хватаю его, складываю крылья и изо всех сил прижимаю к груди. Его сердце бешено колотится под моими пальцами. Я пытаюсь его успокоить, закрыв глаза и замедлив собственное сердцебиение, но безуспешно. Не в силах больше барахтаться, он закатывает глаза.

Что-то заставляет его вырваться из машины. Я пытаюсь сконцентрироваться и соединиться с Йарой, но тщетно. Я мысленно прошу: «Пожалуйста», вынимаю из-под рубашки опал, и тесно прижимаю его к птице. Ничего. Через минуту По опять начинает вырваться и тут... это происходит, на губах и пальцах чувствуется покалывание, и связь устанавливается.

— Спасибо, — шепчу я, в то время как все мое сознание наполняется эмоциями По. Страхом. Одержимостью. Через секунду я вспоминаю уроки отца Кеная о дикой природе, и понимаю, что это за чувство. Вороны обладают способностью запоминать места, где прячут еду. И у По возникло всепоглощающее ощущение, что его запасы нашла другая птица. Так отчаянно он рвался лететь на их защиту.

Я могу только догадываться, кто морочит его маленькую птичью голову, и стараюсь нарисовать в воображении место, куда стремится улететь По. Я вижу ту самую поляну, откуда Уит выпускал ворона с запиской для меня. Видимо, он потерял след и вернулся, чтобы дожидаться птицу и составить четкое представление о том, где я нахожусь. В груди разгорается пламя злости.

Я все еще не могу понять действия Уита. И все же, из всей общины только я до сих пор на свободе, а он хочет помочь этим мерзавцам и меня поймать. «Только через мой труп», — думаю я. Вопрос в том, дойдет ли до этого, если я буду сопротивляться. Только я вот не собираюсь это проверять и не дам Уиту ни единого шанса меня найти.

По чувствует мой гнев и наша хрупкая связь обрывается. Он машет крыльями, вырываясь из моей хватки, а я вытягиваю из-под него футболку и пеленаю его ей, как матери нашей общины пеленали своих вертящихся малышей. Не в силах больше пошевелиться, он, наконец, сдается. Разок вздрагивает, закрывает свои дикие глаза и, кажется, засыпает. Я перекладываю его на пол и сооружаю вокруг что-то наподобие гнезда из оставшегося грязного белья.

Майлс, сжав губы, смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Я перелезаю на переднее сидение и пристегиваюсь.

— Он в порядке, — говорю я, но вместо того, чтобы ехать, он глушит мотор.

— Почему у птицы случился приступ паники? — он немного повышает голос.

— Уит пытался заставить его вернуться и рассказать где мы, — говорю я, но, заметив, как подергивается его правая бровь, исправляюсь, — то есть, Уит собирался считать его воспоминания, чтобы увидеть, куда мы направились.

Майлс кивает, но бровь все еще подергивается.

— Значит, ты сделала из моей футболки смирительную рубашку.

— Это называется пеленать, — говорю я, — я спеленала его, чтобы успокоить.

— Потому что так делают приближенные к Йаре, — Майлс заканчивает фразу зловещим голосом, изгибая губы в язвительной улыбке, и у меня возникает непреодолимое желание чем-нибудь его треснуть.

— Нет, так делают, когда дети ведут себя беспокойно. Поу нас ворон, так что я просто распространила данный метод на другой вид. И это сработало. А ты бы что сделал?

— Опустил бы стекло, — говорит Майлс, — и выпустил бы ворона, пока он окончательно не изгадил мне заднее сидение.

Он указывает на пару белых пятен на обшивке и выглядит при этом слегка расстроенным.

Я закатываю глаза и вытягиваю атлас.

— Нужно съехать с главной дороги. Когда Уит поймет, что По не вернется, он пустится за нами в погоню. И если мы двигались в правильном направлении — навстречу моей общине — то это один из очевидных маршрутов.

Я провожу пальцем по карте и нахожу развилку, где от автомагистрали ответвляются две небольшие дороги, одна из которых ведет вдоль озера и снова соединяется с крупной дорогой вблизи штата Айдахо.

В поле зрения появляется дорожный знак, и я, сверившись с картой, рассчитываю расстояние до поворота.

— Проедем еще шестьдесят миль и съезжаем с дороги, — говорю я и жду.

Майлс, вздыхая, заводит машину. Придется рассказать ему еще больше. Нужно, чтобы он понял, что происходит, а иначе... «А иначе что?» — звучит голос в голове. Он может оставить меня одну. А он мне по-прежнему нужен, — думаю я, проклиная то обстоятельство, что по какой-то причине для спасения своей общины мне необходима помощь этого мальчишки.

МАЙЛС

— А ну отдай мои часы, зараза ты пернатая! — я гоняюсь за вороном по лесной поляне, черт знает где посреди Орегона, в то время как бывшая приспешница культа промытых мозгов, сидит и медитирует у костра. Похоже, сумасшествие заразно, потому что, наконец, оно и до меня добралось. Вот и приехали.

— Они блестят, — подает голос Джуно, выходя из своего транса. — Вороны любят блестящие вещи.

— Зачем ты вообще его выпустила из машины, если он может улететь обратно к Уиту?

— Уит им уже не управляет. Он оставил попытки до него добраться, поэтому сейчас он неопасен.

Я прекращаю гоняться за вороном и в упор подхожу к Джуно. — Куда. Мы. Направляемся, — цежу я, сжав зубы так плотно, что аж говорить неудобно.

— Как я уже сказала, я пытаюсь это выяснить, — невозмутимо отвечает она.

Я сверлю ее взглядом:

— Три дня, Джуно. Это сумасшедшее путешествие длится уже третий день. И если ты сейчас же не скажешь, куда мы едем, я сваливаю. Уезжаю. Я оставлю вас с вороном здесь, а сам вернусь в Калифорнию, и тебе придется искать другого водителя. Который не противизодня в день спать на земле, и есть невинных диких животных с подачи душевнобольной хиппи.

— Невинных диких животных? — растерянно повторяет Джуно.

— Вчера мы ужинали жареной ящерицей. Которая, вместе с кроликом, съеденным в горах, составляет уже двух ни в чем неповинных диких зверушек, которых мне пришлось схомячить за последние 24 часа. Кто следующий? Бэмби? Почему бы нам не съесть кого-нибудь далеко не невинного и жутко раздражающего? Если что, я за пернатую кошелку.

— Если не хочешь, чтобы По таскал твои вещи — не нужно оставлять их где попало, — вступается она за ворона.

— Да не оставлял я их! Они лежали в сумке! — рычу я и поворачиваюсь к своей сумке, лежащей рядом с палаткой, ее содержимое валяется вокруг на земле.

— Я тебя прибью! — замахиваюсь я в сторону птицы, которая тут же хлопает крыльями и забирается на ветку повыше, чтобы я не достал.

— В таком случае, уезжай. Вперед! — восклицает Джуно. Она разворачивается и уходит с лагерной стоянки, разбитой на лужайке, на каменистый берег озера. Усевшись на плоский валун и подтянув колени к подбородку, она смотрит на воду. Я делаю глубокий вдох, и гнев стихает, особенно, когда я вспоминаю, какой она была прошлой ночью в палатке.

Джуно выглядела на свой возраст — такое редкое явление. Она казалась беззащитной, даже несмотря на то, что всю ночь ее рука покоилась всего в паре дюймов от заряженного арбалета. И еще она была какой-то расстроенной.

Она снова говорила во сне, но в этот раз, кажется, речь шла обо мне. «Я знаю. Я не могу ему доверять» — повторяла она несколько раз. А затем прошептала, — «Но кто еще у меня остался?»

И тогда я впервые почувствовал угрызения совести из-за того, что делаю. Ведь теперь,

когда очевидно, что уговорить Джуно поехать со мной в Калифорнию не удастся, мне остается только караулить ее, пока не свяжусь с отцом. И я решил, что не буду больше сопровождать ее в этой безумной миссии и, как только мы доберемся до города, тут же позвоню отцу.

Но она верит, что я собираюсь ей помочь. Она верит, что ее семья была похищена и наши поиски посвящены их спасению. Она верит, что у нее есть какие-то сверхспособности.

Согласен, у нее не все дома, но это не дает мне права водить ее за нос и притворяться другом, тогда как сам я собираюсь тупо передать ее отцу. Хотя я, вроде, и не притворялся особо. Чтобы в данной ситуации сохранить моральный облик, мне просто нужно избегать любых дружеских проявлений. Она в курсе, что я помогаю ей не просто так — сама говорила. Так что в моем поведении нет ничего плохого, если, конечно, я не буду врать. Или жульничать. Все довольны, всем весело.

Но касаемоображаемых суперспособностей: весь сегодняшний день она чудила, как могла. Беседовала с птицей. Прижимала ожерелье к земле и разговаривала с ней. Прыгала по камням и смотрела на волны, не переставая шевелить губами. После каждой такой попытки она огорченно ворчала сквозь зубы, но опять принималась за свое.

Она даже не пыталась приготовить сегодня что-нибудь на обед, так что мне пришлось самому разогревать тушенку с бобами, которая оказалась не настолько плоха, как я ожидал. Я и ей оставил поесть, но она скормила все ворону. А сейчас уже почти вечер и, похоже, ужину тоже не суждено случиться, если я чего-нибудь не предприму по этому поводу.

Какое-то время я выжидаю, надеясь, что она сама внезапно вспомнит о вечерней трапезе и быстренько сообразит что-нибудь из купленных припасов. Я усиленно сосредоточиваюсь. Ужин, Джуно. Вспомни об ужине. Черт, если она может прочесть вороньи мозги, то и мои, наверное, тоже.

Конечно же, это не срабатывает. Я перехожу к прямому подходу — спускаюсь вниз к берегу и сажусь рядом с ней на скалу. Она не шевелится, просто продолжает сидеть, положив голову на колени, и смотрит куда-то на воду.

— Ты в порядке? — спрашиваю я спустя минуту-другую.

— Нет, — отвечает она.

— Это из-за того что, я назвал тебя душевнобольной хиппи?

Она устраивает подбородок на коленях и мотает головой, мол, нет.

— Для меня это не новость. Мы уже установили, что ты считаешь меня неуравновешенной. Что, в твоем случае, я рассматриваю как комплимент.

Уголок ее губ едва приподнимается. И есть в ней что-то такое, от чего мое сердце начинает биться быстрее. Да что же это со мной? Не, ну я по-любому подхватил от нее шизу.

Она вздыхает и снова становится серьезной.

— Я останусь здесь, пока не получу знак, куда мне дальше идти. Но я же не удерживаю тебя в плену. Ты можешь уйти в любой момент.

— Несмотря на мои угрозы, я бы не оставил тебя одну посреди дремучего леса, — возражаю я.

— Ведь мне бы не удалось выбраться отсюда живой без твоих уникальных навыков выживания, — добавляет она, стараясь не рассмеяться. — Хорошо. Спасибо за признание, что не оставишь меня в беде. Но ты мог бы высадить меня в следующем городе, — продолжает она.

Я молчу.

— Фрэнки был прав. Я тебе нужна, не так ли? — спрашивает Джуно. Я чувствую себя загнанным в угол и пожимаю плечами. Она не пытается давить на меня и снова смотрит на воду.

— Если тебе так не нравятся ящерицы, отчего тогда ты слопал их целых три штуки? — бормочет она, и я не могу удержаться от смеха. Она одаривает меня слабой улыбкой, но затем вздыхает и на ее лице отражается усталость.

— Ты так и не поела, — говорю я. — И хотя ты едва ли перекинулась со мной парой словечек за целый день, я не мог не заметить твоих продолжительных бесед с неодушевленными предметами всех видов. А когда они тебе так и не отвечают, у тебя такой вид, словно ты хочешь их разнести в пух и прах.

— Звучит по-идиотски, верно? — спрашивает она.

Я киваю.

— Звучит по-идиотски... и выглядит тоже. Почему бы тебе просто не смириться с поставленным тобой же диагнозом «душевнобольная» и оставить меня в покое?

— Потому что видок у тебя на редкость кислый. А друзья не позволяют друзьям раскисать. — Я сказал так, зная, что она не ответит. Она никогда не отвечает.

— Значит, ты мой друг? — спрашивает она недоверчиво.

Вот блин. И кто меня за язык тянул? Я пожимаю плечами и разглядываю воду.

— Ну, я бы не сказал, что прямо лучший друг и все такое, но на деле не так уж и сильно меня бесят твои причуды. Особенно прямо сейчас.

Она почти улыбается. И сердце — опять за свое — крутит сальто в груди. «Нет, Майлс. Только не это», — призываю я сам себя.

Она заводит разговор:

— Расскажи мне о себе. Не обязательно что-то важное.

Я наклоняюсь и подбираю с земли камешек. Верчу его в руках, чувствую его гладкость, вращаю в голубоватом полуночном воздухе, наблюдая, как он переливается. И затем бросаю как можно дальше в воду, а, дождавшись всплеска, поворачиваюсь к ней и говорю:

— Меня исключили из школы за несколько месяцев до выпуска.

— За что?

— За списывание на тесте, — признаюсь я, — помимо всего прочего.

— За что еще?

— За протаскивание в школу алкоголя и травки.

— Травки?

— Наркотиков.

— О. — Она колеблется секунду, но затем спрашивает:

— Так зачем ты списывал? Разве ты не учил?

— В том-то и дело. Мне не было необходимости списывать. Я выучил, и я знал все ответы. Не знаю, зачем я это сделал.

Я пытаюсь вспомнить и не могу. Да это и не важно. Такая ерунда, я проделывал это миллион раз.

— Наверное, просто чтобы проверить, сойдет ли мне это с рук. Ради острых ощущений.

— И ты еще меня считаешь странной? — удивляется Джуно. Я пожимаю плечами и подбираю еще один камешек.

Джуно опять проводит рукой по своим торчащим волосам. Затем делает долгий выдох и при этом становится похожей на сдувающийся шарик.

— Наверное, не важно, что я скажу, ты все равно не согласишься, — она ерзает и поворачивается ко мне лицом, — в 1984, в начале Третьей Мировой Войны, мои родители с несколькими друзьями покинули Америку и поселились в глуши Аляски.

— Третьей мировой не было, — замечаю я.

И тут же встречаюсь с ее недовольным взглядом.

— Так ты будешь слушать или нет?

Я поудобнее облакачиваюсь на камень и готовлюсь слушать.

ДЖУНО

В конце моего рассказа Майлс совершенно ошеломлен. Рот раскрыт, приподнятые брови застыли в немом вопросе. Наконец, он снова обретает дар речи и спрашивает:

— А сейчас?

— А сейчас что-то происходит с моими способностями. Со вчерашнего дня, я едва могу читать. И уж точно не могу колдовать. Я даже с По ничего не могу поделывать, хотя между нами уже была установлена связь.

— А мне покажешь эти свои подручные средства? — спрашивает он, и я осознаю, что пока говорила, он отбросил все свои насмешливо-скептические замашки и был искренним. Может, он и не верит всему, что я говорю, зато не сомневается, что я говорю только то, во что верю сама.

Уит научил меня читать язык тела — распознавать, как люди непроизвольно выражают свои чувства и мысли через жесты и выражение лица. Впервые Майлс сдал свою оборонную позицию и сделал первый шаг к тому, чтобы мне поверить.

И я, отвечая взаимностью, демонстрирую ему содержимое своего рюкзака. Он наблюдает, как я вытягиваю порошок слюды, камни, травы, мех и кости животных и расспрашивает, что для чего используется. Странно, но у меня такое чувство, будто, показывая ему все это, я предаю свой народ...раскрываю их тайну. И я, на всякий случай, даю нарочно туманные объяснения.

И не достаю драгоценные камни и золотые слитки. Уит настойчиво рекомендовал всегда прятать их от посторонних глаз. И, несмотря на то, что он предатель, совет его вполне уместен. Фрэнки предупреждал, что Майлсу не стоит доверять. Не хватало еще, чтобы мальчик из большого города удрал с машиной, деньгами и золотом, а я окончательно осталась ни с чем.

Я смотрю, как он изучает мешочек с толченым корнем боярышника, нюхает его и морщит нос.

— Ты таскаешь за собой уйму...вещей, — говорит, наконец, Майлс.

— Знаю, — отвечаю я, — Уит использовал все это для разных целей. А мне, в принципе, большая часть без надобности. Я применяю опал для всего, кроме Чтения огня. Но когда Уит рядом, пускаю в ход и остальное, чтобы его порадовать.

— С чего бы ему от этого радоваться? — спрашивает Майлс.

Мне неловко говорить об этом.

— Я читаю лучше Уита. Он обучил меня всему, что знал о Чтении, а Колдовство я постигаю своими силами. Именно он обнаружил связь человека с Йарой и старался открыть разные способы соединения для разных ситуаций. Но у меня складывается впечатление, что он ошибается, и эти фетиши только все усложняют, хотя я бы никогда не посмела признаться в этом.

Я верчу в руках кроличью лапку и касаюсь пушистым талисманом своей щеки.

— Значит, Уит все это замутил? — спрашивает он.

— Да, хотя многое он почерпнул из обрядов различных мировых культур, особенно восточных, таких как буддизм и индуизм, что были особо популярными в Америке в

шестидесятых. Я читала, что католики, чтобы сосредоточиться, используют четки или иконы, а буддисты — шарики молитве*, мандалы*, или свечи. Мне кажется, эти предметы, — я киваю на свою кучу, — для Уита выполняют то же назначение. Вот только, я начала подозревать, что сами по себе они не слишком значимы. Кажется, решающую роль играют намерения и сила воли человека.

(*[Буддийские шарики молитве](#) — традиционный инструмент молитвы используемый в различных формах. Они подобны другим [шарики молитве](#), используемым в различных вероисповеданиях мира; этот инструмент известен так же, как буддийские четки. Состоит из определенного количества бусин-шариков, обычно из стекла, собранных на нить.

* Мánдала — сакральное схематическое изображение либо конструкция, используемая в [буддийских](#) и [индуистских](#) религиозных практиках. Прим. Редактора)

— Тогда почему ты продолжаешь использовать порошок слюды и свой опал?

— То, что у меня есть собственная теория, еще не значит, что я буду ее проверять, — говорю я, — это только размышления. Тем более, моя связь с Йарой с каждым днем слабеет. И я не рискнула бы в данный момент менять правила.

Вдруг я осознаю, что во время всего разговора гладила опал и прижимала его к груди, чтобы убедиться, что он на месте — связующее звено с коллективным подсознанием сверхорганизма. С Йарой.

Я чувствую, что пора уже сменить тему разговора, лезу в рюкзак и достаю книгу по движению Гейи. Перелистываю в конец, вынимаю фото, которое ношу при себе с того дня, как покинула Денали, и протягиваю Майлсу со словами:

— Это — мои родители.

— Старая фотка? — спрашивает он, приглядываясь.

— Меня еще и на свете не было, — подтверждаю я.

Пока Майлс разглядывает фотографию, я замечаю, что он несколько изменился. В нем появилась мягкость, которой раньше не было. И я понимаю, что все потому, что он полностью расслабился. Выглядит он по-настоящему милым.

И снова я позволяю себе посмотреть на него глазами Ном. «Заценить», — как сказала бы она. — Он красив утонченной, холеной красотой, а не той приземленной, грубоватой, как Кинай. Черты его лица — скулы, подбородок, орлиный нос — четкие и гладкие, будто вылеплены скульптором из глины.

Он смотрит то на меня, то на фотографию, сравнивая мое лицо с лицами родителей. И пока его озерно-зеленые глаза скользят по моим чертам, что-то внутри меня переворачивается. Это волнующее чувство появлялось у меня и раньше, когда утром я выходила из юрты и наблюдала красоту горы Денали, возвышающейся над нашим поселением. И не смотря на то, что я выросла там и видела ее каждый день, меня всегда покоряло ее великолепие.

Я думаю, это оно. Это знакомое волнение внутри. Майлс прекрасен. Неосознанно я прижимаю ладонь к груди, так же как я делала это каждое утро, не давая чувствам выплеснуться.

Предводитель обязан быть сильным. Чувства не должны влиять на поступки — напомнила я себе. Вскоре я должна стать Мудрецом общины. У меня были обязательства. У меня есть обязательства.

Это осознание выводит меня из задумчивости. Моя цель — найти и спасти моих людей. Я встаю, не могу позволить себе отвлекаться от важнейших вещей в моей жизни.

Безопасность моей общины зависит от того, что я делаю, чтобы найти их. А не от траты времени на разговоры с парнем, которого, как он и сам признает, выгнали из школы по глупости.

Майлс воспринимает то, что я встала, как сигнал к завершению сеанса "скажи-покажи" и тоже поднимается на ноги. Он возвращает мне фотографию и говорит:

— Ты похожа на свою маму.

— Спасибо. Все говорят, что мы бы выглядели с ней как близнецы, если бы она не умерла, когда мне было пять, — спокойно отвечаю я, вкладывая фото в книгу.

Майлс колеблется, а затем говорит:

— Сожалею.

— Это было давно. И я ее практически не помню. Меня вырастили папа и община. И с того времени, как мама умерла, Уит был моим наставником.

— И как, интересно, твой папа выглядит сейчас, в свои пятьдесят?

Я смеюсь.

— Ему пятьдесят восемь. И он выглядит точь-в-точь как на фотографии.

— За исключением, наверное, седых волос и морщин, — добавляет Майлс.

— Нет. Мой отец близок с Йарой. Он не постарел ни на день с того времени, как был сделан этот снимок, — настаиваю я.

Майлс прищуривается.

— Ну да, конечно, — проговаривает он сквозь зубы. И мгновенно между нами вновь возносится стена. Он не поверил ни единому моему слову. Я рада, что не вдавалась в подробности о Йаре и не открылась ему.

— Мы вообще собираемся сегодня ужинать? — спрашивает он, хотя очевидно, что он имеет в виду «когда ты уже что-нибудь мне приготовишь?».

— У меня нет аппетита, — говорю и понимаю, что умираю с голоду. — Если хочешь есть, приготовь сам. По крайней мере, это гарантирует, что тебе не придется, есть ящерицу. — Мимо воли в моем голосе прозвучит холод.

Он кисло качает головой, будто жалея, что слушал меня последние полчаса. Ворча, он направляется к машине искать еду в багажнике.

И не важно, что он думает, будто я лгу. Я знаю, что это правда. Гуляя по Сиэтлу я видела больных стариков, это заставило меня задуматься. Кажется, что моя жизнь на Аляске была утопией. После того, как Обряд единения с Йарой завершен, никто не стареет. Никто не умирает, разве что в результате несчастного случая, как моя мама или старец, на которого напал медведь. Здесь, во внешнем мире, все оторваны от Йары. Они могут стареть, болеть и умирать. А что, если наша особенная связь с Йарой и стала причиной исчезновения моей общины? Что, если кто-то хочет ей завладеть? Но как они вообще о нас узнали? Мы скрывались десятилетиями.

Я думаю, это Уит. Все сводится к нему. Все еще сложно поверить, что он спланировал похищение моей общины. Но может быть, он рассказал о нас, когда был во внешнем мире. Может он невольно предал нас.

МАЙЛС

— Так расскажи, когда в последний раз тебе удалось удачно Прочитать или Поколдовать или что ты там обычно делаешь? Я беру кусочек хрустящей картошки, которую я сам — да я, Майлс Блэквел собственной персоной, — завернул в фольгу и приготовил на костре. И вообще, весь сегодняшний ужин готовил я.

Ну, хорошо, первая банка с тушенкой все-таки взорвалась. Откуда мне было знать, что ее нельзя разогревать прямо в банке? К счастью, у нас была еще парочка про запас, так что уже их я открыл и подогрел на сковороде.

— А разве это важно? — спрашивает Джуно, дуя на кусочек говядины, наколотый на вилку. — Ты все равно ни слову не поверишь.

— Так и есть, — отвечаю я, поднимая ложку, чтобы подчеркнуть сказанное, — как бы там ни было, в дискуссионном клубе мне частенько выпадало выступать «адвокатом дьявола», так что я готов отбросить недоверие, если это, во-первых, поможет тебе избавиться от похоронного настроения, и во-вторых, позволит нам свалить подальше от этого жуткого водоема. Он начинает напоминать мне озеро, возле которого обитал Джейсон из «Пятницы тринадцатого».

Я выглядываю из-за костра, вижу на лице Джуно знакомое выражение непонимания и ворчу:

— И зачем я вообще мучаюсь с культурными отсылками?

— Не знаю даже, зачем это тебе? — говорит она. А затем добавляет:

— Я Читала эмоции По вчера в машине.

— Это был последний раз, когда тебе удалось Чтение? — уточняю я, стараясь поддержать разговор.

— Да, хоть и на установление связи ушло много времени, — утверждает она. — Я привыкла делать это мгновенно.

— А когда в последний раз это было мгновенно? — спрашиваю я.

— Когда Читала огонь на горе Рейньер.

— Ладно, — говорю я. — И что же изменилось?

Она безучастно смотрит на меня и качает головой. Я думаю.

— Что на счет Уита? — спрашиваю я. — Когда птица не вернулась к нему, мог он заблокировать твою связь с Йарой?

Я изо всех сил пытаюсь не дать ноткам сарказма проявиться в моих словах. Если она подумает, что я смеюсь над ней, сию же минуту закроется в своей раковине и разговор будет окончен. А моя цель смягчить ее, чтобы мы смогли уехать.

Она ставит миску на землю и задумчиво качает головой.

— Это то же самое, что и запретить мне дышать. «Никто не сможет встать между человеком и Йарой, разве что неверие самих людей». Это точные слова Уита, — говорит она.

Я снова чувствую к ней жалость. Она реально верит во всю эту чушь. Меня захлестнуло желание взять ее за руку и сказать, что все хорошо. Ей просто промыли мозги, и чем дальше она от этих фанатиков-хиппи, тем лучше для нее.

— Ну, тогда, возможно, ты сама блокируешь связь? — предполагаю я, немножко гордясь собой, за то, что вошел в суть дела этой сектантской ереси. — Может, теперь, вне влияния Уита и отца, ты начинаешь сомневаться в их учении. Что более чем разумно, учитывая вранье о Третьей Мировой и все такое.

Я лишь пытаюсь извлечь логические выводы из ее абсолютно нелогичных убеждений, но она выглядит так, словно я ее только что ударил.

— Или, может быть, дело вообще не в этом, — я осторожно строю догадки, — может, чем дальше ты от своей земли, тем слабее связь с Йарой?

Закрыв глаза, она мотает головой, мол «да что ты вообще можешь об этом знать?».

— Йара не только на Аляске. Она повсюду.

Джуно встает и, обхватив себя за талию, начинает ходить туда-сюда возле костра.

— Что ты там говорил о сомнениях? — произносит она, наконец. — В этом есть определенный смысл. Проблемы с Чтением начались после того, как я узнала, что Уит сотрудничает с похитителями моей общины. Его откровенная слезка подтвердила мои подозрения...если мне вообще нужны были дополнительные доказательства.

Она трет пальцами лоб:

— Думаю, это определенно можно привязать к тому моменту, когда я окончательно утратила доверие к нему. И да, я также засомневалась в его учении.

Я спрашиваю:

— У вас в общине были детские книжки?

Она смотрит так, словно у меня выросла еще одна голова.

— Клянусь, это имеет отношение к делу, — уверяю я.

— Да, у нас было небольшое собрание книг для детей.

— А книга про Питера Пэна была? — спрашиваю я.

Она кивает и морщит бровь, гадая, к чему я веду.

— То, что ты рассказываешь, похоже на историю Вэнди и ее братьев, которые летали с помощью волшебной пылицы. Они должны были верить, иначе не смогли бы летать.

Джуно кивает, сохраняя обиженное выражение.

— Наверное, ты прав, — признает она. Громко вздыхает, поворачивается в сторону леса и, оглядываясь, говорит, — спасибо за ужин. Мне нужно прогуляться и обдумать это.

Ворон видит, что она уходит, и, вспорхнув, садиться к ней на плечо, как бешеная дрессированная мартышка.

Что касается меня, то я сижу, смотрю на костер и думаю о том, каким приятным человеком она оказалась. И что она начинает по-настоящему мне нравиться. Иначе, почему бы я откладывал звонок отцу всякий раз, когда имел доступ к телефону? Потому, что сейчас мне хорошо. Я получаю удовольствие.

Жаль только, что выросла она в таком бардаке. Сектанткой. Абсолютно зомбированной. Абсолютно одержимой. И мне почти хочется ей помочь. Если бы только делом первой важности не было спасение собственной шкуры, я бы попробовал.

ДЖУНО

С вороном на плече я растерянно вхожу в лес, словно переступаю порог в параллельный мир. Второй раз за месяц. Я теряю веру и таким образом теряю свои способности — видимо это и есть ответ. В таком случае, мне ни за что не найти свою общину, и тем более не спасти ее. Но учитывая вранье, которым меня пичкали, как можно продолжать верить их учению? Как отделить правду от вымысла?

По взлетает и громоздится высоко на дереве, а я устремляюсь напрямиком сквозь заросли огромных кустов остролиста. Они царапают мне руки. Боль от укусов шипов убеждает меня, что я не сплю.

Я дохожу до кромки воды и иду вдоль озера. Мне нужно разобраться, что у меня осталось, если что-то осталось. Я достаю из-за пазухи опал, обвожу вокруг головы и прижимаю к земле.

— Папа, — говорю я и сосредотачиваюсь на Чтении его чувств. Хор сверчков заводит свою ночную песню на дальней стороне озера, густой туман парит в нескольких дюймах от поверхности воды. Я жду. Где-то в озере прыгнула рыба, и подняла брызги от удара о воду. Я жду. Ничего не происходит.

Я снова надеваю шнурок на голову и прячу опал под рубашкой. Потом, сидя на корточках, я кладу ладонь на влажную, холодную землю и пробую опять. Ничего не получается. Ни малейшего покалывания связи.

Небо черное, как смоль, похолодало. Я продолжаю идти вдоль озера, тру руки, пытаюсь согреться, но решаю не возвращаться в лагерь, пока не разберусь с этим.

Сегодня я прошла по всему репертуару моих навыков Чтения. Ни один не сработал, кроме элементарного Чтения брошенного камня, которое, по сути, подтвердило то, что я и так знала: мой отец все еще далеко и Уит пытается добраться до меня.

Если в импровизированной теории Майлса есть хоть доля правды, то это замкнутый круг — чем меньше я верю в Йару, тем меньше она работает. Я не могу просто так выбирать, во что верить.

Да, ты можешь! Убеждаю я себя. Конечно же не все, что мне говорила моя община было неправдой. Я видела, как работает Йара. Я управляла ею сама.

Но я также знаю, что многое из того, чему меня учили, было ложью. Я чувствую, что моя вера едва теплится, как огонек на ветру. Я знаю, что Йара существует, я настаиваю, и представляю, как подношу ладони к пламени, чтобы защитить его.

Я свищу в сторону леса, щелкаю языком и По, слетев с ближайшего дерева, приземляется рядом со мной на гальку пляжа. Подкрадываясь, я глажу его по эбонитовым перьям, формируя в голове образ того, что собираюсь сделать, дотрагиваюсь до опала и пытаюсь установить связь с Йарой.

Я думаю, что верю, и изо всех сил пытаюсь отбросить все сомнения и предательство, как можно дальше. Ничего не происходит. Никакого покалывания.

Я выдыхаю, представляя, как крошечный огонек моей веры разрастается до размеров лесного пожара. И в следующую секунду чувствую в кончиках пальцев легкий зуд. «Да!» — взволнованно думаю я, и стараюсь сосредоточиться.

Глядя на По, я вызываю в сознании образ папы. «По, ты можешь найти для меня отца?» — спрашиваю я мысленно и, представляя пустынную местность, стараюсь передать эту картинку ворону.

Посмотрев на меня, По отходит и принимается безразлично долбить клювом какие-то камни. Хорошо. Попробуем что-нибудь полегче. Я беру опал и еще раз кладу руку на По, только на этот раз представляю себе Майлса и мысленно спрашиваю: «Где он? Отведи меня к Майлсу».

По наклоняет голову в сторону, словно заявляя: «Ты, как и я, прекрасно знаешь где Майлс». И все же, взмахнув крыльями, он улетает по направлению к лагерю. По венам проносится адреналин и я, сорвавшись с места, бегу за ним вдогонку через лес. Когда мы добираемся, он, покружившись над машиной, садится на ее крышу. Затем каркает, и с чувством выполненного долга, принимается клювом чистить крылья.

Запыхавшись, я наклоняюсь, чтобы заглянуть в окно автомобиля. И вижу Майлса мирно спящего на пассажирском сидении с включенным светом и книгой на груди. Не обращая внимания на трепет в груди, я разглядываю его: губы слегка приоткрыты, грудь поднимается и опускается в такт его спокойному дыханию.

Мне нужно сосредоточиться. Колдовство сработало. Мои силы привязаны к вере — хоть это понятно. А нарастающее во мне недоверие относится не к Йаре, а к Уиту и его учению. Я должна вернуться в самое начало и определить, что считать правдой. А пока я не разберусь в своих убеждениях, необходимо собрать все до единой ниточки веры, чтобы и дальше использовать свой дар.

Но что, если все гораздо хуже? Что, если сомнения железным барьером навсегда отделят меня от моих сил? Если есть хоть малейшая вероятность, что это случится, до того времени, мне еще многое предстоит сделать.

МАЙЛС

Я просыпаюсь от того, что в лицо мне дует холодный вечерний ветер. Джуно протягивает руку:

— Если будешь так спать, то потянешь себе шею и не сможешь нормально вести машину. Она тянет меня из авто в палатку, где я неуклюже заваливаюсь на свою половину.

Джуно уходит и возвращается с кружкой дымящейся жидкости.

— Я тебе чай приготовила, чтобы хорошо спалось. — На вкус чай напоминает лакрицу с алтеем*, так что я выпиваю его до дна, прежде чем снова улечься.

(Майлс узнает вкус трав потому, что в США таким чаем традиционно лечат кашель, боль в горле, колики, боли в животе... Всем с детства знаком его вкус, примерно, как у нас знают вкус чая с ромашкой.)

— Прости, если показалось, что я тебе не поверил, — сонно бормочу я. — Просто слишком много информации за один раз. Но я правда не насмеялся над тобой. Я всего лишь стараюсь тебе помочь.

Уголки ее губ приподнимаются, и она выглядит почти смущенной.

— Знаю. Было видно, — говорит она и берет меня за руку.

Я реагирую на соприкосновение нашей кожи. И мгновенно просыпаюсь... бодрим на все сто процентов. Ощущение, будто в груди проносится вихрь из шипов, жалящих изнутри. Звучит будто это болезненно. Но это не так. Это чувство непреодолимой жажды, желание сделать что-то безумное. Побуждающее воплотить в жизнь желания, о которых ты и не подозревал.

Или, может, я подозревал это, просто отгонял подобные мысли. Ведь с Джуно у меня была возможность реабилитироваться в глазах отца, и мне не хотелось все испортить. Теперь, когда она рассказала свою историю, я уверен, что это просто недоразумение. Что бы ни говорил отец, она не шпион. Да, ее воспитали с верой в какую-то несуразицу, но она-то в этом точно не виновата. И вообще, учитывая то, через что Джуно приходится проходить, она, должно быть, невероятно сильная. И храбрая.

Осознавая это, я замечаю, что она в кои-то веки опустила защиту. Взгляд ее янтарных глаз, скользящий по моему лицу, полон отзывчивости. И я чувствую всепоглощающую потребность притянуть ее к себе, заключить в объятия и поцеловать.

ДЖУНО

Мне не следовало брать его за руку. Это странно на него подействовало. На нас обоих. Словно разряд пробежал по всему телу. Электричество от нашего соприкосновения было подобно покалыванию, что я чувствую во время соединения Йарой. Умноженному в тысячу раз.

Я всего лишь пыталась его успокоить. Убедить его мне поверить. Сказать, что я перестаралась — ничего не сказать. Потому что в один момент я держала его за руку, в очередной раз глядя так, как смотрела бы Ном — ничего не могла с собой поделаться — он был таким сонным, незащищенным...и ослепительно красивым. А вследующий — он тянет меня на себя, придерживая за затылок, и мы целуемся... целуемся, как одуревшие. Все мое тело горит желанием и дальше прижиматься к его груди, обвить ногами, запутаться пальцами в его великолепных вьющихся волосах и чувствовать прикосновения его губ всю оставшуюся ночь. Но я не могу. Это недопустимо. Я должна...

— Стой, — я приподнимаюсь над ним, опираясь на руки и колени. Майлс тянется за мной, на лице его читается желание, но я качаю головой.

— Нет, — говорю я и, переместившись в сторону, сажусь рядом с ним. На его лице отражается смесь сожаления, смущения и разочарования. — Прости, я не могу.

— Ничего, все в порядке, — говорит он, сжимая руками лоб и закрывая глаза. Мы оба тяжело дышим. Мое сердце колотится со скоростью миллион раз в час. Я ползу к выходу из палатки и, отодвигая клапан, вылезая наружу. И только оказавшись подальше от соблазна, оглядываюсь на него.

— Все хорошо? — спрашивает он.

Я киваю и застегиваю за собой клапан палатки, защищая Майлса от ночной прохлады.

Я подхожу к огню и присаживаюсь рядом. Это чересчур. Чересчур для одного раза. Я провожу языком по пылающим губам и представляю, как их накрывают губы Майлса. По телу разливается волна тепла.

Поцелуй с Майлсом не был моим первым поцелуем. Но с Кинаем все было иначе. Во-первых, он был моим другом, во-вторых, это мы с Ном уговорили его попробовать. Разумеется, у нас в общине не такой уж и большой выбор возможных претендентов. Но Кинай был единственным мальчишкой, поцелуй с которым ничего бы не значил. Тот поцелуй был приятным, как теплые дружеские объятия. Ничего общего с испепеляющей страстью поцелуя Майлса.

«Прекрати думать об этом» — твержу я себе. Мне нужно держать себя в руках, ведь Майлс для меня — не более чем средство для достижения цели. Я не могу позволить себе к нему привязываться. Я готовлюсь к тому, что мне предстоит сделать.

Пытаюсь выбросить из головы мысли о Майлсе, о его нежных губах и сильных руках. Мне не удастся замедлить сердцебиение, если я вспомню о поцелуе. Я обдумываю, что нужно спросить. Возможно, это мой последний шанс.

Если за нами погоня, каждая минута на счету. Чтобы найти свою общину, мне нужны указания поточнее, чем общее направление на юго-восток и вид пустынной местности. И еще мне необходимо выяснить, как ускользнуть от Уита, а если ему удастся меня поймать,

то, как с ним бороться. И победить.

Я расстегиваю клапан палатки и смотрю на лежащего неподвижно Майлса. Специальный чай, приготовленный мною, подействовал. Он глубоко уснул и проснется нескоро. Меня одолевают сомнения, ведь это строго запрещено. Никому нельзя Читать другого человека без его согласия. Но я напоминаю себе, что делаю это ради своей общины. Чтобы защитить свой народ.

Я залезаю в палатку и, поджав под себя ноги, сажусь рядом с Майлсом. Затем беру его за руку, сжимая в другой руке опал. Он даже не пошевелился. Его дыхание по-прежнему глубокое. Мое сердце начинает биться медленнее, подстраиваясь под его сердечный ритм. Я мысленно повторяю, что, как и прежде, верю в существование Йары, вызываю только позитивные мысли и направляю их к нашим сомкнутым рукам. Соединившись с Йарой, я вздрагиваю. Майлс открывает глаза и скользит по палатке пустым невидящим взглядом.

— Майлс, — зову я. — Ты мой оракул.

Он едва заметно кивает, и густые волосы прядями спадают ему на лоб.

— Да, Джуно. Я твой оракул.

МАЙЛС

— Твою мать, у меня такое чувство, что я всю ночь спал на голых камнях, — я с трудом выползаю из палатки и усиленно растираю виски, в то время как солнце нещадно режет мне глаза.

— Завтрак, — Джуно встряхивает пачкой хлопьев «Капитан Кранч» у меня перед лицом, сидя у убранного кострища. Я окидываю взглядом поляну. Все вещи собраны, запасы провизии аккуратно сложены в открытом багажнике.

— Мы куда-то отправляемся?

— Ага, — кивает она и кормит с руки сухими хлопьями ворона, который смиренно топчется рядом с ней, похожий на нашедшего еду попрошайку.

Я сажусь в нескольких шагах, наливаю себе апельсинового сока и делаю небольшой глоток. Мельком посматриваю на Джуно, но она отводит взгляд, упорно игнорируя проблему под названием «вчерашний поцелуй». Если она и дальше будет молчать, я тоже не собираюсь затрагивать эту тему. Я не в силах оторвать взгляд от ее, не знающих косметики, губ цвета спелой вишни, и чувствую голод, который не имеет никакого отношения к моему пустому желудку.

— Никаких больше ночевок на земле, — стону я и ставлю кружку, одновременно растирая лоб. — Можешь хоть до потери пульса доказывать мне важность близости с природой, но сегодня мы ночуем в отеле.

Джуно озорно поглядывает на меня и вытягивает из своей сумки небольшой мешочек. Она высыпает на руку несколько таблеток и протягивает мне.

— Что это? Хипповские колеса? — спрашиваю я, не подумав, и осекаюсь. — Извини. Дурацкая манера. — Я не намерен сегодня ее изводить.

— Эти чудотворные пилюли мне достались от хозяйки гостиницы в Сиэтле, где я жила, — поясняет она с лукавой улыбкой. — Она назвала их... Адвил*.

(*Адвил — препарат популярный в США, оказывает анальгезирующее, жаропонижающее и противовоспалительное действие, обеспечивает эффективное и быстрое избавление от болей. Действующее вещество — ибупрофен.)

Я отправляю их в рот, запивая соком. Джуно накладывает в миску хлопья, и, вместе с ложкой, подает мне.

— Надо же, и с чего это вдруг столько чести? — спрашиваю я.

На ее лице мелькает странное выражение — чувство вины? — но оно моментально сменяется улыбкой. Что-то здесь не так. Хотя, если подумать, на протяжении последних четырех дней все было "не так".

Она поднимает коробку и указывает на усатого мультяшного персонажа в голубой шляпе.

— Это просто невероятно вкусно, но это, — она показывает на семейную упаковку клубничного глазированного печенья "Поп-Тартс", — лучшее, что я когда-либо ела.

Я смеюсь.

— Это твоя еда на необитаемом острове?

— Что ты имеешь в виду? — не понимает она.

— Ну, это игра такая. Представь, что ты застряла на необитаемом острове, и у тебя остался только один вид пищи. Что бы это было?

Джуно отвечает, не раздумывая:

— Я без проблем могу есть "Поп-Тартс" на завтрак, обед и ужин всю оставшуюся жизнь.

На ее обычно угрюмом лице появляется едва заметная улыбка. И она снова становится собой. Обыкновенной девчонкой, которую я поцеловал прошлой ночью. Которую я безумно хочу поцеловать еще раз. Которая, надеюсь, не будет больше прятаться под маской взрослости и ответственности. Кстати, о масках... Джуно могла бы стать девушкой с обложки.

Я беру свою миску и пристально изучаю ее содержимое. Не припоминаю, чтобы мне доводилось когда-либо пробовать нормальный сухой завтрак. Моя мама вырастила меня на диете из несладкой гранолы*, в которую добавляла на редкость мерзкую пророщенную пшеницу. От одной мысли о которой у меня скручивает желудок, и я стараюсь побыстрее выкинуть воспоминание из головы.

(*Гранола — овсяные хлопья запеченные с медом, маслом, орехами и сухофруктами.)

«Сладкие хлопья», — думаю я, мысленно возвращаясь в настоящее. Я неуверенно начинаю жевать на 100 % ненатуральные разбухшие кусочки. И мои вкусовые рецепторы приходят в состояние эйфории. Джуно права — это фантастика.

— Вкуснотища, — чавкаю я с набитым ртом и она одаривает меня лучезарной улыбкой. Счастливая Джуно. Такая же редкость, как тройная радуга*.

(*Редкое явление двойной радуги наблюдается, когда внутри части дождевых капель световой луч отражается от внутренней поверхности дважды, а совсем редкая тройная радуга свидетельствует об эффекте тройного внутреннего отражения луча света в части дождевых капель.)

Она встает:

— Доедай, а я пока займусь палаткой.

Когда я заканчиваю мыть тарелки в озере, Джуно с вороном уже сидят в машине и выглядывают меня. — Мы спешим? — спрашиваю я, садясь за руль.

— Мы все время спешим, пока я не найду мою общину, — отрезает она.

Мы выезжаем на главную дорогу, и я сворачиваю направо к шоссе. Джуно сидит, уткнувшись носом в карту. — Оставайся на этой дороге, — говорит она спустя пару минут. — Нам не стоит выезжать на 84-ю автомагистраль.

— Не стоит? — переспрашиваю я. — С чего бы это?

— Доверься мне, — просто отвечает она. Так мы и едем минут пятнадцать молча. Птица разгуливает по заднему сиденью, разглядывая пейзаж за окном, словно возомнив себя домашним псом. — Туда! — подскакивает Джуно, указывая рукой на знак, гласящий "СПРЭЙ".

— Это название города? — с недоверием уточняю я.

Она пожимает плечами. — Это то место, куда мы направляемся.

— Оно находится в ста двадцати двух милях отсюда. Дорога туда займет несколько часов, — замечаю я.

Она кивает, словно этого и ожидала.

— Могу я отметить тот факт, что Спрэй находится на юго-западе от нас, а не на юго-востоке? — продолжаю я гнуть свое.

— Я это знаю. У меня карта есть, — отвечает она.

— Тебя не смущает, что идет уже четвертый день нашего автодорожного приключения, а мы все еще просто офигеть как далеко от Дикого Запада?

— Просто веди машину, все идет по плану.

— Все идет по плану, после того, как мы проторчали целый день без дела?

— Мы не сидели без дела, — занимает она оборонительную позицию. — Я ждала знак.

Чтобы удостовериться, что делать дальше.

— И ты получила свой знак?

— Да. Даже несколько.

— Рад за тебя! — искренне говорю я. Кажется, моя ободряющая речь произвела желаемый эффект и она вернулась в свой бредовый магический режим. Я чувствую некоторую вину за подначивание, но если это сделает ее счастливой и мне не придется спать на земле еще одну ночь, я с этим справлюсь.

— Да, но кто знает, может это был последний раз, когда я вообще получала знаки, — сказала она, смотря в окно и откинув голову на сидение.

— Могу я поинтересоваться, что же в них было?

— То, что Уит все еще ищет меня, и он находится поблизости от нас. Он знает, где находится моя община, и если мы с тобой движемся в правильном направлении, нужно быть осторожными, чтобы случайно с ним не пересечься. И он уже близко.

— Шаман-предатель с дружками у нас на хвосте. Веселуха, — говорю я, подъезжая к повороту на Спрэй. Я сворачиваю, и теперь мы движемся на юго-запад. В сторону Калифорнии. В сторону дома. Мне нужно позвонить отцу.

Словно сходу читая мои мысли, Джуно спрашивает:

— Разве твои родители не беспокоятся о тебе?

Первый раз она спросила хоть что-нибудь обо мне, кроме того мимолетного «расскажи мне что-то о себе». Это первый намек, что она хоть немного интересуется мной. И почему от этого во мне загорается слабый огонек надежды? Наверное, потому, что все мои мысли этим утром занимают ее медово-золотистые глаза, всего в каких-то дюймах от моих, и ее теплые, мягкие губы.

— Моя мама бросила нас с отцом в прошлом году, так что ей не с чего волноваться, — пробивает меня на откровение.

— Майлс, мне очень жаль, — говорит она и кладет свою руку поверх моей. Тепло разливается там, где ее пальцы касаются моей кожи. Я пытаюсь не замечать реакции тела на ее прикосновение, но с каждым разом это становится все труднее.

Джуно смотрит на меня с любопытством, как будто задается вопросом, собираюсь ли я заплакать, но эти реки давно высохли, все что осталось — это борозды, вырезанные в моем сердце. — Что случилось? — спрашивает она, когда видит, что я не собираюсь расклеиваться.

— Она страдает от тяжелой депрессии. В прошлом году после неудачной попытки самоубийства, она заявила, что нам будет лучше без нее. И уехала.

Джуно крепче сжимает мою руку, и, смотря с ужасом в глазах, спрашивает:

— Вы знаете, где она?

— Да, папа выследил ее. Она живет со своей теткой недалеко от Нью-Йорка.

— Майлс. Я даже не знаю, что сказать. — Она выглядит потрясенной. И действительно расстроенной.

— Да, все в порядке, — говорю я, чувствуя, что это я успокаиваю ее, а не наоборот. —

Конечно же, я скучаю по ней, но через некоторое время ты привыкаешь к тому, что человек ушел, — какой же я лжец. Да и Джуно, кажется, не купилась на это.

— Мне даже трудно такое представить. Я никогда не знала никого больного.

— Ну, знаешь, душевное расстройство такая же болезнь, как и все остальные. По крайней мере, так мне продолжают твердить люди. Мол, с каждым может случиться.

Джуно смотрит на меня как-то странно, будто ей жаль меня. Мой взгляд падает на ее губы, заставляя сердце замереть, и я быстро сосредотачиваюсь на дороге.

— Ну а твой папа? — продолжает она.

— Что мой папа? — спрашиваю я, и понимаю, что мой голос звучит настороженно.

— А он не будет волноваться?

— Ну, он знает, что я был в Сиэтле, — отвечаю я осторожно. — Хотя мне и правда стоит с ним связаться, чтобы он не беспокоился.

Джуно прикусывает губу.

— Что? — спрашиваю я.

— Фрэнки ясно дал понять, что мне не стоит позволять тебе пользоваться телефоном, пока я с тобой.

В словах Фрэнки все-таки было зерно истины, думаю я, и гадаю, что же сказать отцу, когда, наконец, с ним свяжусь. В том смысле, что не могу же я просто так сдать ему Джуно. Тем более теперь, когда я уверен, что она не та, за кого ее принимает отец.

— Могу я спросить у тебя кое-что? — говорю я, отодвигая свою руку от нее, чтобы крепче взяться за руль и проехать крутые изгибы на дороге. У нас из-под колес взмывает ввысь сокол, унося несчастную добычу — кажется, мышь — в своих когтях.

— Конечно, — кивает она.

— Та куча денег, с которой ты гуляла по «Уол-марту»... где ты их взяла?

Вспышка подозрения мелькает на ее лице, но потом она пожимает плечами, как будто решает, что правда не сможет ей навредить.

— Я обменяла золотой самородок на наличные.

— Так, что ты ни на кого... не работаешь? — Я спрашиваю, и это звучит как-то неправильно. Но она вроде не замечает и качает головой.

— Моим единственным занятием всегда была охота ради пропитания, ведь я один из лучших стрелков общины. Ну и ученица Мудреца, конечно. Хотя с этим, кажется, покончено, раз Уит пытается и меня заполучить.

Она пытается говорить как можно беззаботнее, но вот кроме той улыбки за завтраком и момента сейчас, когда я рассказал ей о маме, весь день она относится ко мне прохладно. Может, все дело в том поцелуе, но мне кажется, он здесь ни при чем. Джуно кажется отчужденной. И что-то в ней изменилось.

Она берет потрепанный альбом с ручкой, который я хранил в пассажирской дверце. — Я воспользуюсь..? — спрашивает она и начинает в нем что-то строчить.

— Что ты пишешь? — интересуюсь я.

— Записку.

Я благодарю небеса в квинтиллионный раз, что она не болтушка, как большинство девушек, которых я знал в Эл. Эй. и включаю радио. Мы молча едем следующие два часа, птица дремлет на заднем сидении, а Джуно смотрит в свое окно, изредка, поглядывая, далеко ли мы уехали.

За милю до пункта назначения, она выпрямляется и внимательно следит за дорогой,

пока мы не подъезжаем к городской черте. — Останови там, — Джуно указывает на знак с надписью «Въезд в Спрэй, население 160».

Вырвав страницу в моем альбоме, она складывает ее, проделывает дырку на конце и продевает в нее небольшую веревочку.

— Ну что ж, По. Это твоя конечная остановка, — говорит она, выходя из машины и вытаскивая птицу с заднего сидения. По враждебно каркает, будто понимает все, что она говорит и предпочитает остаться в тепле машины и прокатиться на северо-запад Тихого океана.

Она прижимает его к себе, пока привязывает записку к лапке.

— Майлс, ты мог бы вырвать два чистых листа и обернуть их вокруг номерных знаков спереди и сзади? — Я даже не утруждаюсь спрашивать зачем, и делаю то, что она говорит. Надеюсь, ни один из 160 жителей не решит выехать из Спрея как раз в тот момент, когда я делаю что-то, что выглядит чрезвычайно подозрительно, если не незаконно.

Джуно ждет, пока я закончу, и подносит птицу к знаку. Она следит за тем, чтобы он смотрел прямо на него, а затем склоняет голову и что-то ему шепчет. Мгновение она стоит с закрытыми глазами и ворон прижимается к ее груди, затем она выбрасывает его в воздух. Он снижается на секунду, а потом начинает кругами подниматься ввысь.

— Возвращайся в машину, — командует Джуно, — и езжай в город, медленно.

— Могу я снять бумаж... — начинаю я, но она перебивает меня на полуслове.

— Просто веди машину, Майлс.

— Твое слово — для меня закон, о, темная повелительница птиц, — бормочу я и нажимаю на газ. Мы едем в город так медленно, как только можем. В зеркале заднего вида я вижу, что птица перестала кружить и полетела в направлении, откуда мы приехали.

— Стоп, — приказывает Джуно до того, как мы подъехали к первому зданию. Она выпрыгивает, снимает бумажки с номеров и запрыгивает внутрь. Открывает атлас на коленях и ведет по нему пальцем.

— Мы поедem на юг от города, а потом повернем на восток на 26-е, пока не выедем на главную трассу, по которой ехали.

Я бросаю взгляд на указанный ею маршрут.

— Так мы едем в Айдахо? То есть даем задний ход, — добавляю я.

— Не совсем. Мы выедем на полчаса южнее от нашего лагеря, — говорит она, и поднимает подбородок, будто думает, что я буду ей перечить. Вместо этого я киваю и еду по маленькому городку, останавливаясь заправиться в самом конце главной улицы, перед тем, как продолжить ехать по маршруту Джуно.

Мне не нужно задавать вопросы. Я видел ее записку. И она объясняет все.

«Ну что, предатель, хочешь поиграть? Игра официально началась».

ДЖУНО

Два часа на юго-запад. Теперь два часа на юго-восток. И весь этот здоровенный крюк только для того чтобы сбить Уита с нашего следа. Мне нужно, чтобы он думал, будто я ошиблась в Чтении и знать не знаю, где моя община. Хотя всегда существует вероятность, что он в курсе моих настоящих намерений.

Сначала я не могла решить, посылать ли записку с По. Но даже без нее, воспользовавшись памятью птицы, Уит все равно увидел бы, как я его выпускаю. Увидел бы меня и Майлса, возвращающихся в машину. Он бы понял, что я отпускаю ворона неспроста и мог бы что-то заподозрить. Так что записка служит всего лишь для отвода глаз и моего собственного спокойствия. Я не могу сдержаться довольной улыбки. Злость от предательства по-прежнему пылает где-то глубоко внутри меня, но страх испарился. Уит — мой противник и я готова к противостоянию.

Я гляжу на Майлса, и, хотя это противоречит моему решению, меня переполняет желание протянуть руку и прикоснуться к его руке. Дело тут не в романтике, говорю я себе, просто, чтобы успокоиться. После того, что случилось прошлой ночью, я не хочу, чтобы он строил иллюзии. Я не могу сблизиться с ним. Я не буду отвлекаться от поисков. Он здесь только чтобы помочь мне достичь цели, убеждаю себя я, но мой взгляд снова возвращается к его руке.

Мое лицо пылает при воспоминании о том, как мы вцепились друг в друга в палатке, и я вдруг осознаю, что парень, который меня целовал, сидит в нескольких футах, смотрит на меня, и... ждет ответа.

— Извини, что? — заикаюсь я.

— Значит следующая остановка Айдахо?

— Думаю, да.

Майлс молчит какое-то время, а затем спрашивает:

— Ты просишь меня проехать две сотни миль на восток и сама точно в этом не уверена? — Он избегает моего взгляда и смотрит прямо на дорогу.

— Да.

— Хорошо... — проговаривает он медленно. — Так в этот раз это был огонь?

— Какой еще огонь? — переспрашиваю я в замешательстве.

— Ты прочитала огонь? Или ворона? Или что-то еще?

Я смотрю на него, пытаюсь уловить признаки сарказма. Но их нет. Он просто пытается меня разговорить. — Я бы предпочла это не обсуждать, — наконец выдавливаю я.

— Джуно, ты можешь мне рассказать. Я не буду смеяться, — настаивает Майлс.

Фрэнки сказал, мне нужно говорить ему правду. Но в этом случае я просто не могу.

— Ты бы все равно ничегошеньки не понял, — говорю я, в надежде, что это остудит его желание сыпать вопросами.

Так и есть. Он закусывает губу и тянется снова включить радио. Отлично. Вот и поговорили.

Мысленно я возвращаюсь к полученным вчера ночью пророчествам. В первом достаточно ясно говорилось об Уите. Но когда я спросила о следующем шаге, ответ

прозвучал не иначе, как на китайском. Я ни слова из него не поняла.

Пророчества всегда запутанные, но здесь я даже не знаю, каким образом его можно расшифровать. Я беру альбом Майлса и записываю пророчество по памяти, разбирая его затем слово за словом.

Наконец, Майлс выключает радио и спрашивает: — У нас есть время сделать остановку и перекусить? — Его голос звучит привычно ровно — похоже, он уже не сердится на грубость с моей стороны, заставившую его помолчать. Прекрасно.

Я закрываю альбом и засовываю его под сиденье. Моя голова раскалывается от размышлений, а загадка так и остается нерешенной.

— Давай просто сделаем сэндвичей, — предлагаю я.

Мы заезжаем в крошечный городок под названием Юнити и выуживаем из багажника колу, чипсы и продукты для сэндвичей.

— Мы можем поесть в машине, — предлагаю я, но Майлс кривится и указывает на одинокий столик для пикника под деревом.

— А не лучше ли выйти и поесть на улице? Меня уже тошнит от машины.

Мое чутье говорит мне продолжать путь. Но Майлс выглядит уставшим. Поникшим.

— Надеюсь, они купились на нашу уловку в Спрэе и движутся сейчас в сторону Тихого океана, — уступаю я. — Так что и правда, можем сделать привал минут на пятнадцать.

Его лицо тут же проясняется. Мы раскладываем еду на столе, и Майлс стоя начинает жевать. — У меня задница онемела еще у Каньон Сити, — жалуется он, разминая ноги, и вытирая рот от крошек.

— Сколько нам еще осталось ехать до главной автомагистрали? — спрашиваю я.

Майлс бежит к машине и возвращается с атласом и карандашом. — Еще часа полтора и мы снова выедем на 84-е на границе с Айдахо, — говорит он, ставя точку на том месте, где мы сейчас, и проводит тонкую линию к краю Орегона.

Мы возвращаемся на дорогу, с которой начался наш путь. Заданное Фрэнки направление было неточным — просто на юго-восток, а вот куда именно двигаться дальше, я вообще не представляю. «Ох уж эти зашифрованные пророчества» — хмурюсь я.

И тут меня осеняет. Я хватаю Майлса за руку: — Можешь мне кое в чем помочь? Я произнесу предложение, а ты скажешь первое, что придет тебе в голову. Майлс морщит лоб.

— Окей, — говорит он неуверенно.

Я произношу пророчество слово в слово:

— Следуй за змеем к городу у воды, которой нельзя напиться.

Майлс выглядит озадаченным.

— Вообще ничего мне не говорит. А о чем это?

— Это наше направление, — отвечаю я.

— Это один из знаков, что ты получила прошлой ночью?

— Да, — отвечаю я неохотно, и твержу себе «Хватит болтать». Я делаю глоток рутбира* и позволяю пузырькам пощипать мой язык, прежде чем глотаю его.

(*Напиток Рутбир — Корневое пиво (англ. Root beer, также известное как Сассапарилла) — газированный напиток, обычно изготовленный из коры дерева Сассафраса. Корневое пиво, популярное в Северной Америке, производится двух видов: алкогольное и безалкогольное. Безалкогольная версия рутбира изготавливается из экстрактов или сиропов с добавлением газированной воды и не так популярна, как другие безалкогольные напитки, но занимает 3 % рынка США. Алкогольная версия (Гежня) изготавливается путём

сбраживания смеси экстракта и сахара с дрожжами. Обычно после брожения получается алкогольный напиток, содержащий 0,4 % алкоголя (для сравнения — большинство видов пива содержит 3 и более % алкоголя, квас — 1–2 %).

— И ты слышала именно эти слова? — в его голосе звучит оттенок недоверия.

Я киваю. «НЕ ГОВОРИ ЕМУ» — буквально орет мой внутренний голос. Но я должна сказать. Не следовать пророчествам — все равно, что сдаться прямо сейчас. Он чешет голову и смотрит на меня с подозрением.

— Как же это у тебя получилось?

— Я использовала оракула.

— По разговорила что ли? — фыркает он с ухмылкой.

Я делаю еще глоток и мотаю головой. Чувство вины накатывает на меня волнами и я удивляюсь, как же он еще этого не заметил. Я смотрю в сторону, а когда вновь поворачиваюсь к нему, Майлс выглядит мрачнее тучи.

— Это был не По, — доходит до него.

Я робко киваю, но тут же напоминаю себе, что на войне все средства хороши. Я поднимаю голову и наблюдаю, как Майлс пытается собраться с мыслями и вспомнить вчерашний вечер. И, похоже, находит ответ.

— Что ты добавила в чай, которым напоила меня в палатке? — его голос на себя не похож. Прямо как с того света.

— Кое-что выращенное на Аляске и немного похожее на бругмансию.

— Что еще за хрень эта бругмансия? — закипает он. Его лицо багровеет, а глаза темнеют.

— Ангельские трубы*, — отвечаю я, прекрасно зная, что это ему ни о чем не говорит.

(*Бругмансия древовидная, или Бругмансия древесная ([лат.](#) Brugmansia candida) — вид тропических растений рода [Бругмансия](#) семейства [Пасленовые](#) (Solanaceae), небольшие деревья и кустарники, известные прежде всего содержанием [психоактивных веществ](#). В литературе растение упоминается также под многими другими названиями: [англ.](#) Tree Datura (Дурманное дерево, Древесный дурман), [англ.](#) Angels trumpet (Ангельские трубы), [англ.](#) Tree of the Evil Eagle, Brug, Hua-cacachu, [исп.](#) Тоé, [Шипибо](#) Canachiari.)

— ЧТО ЭТА ФИГНЯ ДЕЛАЕТ? — слова Майлса будто четыре маленьких кинжал буравят мой череп. Я закрываю рукой лоб. Прекращай думать о нем, как о парне. Он твой водитель. Твой оракул. И не более. Я опускаю руку и поднимаю подбородок. Мне пришлось его использовать — у меня не было другого выбора.

— Это наркотик, но в нужной пропорции, как это было вчера вечером, он действует как успокоительное.

— Ты меня накачала. — Майлс охает, будто кто-то дал ему под дых. Боль искажает его лицо.

Я собираюсь с духом. Я ведь правильно поступила.

— Я сделала то, что нужно было сделать.

— Может, нужно было меня сначала спросить? — говорит он, и, похоже, все еще пытается переварить услышанное. Словно не может в это поверить. Будто я его здесь разыгрываю.

— Ты бы не согласился, — возражаю я и скрещиваю руки на груди. Я стараюсь, чтобы мой голос прозвучал как можно сдержаннее. — С чего бы тебе соглашаться, если ты так и не

поверил ни единому моему слову?

Майлс смотрит на меня, словно не верит своим ушам, а его руки прямо дрожат от переизбытка эмоций.

— Все потому, что ты ЧОКНУТАЯ! — выкрикивает он. — Я не говорю, что это тво вина. Тебе просто промыли мозги. Но Джуно, ради бога, не существует никакой Йары и нет у тебя никаких магических способностей!

Его лицо искажено от гнева.

— Но твоя вина в том, что прошлой ночью ты опоила меня самодельным наркотиком, без моего ведома. Все из-за твоего сумасшедшего бреда. В чае что, и афродизиак тоже был? Потому что я быстрее поцеловал бы блохастую ворону, чем такую ненормальную, как ты. Я не могу ехать с тобой дальше. С меня хватит! — выкрикивает он и резким движением вонзает карандаш в атлас так сильно, что тот ломается пополам. Затем, развернувшись, направляется к машине.

Его слова проносятся, словно ураганный порыв ветра, ударяя меня прямо в лицо, прежде чем, обогнув меня, раствориться. Неважно. Потому что я смотрю во все глаза на карту, где грубая черта графита обозначила место, в котором река Снейк* пересекает Айдахо прямо на север от Большого Соленого озера.

Я сгребая атлас и бегу к машине.

(*snake [sneik] (англ.) — змея).

МАЙЛС

Я на автопилоте. Я стоял напротив нее и слушал, как она признается, что накачала меня наркотиками и использовала в качестве куклы вуду, а у самого было чувство, будто меня пырнули ножом. Но мне хватило одного взгляда на ее самоуверенное выражение лица, чтобы прижечь эту рану по-живому. До этого момента у меня еще был недоработанный план уболтать Джуно ехать со мной в Калифорнию. От которого я, кстати, сам себя почти отговорил. И зачем могла понадобиться папе эта чокнутая девчонка?

Но я уже принял решение и мне плевать, зачем она ему. Я просто сдам ее отцу.

Я позволяю ей командовать, сворачивая по ее указаниям на каждую проселочную дорогу в низинном Айдахо, избегая автомагистралей вблизи реки Снейк. Каждый раз ей приходится перекрикивать радио, которое я врубил на полную катушку, чтобы оно заглушало любые другие звуки.

Мы едем семь часов, пока вокруг нас не опускается голубая дымка сумерек, а силуэты деревьев не начинают казаться вырезанными из черного картона. Впереди переливается неоновая вывеска: «МОТЕЛЬ И БАР ЭЛЬДОРАДО». Я выключаю радио.

— Мы останавливаемся здесь, — сообщаю я, и Джуно не возражает.

Я въезжаю на парковку, где стоит только два полуприцепа и грузовик, и занимаю место напротив конторы. Тощий мужик с волосами, зачесанными на лысину цвета горчицы, берет у меня кредитную карту и дает ключи от комнат 3 и 5. Черта с два я буду спать с ней в одной комнате.

Я возвращаюсь к машине, где Джуно выгружает свой рюкзак из багажника и останавливаюсь, наблюдая через окно, как в соседнем здании пара дальнбойщиков уплетает ужин.

— Твоя комната, — я протягиваю ей ключи, даже не глядя в ее сторону.

Я вытаскиваю свой чемодан и захлопываю багажник, полностью игнорируя Джуно. Она все еще торчит у машины, как будто не знает, как ей найти в отеле комнату с огромной цифрой «3» на двери. Ну и пускай стоит, обойдется без моих услуг. Я вваливаюсь в пятый номер, бросаю чемодан на цветастое покрывало кровати и поднимаю телефонную трубку, стараясь не замечать запах приторного ванильного освежителя в воздухе. Гудков нет. Кто бы сомневался.

Я бросаю трубку, захлопываю за собой дверь и топаю к конторе, где лысеющий мужик смотрит родео по допотопному черно-белому ящику. — Телефон в комнате не работает, — говорю я.

— Телефонный автомат за баром, — флегматично отвечает тот, кивая головой в сторону дальнего угла парковки.

Я нахожу телефон и пару секунд просто разглядываю его, не зная, что с ним делать. Даже не знаю, сколько стоит звонок. Тут на ум мне приходит кадр из старого ТВ-шоу, и я поднимаю трубку, нажимая «0». — Платный исходящий звонок Мюррэю Блэквеллу, — говорю я и диктую оператору папин номер.

— Блэквелл, — раздается папин голос, и оператор сообщает ему, что я на линии. Папа нарочито вежлив, но стоит ей только повесить трубку, как он взрывается: — Где тебя черти

носят, Майлс? Я приказал тебе отправляться напрямик домой. Еще четыре дня назад. Если бы я не хотел втягивать тебя в еще большие проблемы, чем сейчас, уже бы позвонил в полицию. Чем ты занимался? Зависал на вечеринках в Сиэтле?

— Я в Айдахо. И я добрался до нее, пап. Я смотрю сквозь стекло на сидящих за стойкой дальнобойщиков. Они оба пялятся на меня, словно я куда интереснее музыкального клипа, орущего из телика над стойкой. Я поворачиваюсь к ним спиной и ссутуливаюсь, пытаюсь создать хоть какое-то подобие уединения.

— До кого ты там добрался, Майлс? — раздраженно спрашивает отец.

— Я нашел девушку с Аляски. Она сломала мой телефон и я не мог тебе позвонить.

На том конце провода воцаряется молчание, которое ну очень несвойственно моему отцу. Обычно он всегда реагирует молниеносно и эмоционально, а тут... это сбивает меня с толку.

— Я знаю, это она, пап. У нее звездочка в глазу. Темные волосы, хоть сейчас и коротко подстриженные. Роста в ней 5 футов 5 дюймов и говорит, что зовут ее Джуно. Она жила в апокалиптическом культе хиппи в глуши на Аляске.

Папа прочищает горло. — Она упоминала амрит?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Какой амрит?

— Амрит — препарат, который я пытаюсь заполучить, — говорит он нетерпеливо.

— Нет. Видишь ли, в чем дело, я знаю, ее внешность подходит под описание той девушки, которую ты ищешь. Но она ею не является. Если ты разыскиваешь промышленного шпиона, то она уж точно ничем таким не занимается.

— С чего ты решил? — спрашивает отец, и в его голосе проскальзывают странные нотки. Это тот тон, который он использует, когда стремится преподать мне урок. Лукавый голос, заставляющий меня самого разбираться в проблеме. Он будто говорит... конечно же, она не работает в фармацевтической компании, но скажи почему.

Мой папа ждет ответа. Я хочу рассказать ему, что она не шпионка, а всего лишь жертва культа, которой промыли мозги. Но я не собираюсь вдаваться во всю эту чушь с Йарой. Так я его лишь разозлю. Я вздыхаю: — Она не работает на фармкомпанию, отец. И в шпионаж не вовлечена. Она всего лишь дикарка из глуши, которая пытается найти своего отца. Если тебе нужен кто-то, чтобы ловил и готовил тебе кроликов, или сообщал время, глядя на солнце — тогда это она. В противном случае...

— Майлс, скажи мне точно, где ты находишься. — Голос отца приобретает деловой тон. Лаконичный. Точный. И не терпящий возражений.

— Мотель «Эльдорадо», где-то на юге Айдахо, недалеко от Юты.

— Хорошо. Оставайся там. Мои люди все еще в Сиэтле и они успеют добраться до тебя к рассвету. Убедись, чтобы она оставалась на месте. Не дай ей уйти.

— Давай, пап, присылай своих ребят. Сейчас она никуда не собирается. Я не пытаюсь держать ее в заложниках или как-то еще. Она ведь даже водить не умеет. Готов поклясться, до утра она будет здесь.

— Ладно, подожди, Майлс. Я собираюсь поговорить с моими людьми по другой линии. Не вешай трубку.

Начинает холодать, и я жалею, что не накинул куртку. Я смотрю на луну, которая едва показалась из-за линии деревьев на горизонте. Глядя на нее, Джуно могла бы сообщить не только время, но и дать прогноз погоды на завтра. Все ее магические штуки, конечно, просто

куча хлама, но факт — она, наверное, смогла бы выжить даже на луне. Она смелая, решительная и... жестокая. Я бы что угодно отдал, чтобы иметь хоть половину ее навыков. Вот зачем нужно было все портить этими бреднями о Йаре? Я чувствую угрызения совести, но напоминаю себе, как вчера она опоила меня самодельными наркотиками, усыпив мое внимание поцелуем. Совесть отступает.

Я слышу, как кто-то тарабанит по стеклу, и оборачиваюсь, замечая стоящего в окне дальнобойщика. Он ведет себя страннее некуда — вытянул впереди себя руки и вертит ими туда-обратно, как если бы держался за руль.

Я передергиваю плечами, думая «вот еще пьяный чурбан», и тут замечая, что он тычет в сторону стоянки. Его приятель тоже подпрыгивает, указывая в том же направлении.

Я смотрю в указанном направлении и вижу, как моя машина медленно дает задний ход. В салоне включен верхний свет, и я отчетливо вижу лицо Джуно, когда она включает фары и переключается на переднюю передачу. На долю секунды наши взгляды встречаются и, судя по мрачному выражению лица, она подслушала весь наш телефонный разговор. Она стала свидетелем моего предательства.

С ревушим мотором, бешено вращающимися колесами и разлетающимися из-под них гравием, она выруливает с парковки на двухполосную дорогу и, с диким визгом шин по асфальту, уносится прочь, оставляя за собой лишь облако пыли.

ДЖУНО

Я просто в ступоре от шока. Майлс меня предал. Хотя мне не стоило так удивляться, Фрэнки ведь говорил, что я ему нужна. Но я никогда бы не подумала, что все это только для того, чтобы сдать меня в руки его отцу, который меня зачем-то ищет. И что это вообще значит «работает на фармкомпанию»? На ферме, что ли? Должно быть, поэтому Майлс интересовался, работаю я на кого-нибудь или нет.

Хочется прокрутить в памяти каждый наш разговор. Проанализировать каждое слово. Но сейчас я должна сосредоточиться на дороге. Последние четыре дня я наблюдала за тем, как Майлс ведет машину, и хотя назад я сдала немного резковато, ехать вперед у меня получается довольно неплохо. Я проверяю насколько нужно повернуть руль, чтобы повернуть колеса и нажимаю правую педаль до упора. Необходимо убраться отсюда как можно дальше и как можно скорее, потому что теперь за мной аж две погони. «Ребята» отца Майлса несомненно уже в пути, да и Уит где-то неподалеку. А если Майлс еще и полицию вызовет, чтобы сообщить об угоне, то людей, от которых мне нужно скрываться, станет еще больше.

В какой-то момент я подумываю остановиться и спрятаться недалеко от гостиницы. Это как при охоте на оленя. Если стоять неподвижно, животное не увидит тебя даже прямо перед собой. С людьми отца Майлса это могло бы сработать, но для Уита, в случае, если я задержусь на одном месте, найти меня, не составит труда.

Майлс знает, что мы направлялись в Солт-Лейк-Сити*. Он знает, я буду следовать пророчеству, а это значит, мне кровь из носу нужно добраться туда быстрее него.

(*Солт-Лейк-Сити ([англ.](#) Salt Lake City, Город у Солёного озера) — столица и самый населённый город штата [Юта](#) (США). Название часто сокращается до Солт-Лейк (Salt Lake) или даже SLC (произносится Эс-Эл-Си). Первоначально назывался Great Salt Lake Cit (Город у Большого Солёного озера).)

Я голодная и уставшая, все во мне кипит от злости. Но осознание того, что за рулем машины я движусь быстрее, чем когда-либо в собачьей упряжке... захватывает дух. Я представляю, что никакой машины нет, а я просто несусь по воздуху со скоростью — смотрю на приборы — восемьдесят миль в час.

Я отрываю руку от руля и тянусь к двери. Нажимая на кнопку стеклоподъемника, опускаю стекло, и сразу же чувствую, как свежий горный ветер треплет мне волосы, хлещет по лицу, унося с собой отвратительное чувство, которое не покидало меня с момента, когда я, проходя мимо Майлса, услышала его разговор по телефону.

«Вот как он, должно быть, чувствовал себя, когда понял, что я его использовала», — мелькает нежеланная мысль, но я ее игнорирую. Пускаю по ветру. Я больше не знаю, во что верить. Что хорошо, а что плохо. Для меня правил больше не существует. Я пойду на все, чтобы спасти свою общину,

Я проезжаю по двухполосной дороге через границу между штатами Айдахо и Юта. Хоть меня и соблазняет каждый знак, указывающий на выезд на шоссе, я решаю оставаться на маленьких дорогах. Оракул-Майлс рассказал мне, что Уит знал, где находилась община, что он был у меня на хвосте и что в будущем наши пути пересекутся вновь. Хочу подобраться как

можно ближе к своей общине, прежде чем это произойдет.

Я следую за желтыми лучами фар, которые изредка отражаются от глаз животных на обочине. Мысли вернулись к Майлсу, и я чувствую сожаление, вспоминая выражение его лица, когда он понял, что я сделала. Я отгоняю прочь эту мысль, но другая занимает ее место. Пустота читалась на его лице, когда он рассказывал мне о психическом заболевании его матери и о том, как она их оставила.

Не пойму, как люди могут спокойно смотреть, как болеют их близкие, если единение с Йарой обеспечивает здоровье и долголетие. Помню, я спросила отца: «Почему человечество намеренно губит землю, а тем самым и себя? Как можно относиться с пренебрежением к бесценному дару жизни?»

«Вот он — ответ, прямо перед ними, — сказал тогда отец, — но они предпочитают быть слепцами. Они предпочитают временные блага долгосрочной стабильности».

И лишь теперь, находясь в мире, о котором он говорил, наблюдая последствия отказа от единения с природой, я понимаю, что он имел в виду.

Все свободное время в Сиэтле я проводила за изучением всевозможных хроник, пытаюсь войти в курс событий, произошедших в мире после 1984 года — последнего, описанного в Э.Б. В мире, который, по словам родителей, находился на грани войны. И частично они были правы. Животные вымирают целыми видами. Стихийные бедствия стали обычным делом. Свиристствуют болезни... болезни, которых можно избежать, если жить в здоровой среде, следовать Йаре, должным образом относиться к природе и получать за это вознаграждение. Так почему же люди отвергают фактическое бессмертие?

И тут до меня доходит. Вот почему Майлс так странно отреагировал, когда я утверждала, что папа не стареет. Он не воспринимает болезнь матери, как что-то из ряда вон выходящее. Он считает болезни и смерть неизбежностью. Чтение и Колдовство кажутся ему обычными фокусами. Они не знают...

Если верить отцу и Уиту, то люди, став перед выбором, отвернулись от Йары. Но что, если они о ней вообще не знали?

В таком случае, наше «бегство» от войны, которой не было, больше похоже на побег с корабля в самый тяжелый момент. Но зачем они это сделали? Почему не остались жить среди «неверящих», и не попробовали с помощью своих знаний изменить мир к лучшему?

Почему не пытались повлиять на систему изнутри, а предпочли сбежать и ждать, пока конец света опустошит землю, чтобы потом восстанавливать все заново? Это лишено всякого смысла. В глубине души я знаю, что мои родители и остальные взрослые — добрые люди, даже несмотря на их обман. Тогда, как они могли оставаться в стороне, и спокойно наблюдать, как мир саморазрушается? Словно хранили тайну, которую и не хотели никому раскрывать.

Лампочка датчика топлива на приборной панели загорается красным. Стрелка датчика уровня под ней близится к отметке «Е». «Е — значит пусто», — сказал было Майлс, останавливаясь у заправки. Интересно, сколько еще проедет машина, прежде чем заглохнуть?

Единственные здания, которые попадают в поле зрения — сараи вдоль дороги. Я еду еще минут пятнадцать, не спуская глаз со стрелки топлива, и начинаю волноваться, что не доеду до заправки, а застряну где-то посреди Юты. Я не сомневаюсь, что выживу и доберусь до ближайшего города, но если я отправлюсь туда пешком, то стану легкой добычей для своих преследователей, особенно для Уита, который найдет меня, не пройдет и часа.

Я вижу еще один знак выезда на главную дорогу и на этот раз следую его указанию. Сглатывая ком в горле, я сворачиваю на наклонный съезд. После Чтения По я так боялась натолкнуться на Уита, что не увидев большого зеленого автомобиля, вырываюсь на автостраду с чувством огромного облегчения. Но еще больше я радуюсь указателю заправки.

Через пять минут я въезжаю на территорию автозаправочной станции «Шелл», где единственной живой душой оказывается девушка за кассовым аппаратом. Я столько раз видела, как Майлс заправлял машину, что уже разобралась, что к чему. Поэтому, не теряя времени, подхожу к прилавку и протягиваю кассирше стодолларовую купюру. Очки, купленные Майлсом, остались в машине, так что я стараюсь не поднимать взгляд, хотя девушка на кассе на меня даже не смотрит.

Я так нервничаю, что услышав мотор другой машины, готова очертя голову броситься в туалет. Но при виде маленького красного автомобиля и выходящей из него женщины в ковбойской шляпе, я облегченно вздыхаю и возвращаюсь к машине Майлса.

Я бы не осталась здесь, у всех на виду, ни минутой дольше, чем это необходимо, если бы не чувство голода, которое не покидало меня на протяжении двухчасовой поездки, еще с тех пор, как мы с Майлсом подъехали к отелю. Мне понадобилась всего лишь минутка, чтобы забраться в багажник, вытащить несколько яблок, пакетик орехов и бутылку воды. Я бросаю все это на пассажирское сидение и возвращаюсь закрыть багажник, когда слышу знакомое карканье. Поднимаю глаза и вижу, как что-то черное приземляется рядом на ярко освещенной заправке.

По садится на землю и поправляет перья, прежде чем снова каркнуть. Существует лишь одна причина, по которой По мог меня найти — если его отправил Уит. В панике я подбираю птицу и закрываю глаза. И ничего не чувствую. Связи нет.

Лишь затем я замечаю слабый мигающий свет, исходящий от По. Я поднимаю его вверх, чтобы лучше разглядеть и нахожу металлическое кольцо на его лапке с прикрепленной к нему какой-то электронной штукой. Должно быть, это прибор для отслеживания птицы. Уит послал По найти меня и проследует по этому механическому сигналу прямо ко мне.

Я пытаюсь раздавить железку пальцами. Бесполезно. Вспомнив, как я сломала телефон Майлса — с помощью Колдовства расплавила его «внутренности» — пробую это повторить. Безрезультатно. Меня охватывает отчаяние. Связи с Йарой больше нет. Я чувствую себя голой. Беззащитной.

С автострады слышен визг колес. Я поворачиваюсь и вижу, как серо-зеленый джип с тремя пассажирами сворачивает влево и останавливается поперек дороги, перекрывая выезд с заправки.

Мне хватает доли секунды, чтобы противопоставить свои силы, силам противника. Их трое, я одна. Компаньоны Уита без сомнения вооружены, а я имею только арбалет и нож. Все шансы против меня.

Я оставляю По, и, схватив рюкзак, оставленный рядом с машиной, перепрыгиваю через цементное ограждение и бегу со всех ног в крошечную ночную тьму.

МАЙЛС

Люди отца летят на частном самолете в Твин Фоллс и прибывают в отель менее чем через два часа. Они представились как Реддинг и Портман, но большего и не требовалось — каждый раз, когда я был в офисе отца, я видел их в охране.

— У тебя есть хоть какое-нибудь представление, куда она могла направиться? — спрашивает меня Портман, перегнувшись через сидение, пока мы отъезжаем от «Эльдорадо».

Я замер.

— Она направлялась в Солт-Лейк-Сити, — признаюсь я, чувствуя укол вины, вспоминая выражение лица Джуно, когда она уезжала на моей машине. Еще одно предательство? Нет, я помогаю ей. Как только она поговорит с отцом, он отзовет ищеек и будет искать тех, у кого действительно есть нужная ему информация.

Пока Реддинг вел машину, Портман переключал каналы на радио, пока не нашел полицейскую волну. Мы ехали минут пятнадцать, когда покинутый синий БМВ был обнаружен на заправке в часе езды от Солт-Лейк. Номерной знак совпадал с моим.

ДЖУНО

Глаза еще не привыкли к темноте, и я вслепую бегу через низкий кустарник с рюкзаком на плече, выставив руки перед собой так, чтобы ни на что не налететь. Но здесь и налетать-то не на что, только трава по колено со свистом хлещет по джинсам, и изредка слышится треск кустов под ногами.

Я не осмеливаюсь оглянуться. Я уверена, они разглядели меня на ярко освещенной автозаправке, а на этом пастбище совсем негде укрыться. Я вижу, как передо мной медленно поднимается темная стена, и спустя пару минут понимаю, что бегу к деревьям.

Позади раздаются крики. Как же кстати пришелся бетонный парапет вокруг заправочной стоянки. Не будь его, Уит с компанией могли бы поехать прямо за мной. Но судя по доносящимся голосам, они все же решили продолжить погоню пешком.

Только возле первого дерева я позволила себе на секунду оглянуться и увидела две неуклюжие фигуры пробирающиеся сквозь заросли, свет от фонариков прыгает то вверх то вниз, пока они бегут примерно в моем направлении. Значит они не видят меня, а то бежали бы прямо за мной. Я оставляю дерево позади и опять несусь, перепрыгивая сломанные ветки и кусты. Мне все равно куда бежать, лишь бы подальше от них.

Вблизи деревья оказались не деревьями, а высоким кустарником с проплешинами голой земли. Здесь мне негде укрыться, я пропала.

И тут, по закону подлости, на полной скорости я проваливаюсь одной ногой в какую-то дыру. Боль от резкого рывка ослепила меня на секунду.

Я наклоняюсь и рукой убираю землю с ботинок, освобождая ногу. И хотя почти ничего не видно, чувствуется, что яма не из маленьких. Видимо, лисья или барсучья нора. Мгновенно приняв решение, я нащупываю пальцами упавшую ветку и с ее помощью копаю глубже. Гонимая страхом, я раскапываю пустое звериное логово меньше, чем за минуту. И, волоча за собой травмированную ногу, собираю близлежащие палки и ветки.

Я бросаю рюкзак в метровую яму, опускаюсь туда сама, и ложусь на бок, сворачиваясь вокруг рюкзака клубочком. Дотянувшись до кучи хвойных веток, я обкладываюсь ими, надежно закрывая нору и себя. И жду.

Теперь, лежа неподвижно, я чувствую боль, пульсирующую в лодыжке. Нужно бы ощупать ее на наличие переломов, но, боюсь, малейшее движение может сместить ветки и разоблачить мое укрытие. И я кусаю губы до крови. Я шарахаюсь каждого шороха листьев и хруста веток, прислушиваясь к преследователям. Не проходит и минуты, с момента как я затаилась, и они появляются. Один совсем рядом — я слышу его тяжелые шаги. Другой кричит издалека:

— Здесь никого. Я же говорил, она побежала в другую сторону!

Тот, что рядом, останавливается и, оглядываясь, проводит лучом фонарика вокруг себя. Свет проникает в мое убежище сквозь сосновые иголки, но я спряталась достаточно хорошо, и он, не увидев меня, проходит мимо.

Интересно, где сейчас Уит. Наверное, вернулся в машину, оставив грязную работу своим прихвостням. Где он вообще на них наткнулся? Что стало с миролюбивым благонадежным человеком, которого я знала всю жизнь? Зачем было похищать и заточать целую общину? И

почему он на этом не остановился? Зачем ему я?

В груди пылает ярость. Хочется кричать, но вместо этого я крепко сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Я прячусь в норе так долго, как только могу. Наконец, когда я уже не могу терпеть боль в ноге и холод, я шевелю рукой и сдвигаю ветки, под которыми пряталась.

Сев, я оглядываюсь вокруг. Я в полном одиночестве, если не считать удивленной белки, которая начала осуждающе трещать, как только я пошевелилась, ругая меня, за то, что я ее испугала. Откинув в сторону листья и ветки, я осматриваю ногу. Любое прикосновение к ней приносит боль. Лодыжка опухла, но не так сильно, как нога Ном, когда ее зажало автоматической дверью. «Небольшое растяжение» — сказала тогда Эстер, наша врач. Но Ном не могла нормально ходить, и я, наверняка, смогу лишь медленно ковылять через прогалины.

Мои глаза настолько привыкли к темноте, что я легко нахожу большую ветку на земле, ножом из рюкзака очищаю ее от сучков до высоты подмышки и закругляю конец, чтобы не царапался. Я примеряю самодельный костыль и понимаю, что могу перенести на него достаточно веса, чтобы идти с нормальной скоростью.

Я смотрю вперед и вижу горную цепь, резко вздымающуюся из низины в нескольких милях от меня. «Я могу прятаться там до тех пор, пока не буду уверена, что они перестали меня искать» — подумала я, и направилась к горам.

МАЙЛС

Кажется, ей отчаянно понадобился бензин, иначе она ни за что бы не выехала с объездных дорог на главную трассу. Но почему она бросила мою машину? Единственное объяснение, которое приходит мне в голову — Уит нашел ее, когда она заправлялась. Либо он схватил ее, либо она убежала от него пешком.

Мрачные мысли терзают меня. Все, кого она знала, ее предали. Ее наставник, ее родители, а сейчас еще и я. Я не могу себе представить, каково это быть самому по себе, ни на кого не полагаясь и никому не доверяя. Она открылась мне, рассказала о своем странном прошлом. И что сделал я? Переметнулся на сторону отца.

Но...во-первых, он ведь не собирается причинять ей какой-либо вред. Он бизнесмен, а не головорез.

И, во-вторых, она ведь сама, черт возьми, воспользовалась мной вчера вечером. Запудрила мозги поцелуями и накачала наркотой. И все это ради воображаемых фокусов Йары. Что я там вообще наплел ей, пока был «под кайфом»? Что-то про Уита, преследующего ее. И еще та абракадабра о змеях и городе рядом с водой, которую нельзя пить. Которую она ловко истолковала, как реку Снейк и город Солт-Лейк-Сити*. Вообще-то это было неглупо. Я думаю, она очень даже умная. Просто эти галлюцинации про параллельную вселенную смешались в ее голове с реальностью, и это грустно.

(*Солт-Лейк-Сити — дословно переводится, как город на соленом озере.)

Да что со мной не так? Меня турнули из школы прямо перед выпуском, я профукал единственный шанс заслужить уважение отца, и меня влечет к сумасшедшей. Если бы я только мог стереть все и начать с чистого листа. Если бы я не списал на экзамене, я бы сейчас выпустился и готовился.

ДЖУНО

Быстрым хромающим шагом я пересекла пустырь, и теперь стараюсь держаться как можно ближе к деревьям, чтобы моя одинокая фигура, бредущая в море из трав высотой по колено, не была слишком заметной. Впереди, у подножия горы, я вижу стену из деревьев. Спрятаться среди них несомненно будет гораздо легче.

Я изучаю положение луны и созвездий. Сейчас около полуночи.

Устремившись к тоненькому ручейку, вытекающему из лесистого горного склона, я ковыляю к воде. Добравшись, я следую вдоль ручья за линию деревьев, и, лишь спрятавшись в ельнике, припадаю к земле, руками зачерпываю воду и подношу к губам. Водичка ледяная и очень вкусная. Наполнив флягу, я даю себе несколько минут передышки, не забывая, что оставаться здесь надолго, нельзя.

Я откидываюсь назад, устраивая голову на подушке из листьев, и закрываю глаза. Я дышу глубоко, пытаюсь восстановить силы, готовясь к несколькочасовому переходу, как вдруг слышу хруст веток. Подрываюсь, хватаю рюкзак, роюсь в нем, и через три секунды уже стою на одном колене, нацелив арбалет на свет, мелькающий между деревьев.

Каким образом люди Уита оказались впереди меня? Я не видела, чтобы кто-то двигался через пустырь в сторону гор. Я опираюсь на колено, прищулив один глаз, и смотрю через металлический прицел арбалета, как вдруг слышу женский голос:

— Не стреляй. Я не причиню тебе вреда.

Я удерживаю палец на спусковом крючке наготове, и наблюдаю за приближением огонька, пока человек не останавливается в пяти футах от меня. Свет ударяет мне прямо в глаза.

— Ага, это ты, — говорит она и переводит луч фонарика себе на лицо. — Видишь? Я просто женщина. А не убийца с топором.

Пока незнакомка приближается, я хватаю самодельный костыль и, опершись на него, поднимаюсь на ноги, не сводя с нее прицела арбалета.

— Похоже, ты повредила ногу, — говорит она, глядя на мой «костыль». — Пожалуй, лучше вернуться ко мне домой. Не легче ли тебе было бы опереться на мое плечо?

— Кто-кто ты? — запинаюсь я.

— Моя мама назвала меня Таллула Мэй, но ты можешь звать меня просто Талли.

Я пристально ее разглядываю. Кто эта женщина, возникшая из-ниоткуда? Не думаю, что она связана с Уитом — во время Чтения я ни разу не видела рядом с ним женщин. А то, как она, скрестив руки на груди, ждет, что я скажу, свидетельствует скорее о нетерпеливости, чем об угрозе. Она снимает капюшон, и по плечам волнами рассыпаются рыжие кудри, длиной до локтя.

— Видишь? Обычная, доброжелательная женщина за тридцать. Без маньяческих наклонностей, честное слово.

Она одаряет меня улыбкой, которая начисто стирает любые сомнения на ее счет.

— За мной гонятся несколько человек, — говорю я полупшепотом, с опаской оглядываясь через плечо в сторону пустыря.

— Да, я как бы уже поняла, — говорит она, — ничего страшного. На девяносто девять

процентов уверена, что они нас не выследят. Я живу всего в пяти минутах ходьбы вверх по склону. Так что, давай, пойдём ко мне.

Она берет меня под руку, и с ее помощью, я ковыляю гораздо быстрее, чем могла бы сама.

Следуя вдоль ручья в гору, я не вижу ничего, даже отдаленно напоминающего чье-то жилище, и даже намек на цивилизацию. И вдруг, откуда ни возьмись, перед нами вырастает большой бревенчатый дом.

— Надо же, я и не заметила, как мы подошли, — восклицаю я.

— Маскировка, — гордо говорит она. — Я специально посадила деревья по периметру, так что даже если зажечь свет, с подножия горы ничего не будет видно.

Мы обходим кустарник, и отсюда постройка видна полностью. Я останавливаюсь как вкопанная:

— Дом построен над ручьем?

Основная часть строения состоит из двух этажей, но есть еще застекленная комната, наподобие лоджии, на ширину дома, расположенная над водой, которая на противоположном берегу держится на деревянных столбах.

— Ага. Смотрится непривычно, но на деле иметь поблизости водный поток очень удобно.

С улыбкой на лице она открывает дверь и помогает мне войти. Ее нефритово-зеленые глаза сияют, а улыбка искренняя и дружелюбная.

— Давай-ка осмотри твою ногу. Я постараюсь быть максимально аккуратной, — говорит она и стягивает кроссовок с больной ноги. Я вздрагиваю от резкой боли в щиколотке, но обувь уже снята, и Талли берется за носок.

— Ну, что ж. Похоже, у тебя растяжение, — она легонько касается припухлости, — но раз ты смогла хоть чуть-чуть на нее ступить, то все не так плохо. Давай, посадим тебя на диван и приложим лед.

Она заводит меня внутрь дома, который оказывается одной большой, скромно обставленной комнатой, ярко освещенной полудюжиной масляных светильников. Талли весело смотрит на меня.

— Обычно я не люблю гостей. Но ты исключение из правил.

— С чего бы это? — спрашиваю я. Ковыляю через комнату и сажусь на диван, стараясь поудобнее примостить свою больную ногу на подушки.

— Потому что я тебя ожидала, — говорит она, как ни в чем не бывало, глядя мне прямо в правый глаз.

— Но зачем? И как ты узнала, где меня найти?

— Неужели нам нужно раскрывать все секреты прямо сейчас? — спрашивает она, доставая металлическую коробку из углового шкафчика. Она начинает в ней рыться: — Так, посмотрим. Бинт может пригодиться. Кожа не повреждена, значит, дезинфицирующее средство нам не понадобится. А, вот, — она вытягивает пластиковый мешок размером с книгу и начинает разминать его в руках. Когда она прикладывает его к моей лодыжке, я охаю от удивления.

— Он просто ледяной! — восклицаю я и дотрагиваюсь рукой до аптечки, чтобы проверить, нет ли в ней встроенного холодильника. Но нет, металл комнатной температуры.

— Ты никогда не видела пузырь со льдом? — спрашивает Талли с ухмылкой.

Я мотаю головой.

— Океееееей, — протягивает она. — Я-то думала, ты из будущего.

— Чего? — спрашиваю я озадаченно.

— Да так, ничего, — говорит она и переводит тему. — Кстати, свое имя я тебе сказала, а вот твоего так и не знаю.

Я молча смотрю на нее. Что вообще происходит? Кто эта незнакомка, заявляющая, что ожидала меня? Если она не с Уитом, то откуда она узнала о моем приближении? Язык ее тела показывает дружелюбное расположение, а не угрозу. Но я все еще начеку.

— Можешь не говорить. Я сама подберу тебе имя. Хмм... — Она склоняет голову набок, раздумывая. — Как тебе Фредерика? Сокращенно Фред?

Я не могу удержаться от смеха. — Я Джуно, — признаюсь я.

Талли одобрительно кивает. — Походит тебе куда лучше, чем Фред. В честь богини или города на Аляске?

— Аляска, — отвечаю я, гадая, сколько же еще раз мне придется это сообщать. В моей общине никто таких вопросов не задавал. Все дети носили имена в честь городов Аляски. Это связывало нас с прошлым. «Вы сами для себя маленькие города Земли Обетованной» — поговаривал мой отец. «Надежда будущего на земле». У меня защемило в груди от этого воспоминания — всего лишь маленького кирпичика в стене лжи, которую выстроили вокруг нас, удерживая от изучения настоящего мира. Я думаю о том, что до сих пор ничего не понимаю и, лишь глубоко вздохнув, замечаю обеспокоенный взгляд Талли.

— Ты устала? Проголодалась?

— И то, и другое, — киваю я.

— Дай-ка мне взглянуть, чем я смогу тебя угостить, — она направляется к двери, ведущей в сторону дома обращенную к реке, открывает ее и я слышу шум воды. Я оборачиваюсь и перегибаюсь через диван, чтобы разглядеть, что комнатой над водой оказывается кухня, с раковиной и кухонными тумбами, шкафчиками и стеной увешанной ножами и всякой утварью. Талли открывает люк в полу и крутит ручку под ним, вытягивая металлическую клетку наполненную продуктами.

Она поворачивает ко мне голову, ехидно улыбаясь: — О лучшем холодильнике девушке и не мечтать.

Я раскрываю рот от удивления. — Это гениально! — вырывается у меня.

— Что есть, то есть, спасибо, — говорит она и, убрав волосы через плечо, наклоняется, чтобы достать что-то из клетки, — Ты же не веганка? И не вегетарианка?

— Нет, — говорю я в ответ. Вегетарианка? Я улыбаюсь сама себе. Видела бы она, как я свежую и потрошу оленя карибу.

Спустя пару минут Талли возвращается с подносом. — Как насчет сыра, домашнего хлеба и копченой ветчины?

При виде еды у меня так и текут слюнки, но я смущаюсь и перевожу взгляд с тарелок снова на Талли. Она ставит поднос и с улыбкой закидывает себе в рот кусочек сыра. — Видишь? Не отравлен. И даже не испорчен.

Я вздыхаю. — Прости. Я стала очень недоверчивой в последнее время. Честно, мне кажется это лучшей едой в мире. — Я намазываю масло на хлеб, кладу сверху кусочек ветчины и уже подношу ко рту, когда раздается стук в окно. — Только не это! — шепчу я, роняя хлеб в панике. Но Талли уже на ногах и идет на звук.

— Не переживай так, Джуно. Это просто ворон. Должно быть проголодался.

— Не впускай его! — кричу я и порываюсь встать на ноги, но тут же шлепаюсь обратно

на диван, хватаюсь за лодыжку и охаю от боли. Слишком поздно. Она открывает окно, чтобы кинуть кусок хлеба на подоконник, а он пролетает мимо нее напрямик в дом.

— Эй, ты не обнаглел, приятель? — возмущается она, уперев руки в бока.

— Талли, ты должна вышвырнуть его отсюда, — настаиваю я. — У него на ноге какое-то устройство, отслеживающее местонахождение.

— О чем ты говоришь? — спрашивает она и ловит на полу По, поворачивая его. — Нет у него ничего на ноге.

Мигающий красный огонек исчез. Я вздыхаю с облегчением, хотя внутри, меня все еще мутит от тревоги. — Иди сюда, По, — зову я. Талли отпускает его и ворон перепархивает ко мне.

— Так значит, вы с этой птичкой лично знакомы? — спрашивает она, приподнимая бровь.

Я беру По и пробегаюсь пальцами по его перьям, но на нем ничего нет: ни записки, ни миниатюрного механизма. Должно быть, кто-то снял с него браслет. Но почему?

— Он должен остаться здесь. Мы не можем отпустить его теперь, когда он увидел, где мы находимся, — говорю я и усаживаю его себе на живот. Я глажу его, словно кота, а он ластится к моей руке.

Талли смотрит на меня, нахмутив бровь, и задумчиво приставив палец к губам:

— Обычно люди меня называют странной, но ты со своей птичьей паранойей... — она кивает на По, — ... меня переплюнула.

— Да нет же... — начинаю я.

— Тсс, — перебивает она и качает головой. Закрывает окно, щелкая задвижками, уменьшает фитили масляных ламп, и комната наполняется мягким мерцающим светом, что напоминает мне ночи в юрте.

— Ты ешь. Я в это время обычно уже сплю, но я подожду, пока ты доешь, — она подходит к кровати в углу и вытаскивает одежду из комода, — у меня не бывает гостей, поэтому здесь нет стен. Так что, если стесняешься, отвернись, так как я собираюсь раздеться.

Я сосредотачиваюсь на еде, давая ей возможность уединиться, и через пару минут она возвращается, облаченная во фланелевую пижаму. Она замечает мою улыбку: — Я же сказала — живу без гостей. Что хочешь, то и одеваю.

Я проглатываю хлеб и киваю в сторону висящего над дверью ружья: — Это для охоты?

Она мотает головой. — Я слишком брезглива, чтобы убивать кого-то, если конечно, не захотят убить меня. Это больше для защиты.

— От кого? — спрашиваю я.

— Ой, ну знаешь. Бывает, — ухмыляется Талли. — Как ты заметила, я живу несколько в стороне от всяческих коммуникаций, — поясняет она. — Никто не знает, что я здесь.

— Почему? Ты скрываешься от закона или от чего-то еще?

Она качает головой:

— Раз ты гостя, то я первая устраиваю допрос. Но не раньше завтрашнего утра. Ты уже наелась?

— Да, спасибо, — говорю я, отдавая ей поднос. Она вытягивает из-за дивана покрывало и укрывает меня.

— Спи теперь. Дверь и окна заперты, хотя я думаю, если бы те мужчины последовали за нами, мы бы об этом уже узнали. Но, на всякий случай, я прихватчу это с собой в постель.

Она снимает со стены ружье и кладет его на пол рядом со своей кроватью.

Я беру лежащий на моей сумке арбалет и пристраиваю его рядом с диваном. Это слабое утешение, и менее мощное, по сравнению с дробовиком Талли, но я чувствую себя в большей безопасности, зная, что он у меня под боком.

к первому курсу в Йеле.

Я должен проявить себя. Я знаю, как мыслит Джуно лучше, чем эти пресмыкающиеся перед отцом громилы. Как только я отделаюсь от них, я продолжу поиски сам.

Остаток пути я еду в тишине, стараясь не думать о ее медово-золотистых глазах.

МАЙЛС

Нам не пришлось долго уговаривать полицию штата вернуть мне «угнанный» автомобиль без судебных разбирательств и заявления об исчезновении человека. Портману, который, как оказалось, состоит в ассоциации ветеранов вместе с одним из патрульных, удается убедить их, что причиной всему подростковая любовная ссора, после которой моя девушка уехала на моей машине, а потом ее подобрали друзья. Кассирша на АЗС утверждает, что была в наушниках и ничего не заметила.

— Ты, давай, дуй домой к отцу, — говорит мне Реддинг, отъезжая. Но его призыв звучит неубедительно, как будто он уверен, что я все равно не послушаюсь. И он прав. Возвращение домой стоит последним пунктом в моем списке текущих дел, я вернусь разве что с Джуно на буксире.

Я поворачиваю ключ в замке зажигания и замечаю, что датчик топлива показывает полный бак. Видимо, Джуно заправилась до того, как сбежать. Я иду на заправку и стучу по бронированному стеклу. Девушка в окошке не реагирует, и я стучу еще раз. Она поднимает глаза и я озаряю ее своей самой обаятельной улыбкой. Она вытягивает наушники и лопаёт пузырь жвачки мне в лицо.

— Извините, — говорит она, — я думала, что это снова копы.

— Дело в том, что это моя машина. Мы с девушкой поцапались и она укатила на ней, — я придерживаюсь версии Портмана — с копами же сработало, — я знаю, вы уже сказали полиции, что ничего не видели, но если бы вы вспомнили хоть что-нибудь, то очень помогли бы мне. Уже поздно и я волнуюсь за нее.

Девушка, широко улыбнувшись, отвечает:

— Я сказала так, потому что не хотела делать официальных заявлений.

Дальше она признается, что видела все, в том числе, как через полчаса два мужика вернулись без девчонки, поорали друг на друга и уехали.

— А в каком направлении они уехали? — спрашиваю я.

— На юг, в сторону Солт-Лейк-Сити, — отвечает кассирша.

— Большое спасибо — говорю я. Она пожимает плечами и надевает свои наушники снова.

Так я и думал. Людям Уита не удалось найти Джуно. Но к машине она до сих пор не вернулась, значит осталась где-то там. Переступив через бетонный парапет, я осматриваю пустырь. Вдалеке виднеются деревья. Еще дальше за ними горы. Она может быть где угодно. А, по сравнению с ней, мои навыки выживания в дикой среде, как известно — курам на смех.

Разве что, она сама захочет, чтобы я ее нашел, как тогда в Сиэтле. Но как бы не так. После подслушанного телефонного разговора с отцом на это можно и не рассчитывать. Я сонливо потираю ладонями лицо. Знаю, она направлялась в Солт-Лейк-Сити, но ночью добраться туда можно разве что автостопом. Мне остается только надеяться, что она не решится сесть в машину к незнакомцу. Как ни парадоксально это звучит.

Я забираюсь в машину и отправляюсь на юг, готовый остановиться в первой попавшейся гостинице.

ДЖУНО

Я просыпаюсь на запах бекона под шкварчание яиц на сковороде. И, несмотря на абсолютную растерянность, не могу сдержать улыбку. Я поднимаюсь и упираюсь взглядом прямо в клюв По. Он каркает и хлопает крыльями.

— Он за всю ночь не сдвинулся с места, караулил тебя, как личный пернатый телохранитель, — доносится голос из другого конца комнаты. И...бац...я вспоминаю, где нахожусь.

— Доброе утро, Талли, — говорю я.

Подбросив в печку дров из поленницы, она спрашивает:

— Завтракать будешь?

— Да, пожалуйста, — отвечаю я, и она ставит на журнальный столик перед диваном поднос с яичницей, беконом, тостами и апельсиновым соком.

— Ты предпочитаешь кофе, или чай? — спрашивает Талли. Она уже успела сменить пижаму на джинсы и клетчатую фланелевую рубашку и стянуть огненно-красные волосы в пучок на затылке.

— Вообще-то, цикорий, — отвечаю я.

Она кривится, будто клюквы наелась:

— Брр. Гадость редкостная. Моя бывшая свекровь пила цикорий. Значит, будешь чай.

Через минуту она возвращается. Подвигает к столику кресло и наливает две чашки чая. Надкусив тост, я спрашиваю:

— Ты ведь не держишь животных?

— Я не люблю домашних животных, — отвечает она, глядя на По. — У меня тут и без того хлопот хватает, чтоб еще присматривать за кем-то пушистым.

— Нет, я имела в виду, откуда ты берешь бекон и яйца?

— А. В десяти милях отсюда есть магазин. Я хожу туда дважды в неделю, выполняю разную работу в обмен на продукты, которые сама раздобыть не могу. Я самостоятельная женщина, которая обеспечивает себя всем необходимым, но никто не заставит меня платить налоги на бессмысленные войны, в которых погибают хорошие люди.

— Теперь понятно, почему ты так затаилась, — говорю я.

— Ага, я добровольно отказалась практически от всего, — говорит она с усмешкой, — у меня нет ни электричества, ни телефона с интернетом, ни машины. И, если не учитывать твое присутствие, я — абсолютная отшельница.

Я запиваю кусочек тоста с медом глотком крепкого чая и спрашиваю:

— Как ты меня нашла? Ты говорила, что ждала меня.

— А, это, — говорит она, загадочно приподнимая бровь, — я раскинула кости.

Я замираю, не донеся вилку с яичницей до рта.

— Ты раскинула кости?

Из выдвижного ящика стола, Талли достает красный кожаный мешочек и, распустив завязки, высыпает на стол пригоршню высушенных и выбеленных звериных костей.

— Это кости опоссума, которые моя прабабушка Лула-Мэй передала своей дочери, потом они перешли моей маме, а потом и мне. Вместе с двумя X-хромосомами, всем

женщинам нашей семьи передается Дар Провидения. Вот они, — говорит она, кивая на рамки с фотографиями на столике в углу, — я называю их своими богинями.

Она начинает раскладывать кости на столе по кругу.

— Я раскидываю кости Лула-Мэй каждое утро, чтобы не утратить навыки. Только на улице, а не здесь на столе. Они должны соприкоснуться с землёй. Вчера расклад был примерно таким: местами кости пересекаются, остальные лежат параллельно, если не вдаваться в нудные детали, это предвещало полуночного гостя, но не охотника, как обычно, а того, за кем охотятся.

Она показывает на кости передних лап, которые соприкасаются большими пальцами.

— Это свидетельствовало о том, что гость похож на меня. «Отмеченный даром», как женщины в моём роду. Ты экстрасенс? Или гадалка?

— Можно и так сказать, — признаю я.

Она пристально рассматривает меня, словно кости моего лица можно прочесть с такой же легкостью, как и косточки усопшего опоссума. Похоже, увиденное ее устроило, и она возвращается к раскладу, подводя итоги.

— Это также говорило о том, что нам обоим есть чему поучиться друг у друга.

Она подносит чашку к губам и смотрит на меня поверх нее, делая глоток. Я не знаю, что сказать и поэтому молчу.

— Но то, как разместились хвостовые кости, — Талли указывает на несколько не пересекающихся костей, — значит, что у тебя есть важная миссия. Что, возможно, в твоих руках людские жизни и судьбы.

С серьёзным выражением на лице она ждет моего ответа. Сглотнув комок, я встречаюсь с ней взглядом.

— Моего отца и всю мою общину похитили и насильно удерживают неизвестно где. Я пытаюсь найти их и спасти.

Некоторое время она не сводит с меня глаз, затем откидывается назад, и, уставившись в одну точку на стене позади меня, задумчиво потирает подбородок. Мне в голову приходит еще кое-что.

— Почему ты думала, что я из будущего?

Талли приходит в себя.

— Хм, кончик хвоста выступает из круга. Не из этого времени, или не из этого мира. Поэтому я решила, что либо НЛО приземлится у меня на заднем дворе, либо тебя перенесет сюда из будущего машина времени, — она улыбается.

— Что ж, вполне можно считать, что я из другого мира, — признаю я.

— Я поняла, что ты и есть та самая, когда увидела тебя в телескоп, — она кивает на, дорогое на вид устройство у окна, обращенное к горам, — и убедилась в этом, когда посветила тебе в глаз и увидела золотую радужку. Выглядит необычно. Что это? Генетическая мутация?

У меня отвисает челюсть: — Ты первый человек, который не решил, что это контактные линзы.

— Ну, ты ведь не снимала их на ночь. И они не очень-то подходят под твой убей-в-себе-женщину стиль.

— Я пыталась замаскироваться под мальчика, чтобы скрыться от преследователей, — признаюсь я.

— Кажется, не очень помогло, — говорит она, — и, кстати, если ты собираешься

дальше маскироваться, советую отказаться от этой мальчишеской одежды. Она только безобразит тебя, а никак не делает похожей на мальчика. И все же, это была моя история. А теперь я хочу услышать твою. Но сначала давай посмотрим как там твоя лодыжка.

Я откидываю одеяло и укладываю больную ногу на край стола. Талли присвистывает.

— Все не так плохо, как было вчера вечером. Отлежишься еще немного и через день-два будешь на ногах.

— А нельзя просто перевязать ее потуже? Мне действительно нужно идти. Я же говорила, что ищу свою общину, и, хотя я надеюсь, что сейчас с ними все в порядке, кто знает, что может случиться?

От этих объяснений голос у меня повышается, и я едва сдерживаю слезы. Я хватаюсь за чашку, делаю большой глоток чая, выдыхаю, и немного успокаиваюсь.

— Ты знаешь, где они? — спрашивает Талли.

— Я знаю, как выглядит это место. И что это на юго-восток отсюда. И довольно далеко.

Талли кивает и задумывается:

— Вряд ли от тебя, хромой на одну ногу, будет много толку. К тому же твои преследователи наверняка так просто не отступят и еще какое-то время будут шастать поблизости. Так что, лучше тебе еще денёк пересидеть здесь.

Она принимается аккуратно собирать кости опоссума в мешочек.

— И потом Борегар утверждает, что нам есть чему поучиться друг у друга.

— Борегар? — переспрашиваю я недоверчиво.

— Лула-Мэй назвала опоссума в честь своего первого мужа. Даже не спрашивай. — Я сдерживаю смешок, позволяя Талли договорить.

— Ты уже научилась от меня чему-нибудь, что помогло бы тебе спасти свой народ?

Я качаю головой.

— Понятно, тогда твой черед. Рассказывай все. Или хотя бы то, что считаешь нужным.

Я заминаюсь, но не потому, что не доверяю ей, а потому, что не знаю с чего начать. Для меня это еще слишком большая тема. Ведь, когда я открылась Майлсу, он воспринял мой рассказ, как плод больного воображения. Когда я думаю о нём, внутри все переворачивается. Не то, чтобы я особо ему доверяла. Тем не менее, поделилась историей всей своей жизни. А он меня предал. «Ты тоже его предала», — напоминаю я сама себе.

Видя мою нерешительность, Талли наклоняется, чтобы погладить меня по руке.

— Знаешь что? Я считаю утро идеальным временем для рыбалки. И пока я поймаю на обед, у тебя будет время собраться с мыслями.

И когда через несколько часов она возвращается с уловом речной форели, я уже готова к разговору.

— Значит, ты лишилась своих сил, — Талли подытоживает мой рассказ. Мы только пообедали, и у обеих губы лиловые от ежевики. Она отправляет в рот последнюю ложку ягод со сливками.

Я киваю.

— Прошлой ночью я опробовала самое элементарное Чтение и безрезультатно.

Она ставит пустую миску на стол.

— Ну, так попробуй еще. Используй свой порошок. Со свечой это работает?

Я качаю головой.

— Нет, нужен настоящий костер на открытом воздухе.

— На улице, конечно, не так уж и холодно, но я разведу огонь.

Талли сразу принимается за дело, сносит в кучу щепки и дрова, и очень скоро перед нами уже потрескивает добротный костер. Пока она работает, я разбираю рюкзак. Я так давно не наводила в нем порядок, что обнаруживаю несколько вещей, о которых вообще забыла.

— Расскажи, для чего все это, — говорит Талли, накрывая мою руку своей. И я чувствую покалывание. Слабое тепло. Духовное родство. Как с Ном, или Кинаем. И связано это чувство с Йарой, или нет, я ему доверяю.

— Объяснить для чего используется каждая вещь, это как сказать, что базилик добавляется только в томатный соус. Все это можно комбинировать для разных видов Чтения, а кое-что использовать для Колдовства.

Ощущение, будто я снова с Уитом, обучаю детей общины азам Чтения Йары, а он наблюдает и дает советы, или вносит дополнения.

Талли вся во внимании, и я начинаю:

— В основе Чтения лежит представление, что в некотором роде все в природе живое. И все хранит собственную версию увиденного, или прочувствованного: будь то память об уже случившемся, о событиях, происходящих в данный момент, либо же, поскольку мы считаем время гибким, «память» о том, что случится в будущем. Все живое связано Йарой. Следовательно, Чтение — это способность установить контакт с природным элементом, способным обеспечить тебя нужной информацией. Еще Уит установил, что некоторые из них слишком надёжно хранят свои знания и подключаться к ним нужно с помощью специально подобранных предметов.

— В некотором смысле, это как Борегар. Он мой инструмент для чтения будущего, — говорит Талли.

— Мне кажется, все это звенья одной цепи, — признаю я, — ты используешь кости для соединения с Йарой, или как там ее называют женщины твоего рода. Точно так же и я отслеживаю очередную добычу, Читая череп животного.

Талли улыбаясь, толкает меня локтем.

— Сестры по Чтению. Я знала, что ты особенная. Все-все замолкаю. Продолжай.

Она проводит пальцем по необработанному аметисту.

— Драгоценные камни служат проводником практически для всего, — объясняю я и достаю из-под рубашки опал, — большинство моих соплеменников носят их постоянно, чтобы облегчить Чтение, правда, взрослые часто доверяют Чтение детям. У нас это лучше получается.

— Ты ведь самая способная? — спрашивает Талли, приподнимая бровь.

— Ммм, да, так и есть, — говорю я, немного смущаясь, — отец говорит, что моя мать, как и я, была особо одаренной, подобно математикам, или музыкантам-виртуозам, только наш дар состоит в умении использовать Йару. Мама стала бы следующим Мудрецом общины, если бы не умерла.

— Мне очень жаль, — тихо говорит Талли.

Я киваю.

— Это было очень давно. Как бы там ни было, из-за моей «одарённости», меня избрали следующим Мудрецом общины.

— Я так и думала, — говорит она с кривой улыбкой.

— Почему?

— Потому что мои богини не привели бы кого попало обучать меня особенностям

Йары. Только самого лучшего.

Улыбнувшись, я продолжаю показывать ей камни, травы, измельчённые минералы, кости, шкуры, мех и в том числе кроличьи лапки, а также разъясняю их различные назначения.

— И до всего этого додумался Уит? — спрашивает она, дослушав меня.

— Он говорит, что «избран вселенским разумом». Это огненный порошок Уита, — говорю я, указывая на мешочек с быстро истощающимися запасами, — он состоит из молотой слюды, гипса и других минералов, характерных для Аляски. Кстати, не считая камней, дети в первую очередь читают огонь, потому что это проще всего.

Я протягиваю мешочек Талли и, осторожно, чтобы не напрягать лодыжку, пересаживаюсь поближе к ней.

— Ты первая, — говорит Талли, взволнованная, как ребёнок на магическом представлении.

— Я же говорила, у меня сейчас ничего не получается. Но вот как это делается, — я беру щепотку порошка, бросаю в огонь, и он несколько секунд потрескивает, переливаясь серебром, — нужно полностью расслабиться. Замедлить сердцебиение. Замедлить дыхание. И сосредоточиться на человеке, которого хочешь увидеть. Можно даже назвать его имя, если это поможет. И затем открыться, чтобы позволить Йаре установить связь.

— Куда мне надо смотреть? — спрашивает Талли. Она уселась в позе лотоса и положила запястья на колени ладонями вверх, прямо как Уит на ежедневных занятиях по йоге со старшими. Это вызывает у меня улыбку.

— Посмотри чуть выше огня и немного в сторону. Постарайся увидеть образы на кончиках языков пламени и переливах тепла над ними.

— Человек должен быть жив? — спрашивает она, не смея отвести взгляд от костра.

— Да, Чтение огня показывает настоящее.

— Кто сказал? — недовольно спрашивает она.

— Уит — отвечаю я.

— Ну, ладно, — говорит Талли после раздумий, — Йара, покажи мне этого лживого паршивца Ника Шаудера, чтоб у него пипетка отсохла и сгнила к чертям.

Впившись глазами в огонь, она так щурится, словно пытается подчинить его силой взгляда. Я не могу сдержать смех, хотя и стараюсь не отвлекать ее.

— Что? — спрашивает она, наконец, с раздражением отвернувшись от огня. — Чего хохочешь?

— Я бы не советовала тренироваться на том, кого ты ненавидишь, — говорю я, — тут важно душевное равновесие. Как в медитации.

— Ну, тогда давай сама, — возражает она.

— Я же говорила, что не...

— Да нет же, просто сделай вид что читаешь, чтобы я взяла с тебя пример.

Я выпрямляю спину и делаю глубокий выдох, закрывая глаза.

— Папа, — шепчу я и, медленно поднимая веки, смотрю поверх огня. Я вижу, как языки пламени лижут воздух.

— Получилось? — спрашивает она. Я качаю головой.

Она вздыхает, встает и протягивает мне диванную подушку, чтобы подложить ее под стопу. Отойдя и порывшись в шкафу, Талли достала пластиковый контейнер и выскребла что-то со дна.

— Глина со дна реки, — сказала она, вернувшись и устроившись рядом со мной напротив огня. — Я лучше думаю, когда руки чем-то заняты, — говорит она и начинает раскатывать ее в ладонях.

— Рассказывая мне историю своей жизни, ты остановилась на догадке, что лишилась сил, из-за того, что разуверилась в Йаре. Но в твоих объяснениях я увидела лишь безграничную веру в нее. Ты вся светилась, когда о ней говорила.

— Все-таки, учитывая весь тот постапокалиптический бред, которым ваши взрослые пичкали тебя и остальных ребят, я не удивляюсь, что ты усомнилась во всем, чему тебя учили. Но не выплескивай вместе с водой и ребёнка*. Сейчас у тебя крайне важный период в жизни, Джуно. Есть люди, о которых ты должна позаботиться. На тебя рассчитывает целая община. Значит, ты обязана лучше это обдумать.

(*Выплескивать вместе с водой и ребёнка — идиома, означающая терять что-то ценное, избегая чего-то нежелательного. Прим. редактора.)

Глина уже приобрела продолговатую форму, и Талли мнет ее большими пальцами, как будто делает массаж.

— Судя по тому, что я слышала, именно этот человек предложил саму идею Йары.

— Уит взял за основу философию Гейи, — замечаю я.

— Да-да, не в этом суть, — говорит она, похлопывая глину рукой, пока ее поверхность не становится гладкой, — он собрал информацию. Во всём разобрался. Проанализировал другие похожие верования. Похоже, он неплохо поработал, собирая все воедино, чтобы создать мощный инструмент для тебя и твоего народа. Но это не значит, что он знает абсолютно все.

Я задумалась о том, что она сказала.

— Знаешь о чем я думала, Талли? Про тотемы, которые Уит использует для Чтения и Провидения. По его словам, они очень важны, хотя кажется, что они отвлекают от чистой связи между мной и Йарой. Зачем мне использовать проводник — будь то камень или кроличья лапка. Мне стоит напрямую обращаться к Йаре, чтобы узнать, что я хочу. Все побрякушки — это лишнее.

— Сомневайся во всем, Джуно. Усомнись во всем хотя бы раз. То, чего решишь придерживаться, перестанет вызывать сомнения. То, от чего решишь отказаться, заменишь тем, что сочтешь правдой, полагаясь на свою интуицию. Ты жила в хрустальной башне, из-под которой выбили фундамент. И это отстойно. Но сейчас тебе решать: погрязнуть ли в развалинах, или построить что-то попрочнее. Нет ничего лучше, чем сделать что-нибудь своими руками, — говорит она, указывая на дом, который построила сама, — или, в твоём случае, своим умом.

Она улыбается мне:

— Теперь, когда я закончила свою лекцию, держи награду внимательному слушателю. — Она протягивает мне глиняный шарик, который при ближайшем рассмотрении оказывается моей мини-копией. Высокие скулы, круглые глаза, колючие волосы, сделанные с помощью неоднократного пощипывания глины. Она даже звездочку в правом глазу сделала.

— Эй, у тебя действительно очень хорошо получается, — говорю я.

Она пожимает плечами, но выглядит довольной:

— Когда не строю дома из бревен, я — скульптор любитель.

— Спасибо, — говорю я.

— Это тебе спасибо, — отвечает она, — кажется, мы только что исполнили пророчество Борегара. Ты научила меня чему-то, ну или попыталась научить...Я буду и дальше практиковаться в Чтении огня, пока у меня не начнет получаться. И взамен я дала тебе пищу для размышлений, основываясь на собственном нелегком жизненном опыте. Я бы даже сказала, что мы квиты.

МАЙЛС

Я просыпаюсь от того, что мою дверь отпирает уборщица.

— Выселение было полчаса назад, — заявляет она, уперев руку в бок с таким видом, словно собирается вышвырнуть меня вон.

— Гм, можно мне пять минут, чтобы встать и одеться? — спрашиваю я. Она фыркает и выходит, оставляя дверь за собой открытой нараспашку. Я бросаю взгляд на светящееся красным табло будильника на тумбочке. 11:30 утра. После жесткой земли, первая ночь в кровати показалась мне вечностью, и я хочу проспать весь день.

И тут я вспоминаю, зачем я здесь, подрываюсь с кровати, натягиваю вчерашние джинсы, футболку и выбегаю к машине. Вчера я был настолько уставшим, что забил тащить с собой в комнату чемодан.

Давай, Майлс, думай. Реддинг и Портман уже должны были добраться в Солт-Лейк-Сити. Уит и его люди...кто знает, где они находятся? А Джуно? Она может быть где угодно — между заправкой и Солт-Лейк-Сити. Бесплезно искать ее в этом промежутке, если я знаю, что ее цель — это город. Она появится там, рано или поздно.

Я открываю багажник и выуживаю сухой завтрак и бутылку клюквенного сока. Джуно ничего подобного не видела и естественно загребла целиком упаковку из шести бутылок — я не могу сдержать улыбки, вспоминая ее восторг по этому поводу. Следующие три часа я жую сухие Капитан Кранч из коробки, запивая их соком (который не слишком хорошо взболтан) и направляюсь к Солт-Лейк-сити.

Но очутившись в городе, я и понятия не имею, с чего начать ее поиски. Я стараюсь думать, как она. Она говорила о пророчестве про змею и город у воды, которую нельзя пить, стало быть, по прибытию, она будет искать следующий кусочек головоломки. Но что бы она искала? Куда бы пошла искать знак?

Я катаюсь по центру города, разглядывая все, что попадает на глаза. Храмовая площадь. Капитолийский холм. Торговый район. Мне приходит на ум только то, что Джуно бесит вся эта современность и скорее всего она отправилась бы в парк или на набережную озера. У меня урчит желудок и я останавливаюсь у закусочной, заказывая еду с собой, чтобы пообедать на набережной. Когда я пытаюсь расплатиться с кассиром кредиткой, он возвращает ее как недействительную.

— Попробуйте снова, — говорю я, но в итоге все заканчивается тем, что мне приходится расплатиться наличными. У меня остается двадцать баксов бумажнике, поэтому я топаю к банкомату, который заглатывает мою карту с концами. Когда я прихожу в банк, мне заявляют, что карта числится как украденная. И тут меня осеняет.

— Какого черта, пап! — ору я в телефонную трубку.

— Следи за своей речью, молодой человек, — рычит он в ответ. — Я сказал тебе отправляться прямиком домой. Что ты забыл в Солт-Лейк-Сити?

— Как ты узнал, где я нахожусь? — возмущаюсь я.

— Мой помощник, Сэм, отслеживает использование твоей кредитки.

— Он заблокировал ее в связи с кражей!

— Он все исправит, как только ты убедишь меня, что едешь в Лос-Анжелес, и завтра я

тебя здесь увижу.

— Я не возвращаюсь домой. Я остаюсь здесь, пока не найду девушку.

— Если так, Майлс Блэквелл, то забудь про Йель. Этим занимаются мои люди, и я не хочу, чтобы ты все испортил.

— Но, пап, — начинаю я. На линии что-то щелкнуло — он повесил трубку.

Я возвращаюсь в машину, по дороге просматривая свой бумажник. Итого осталось двадцать баксов и папина карта Shell, которой я могу расплатиться только за бензин. Я не сдамся. Домой я ехать не собираюсь, но вот вопрос — где мне ночевать и чем питаться? Я не Джуно — я не могу выживать за счет природы. И что мне делать, пока я ее найду — ловить голубей с помощью зарядки от телефона и жарить их на костре в общественном парке?

Я нажимаю на кнопку, снимая блокировку с автомобиля, когда внезапно открывается багажник. Приходится обойти машину, чтобы его захлопнуть, и тут я краем глаза замечаю то, о чем совсем забыл: палатку и припасы.

Я оглядываюсь на, окружающий город, горный пейзаж и улыбаюсь. Я не могу позволить себе отель, а вот привал с палаткой — аж бегом.

ДЖУНО

К ночи я отчаянно пытаюсь уйти. Быть отрезанной от всякой связи с моей общиной заставляет меня чувствовать, что я ничего не контролирую, я едва могу усидеть на месте.

Талли помогает мне выйти на улицу, рисует палкой круг на земле и велит раскинуть кости Борегара, думая об отце. Это так похоже на установление контакта с Йарой, что я снова задаюсь вопросом: а что, если Читать и Колдовать можно не только по методу Уита. И Талли просто использует другую терминологию и другим способом получает ту же информацию из тех же источников. И хотя эта мысль несколько сбивает меня с толку, она приходится мне по душе. Я беру выбеленные старые кости в обе руки и бросаю в круг.

Талли садится на корточки и пристально их изучает. Она проводит пальцем по линии маленьких косточек, лежащих перпендикулярно к другим. — Не знаю почему, Джуно, но, кажется, что твои поиски заканчиваются здесь, прямо сейчас, в моем доме.

— Что? — охаю я.

— Ты сошла с пути, который должна принять, здесь. Она указывает пальцем на косточку в ряду. — Она выбивается из общего расклада, и пока ты не вернешь ее в строй, не продвинешься ни на шаг.

Она смотрит на меня. — Если разделить твоё путешествие на основные этапы, на важные Чтения, то, как бы оно выглядело?

Я задумываюсь. — Ну, сначала было Чтение огня, в котором я увидела Уита возле океана. Затем, в Анкоридже, мой оракул направила меня в Сиэтл. Где пожилой мужчина рассказал мне, как найти Майлса, и сказал, что я должна быть с ним честной, но не должна ему доверять. И...ох.

— Что? — спрашивает Талли, положив руку на бедро.

— Он сказал, что Майлс — тот, кто уведет меня далеко, — говорю я почти шепотом.

— Похоже, не так уж и далеко он тебя увел, — замечает она. — Тебе стоит поджать хвост и отправляться на его поиски. Убедить его продолжать путь с тобой.

— Но его отец преследует меня с какой-то непонятной целью. — Впервые за все время меня озаряет. — А если на самом деле отец Майлса работает с Уитом и его людьми? Что если его отец — и есть похититель моей общины?

Талли пожимает плечами. — Как бы там ни было, похоже, твою миссию оборвали на полпути. Тебе нужно: во-первых, найти парня; во-вторых, упросить его простить тебя за трюк с наркотиками и за угон машины; и в-третьих, убедить его не сдавать тебя в руки отца.

Я смотрю на нее. — Но без моих способностей к Чтению, как же я смогу его найти?

— Ну, это будет хорошим стимулом вернуть твои способности обратно. Если Уит умудрился отправить птицу искать тебя, можешь ли ты сделать то же самое, и отправить По искать Майлса?

Я киваю. — Я уже делала так раньше, правда на намного меньшем расстоянии, и это срабатывало.

— Значит, план действий таков. Как только будешь готова, дашь мне знать. Я могу пробежаться к магазину. Майки одолжит мне свой пикап, я вернусь по дороге, буду в полумиле отсюда, и отвезу тебя, куда тебе скажет направляться птица. Как тебе?

— Постараюсь с этим справиться, — отвечаю я. Хотя прошедшие двадцать четыре часа с Талли и подняли мне боевой дух, я все еще плаваю в море сомнений. Сегодняшний разговор с Талли стал для меня чем-то вроде звоночка к пробуждению. Я знаю, есть доля правды в том, чему меня учили. Но мне понадобится время, чтобы ее отсеять и решить, во что же я и правда верю. Что действительно имеет значение. А вот времени для этого у меня как раз таки и нет.

Словно читая мои мысли, Талли говорит:

— Если ты человек вроде меня, то тебе понадобятся годы, чтобы разложить все по полочкам в голове. Она обнимает меня за плечи. — Но одно дело — за один раз. Просто прямо сейчас сосредоточься на том, что тебе нужно. Мы попробуем найти твоего Майлса завтра.

Талли собирает кости и бережно складывает их обратно в мешочек. Затем оставляет меня с По, который сейчас на привязи, и выходит наружу. В окно я вижу, как она садится в кресло с книгой.

Она знает, во что она верит, и строит вокруг этого свою жизнь. Я завидую простоте выбранного ею пути, и на какое-то мгновение, я бы не отказалась вернуться в наше поселение на Аляске, где единственной целью было выживание, а я была уверена в том, во что верю. Я почти не возражала бы быть обманутой... если бы я никогда не столкнулась с ложью. Жила бы, не замечая обмана.

Жизнь куда проще в черно-белом цвете. Эта неоднозначность мира в серых оттенках, лишила меня уверенности в себе и оставила беспомощной.

МАЙЛС

Я провожу остаток этого дня и весь следующий, шатаюсь по Солт-Лейк-Сити. Во время, когда я не прочесываю наиболее подходящие для пребывания Джуно места, я сижу в библиотеке и ищу подтверждение рассказанным ею историям.

Оказывается, что ее Уиттиер Грейвз пестрел в заголовках еще в 70-х. Он относился к группе ученых, плотно задействованных в движении Гейи. Все они выступали в защиту планеты: за сохранение вымирающих видов, сдерживание изменений климата, ядерное разоружение и все в таком духе. В нескольких статьях ссылались на то, что Уит с несколькими коллегами исчез во время экспедиции в Южной Америке. И на этом все. После 1984 года о нем больше нет упоминаний.

Готов поспорить, перед тем, как отправиться на Аляску, он пустил слух про Южную Америку, чтобы просто сбить всех любопытных со следа. Кучка хиппи, обнимающихся с деревьями и избегающих общества — это еще куда ни шло. Но вот вся эта фигня с Третьей мировой смахивает больше на культ, который переезжают в другую страну и упиваются отравленным Кул-Эйдом*. И все это связано с контролем над разумом. Промыванием мозгов. История Джуно становится все более и более мне понятной.

(*Kool-Aid — популярный напиток на ароматизаторах, выпускаемый в виде порошка для разведения водой. Выражение «пьющий Кул-Эйд» означает человека, бездумно подчиняющегося кому-либо без осознания последствий этого. Своим происхождением обязано религиозной организации «Храм народов», основанной в Индиане в 1955 году Джимом Джонсом. В 1977 году Джонс с рядом своих последователей переезжает в поселение Джонстаун, в Гайане, основанное членами «Храма народов» и названное так в честь главы организации. По официальной версии, при визите в Гайану был убит конгрессмен, к чему были причастны члены общины. После этого Джонс собрал всех жителей Джонстауна и в результате проповеди убедил большинство из них совершить «революционный акт самоубийства», приняв яд. Люди выпили смесь из Кул-Эйда, цианида и разного рода наркотических препаратов. В результате этой акции 909 человек погибло от яда. Сам Джонс позднее был обнаружен мертвым с пулевым ранением в голове.)

ДЖУНО

Этой ночью я даю отдых своей лодыжке и размышляю обо всем. Демонстрация Талли всех амулетов и тотемов, что мы использовали для Чтения и Колдовства натолкнула меня на мысль. По совету Талли, я стараюсь поддавать все сомнению и думаю в первую очередь о себе.

Мне кажется, Уит не во всем прав. Мне не нужна помощь для Чтения или Колдовства. Мне не нужно использовать что-либо для связи с Йарой. Я живое существо, близкое к Йаре — и я должна быть способна связываться с ней напрямую. Сама по себе. И на этот раз, ложась спать, я снимаю с себя ожерелье с опалом. Ну, хорошо, оно лежит в пределах досягаемости на полу, но все же это первый шаг. Я собираюсь стать сильнее и эта сила будет исходить от меня.

Когда я просыпаюсь на следующее утро, Талли уже и след простыл. На столе стоит завтрак с запиской "Отправилась искать колеса". Я ем и одеваюсь, затем жду вместе с По снаружи, пока мы не замечаем вдали красный пикап, заезжающий на поляну у основания горы.

Я ковыляю наружу, и как бы я ни старалась беречь свою лодыжку, я буквально бегу вниз по склону горы. Талли встречает меня на полпути. Она оглядывает мой рюкзак, который был собран еще со вчерашнего вечера, а затем мое лицо, покрасневшее от бега и нетерпения поскорее двинуться в путь.

Она упирает руки в боки:

— Ты уверена, что не хочешь погостить у меня еще пару деньков?

— Хм, я, ээ... — запинаясь я, прежде чем понимаю, что она меня подкалывает. — Я на сто процентов уверена, даже более, ты самая гостеприимная хозяйка.

— Тогда идем, — Талли забирает у меня рюкзак и закидывает его в кузов пикапа. — Вернем тебя на твой путь.

МАЙЛС

В первую ночь установка палатки заняла кучу времени. После всех моих усилий и усталости от ходьбы весь день, я не возражал против твердой земли. И уснул в тоже мгновение, как голова коснулась подушки.

Сегодня вечером я поставил палатку также быстро, как и Джуно. Вдохновленный этим успехом, я решил испытать удачу и, впервые в жизни, развести костер. Не потому, что было холодно — так, немного прохладно, но не настолько, чтоб зажечь огонь — я просто хотел проверить, смогу ли я.

Честно говоря, рядом с Джуно я чувствовал себя неловко на природе. Да и зачем мне в Лос-Анжелесе разводить костер? Я уверен, что есть миллион вещей, которые я знаю, как делать, а она нет. Ну, например, она никогда не водила машину.

До того, как украла мою. Готов поспорить, что она никогда не пользовалась компьютером. Хотя что-то мне подсказывает, она и этому быстро научится. Очевидно, что она умная. Интересно, как быстро она привыкнет к реальному миру. А еще, где же ее отец и община?

Хотя остальная часть ее истории кажется сплошной выдумкой. Похищение целого поселения, это уже перебор. Хотя, маловероятно, что они собрались и ушли без нее.

Я сооружаю шалаш из маленьких веток, затем добавляю дрова покрупнее, как это делала Джуно. Я уже собирался разжечь костер, когда услышал звук приближающейся по грунтовой дороге машины. Я замер. До сих пор никто не приближался к моему лагерю, насколько я знаю, и я боюсь, что лесники или полицейские арестуют меня за то, что я нахожусь здесь, ведь это не официальный кэмпинг. (Я видел много указателей на дорогах, ведущих к ним, но все они стоят денег, а я надеюсь протянуть на мои пять баксов как можно дольше).

Моим первым желанием было спрятаться, но если это копы, они всего лишь проверят мои номера и может даже позвонят отцу, так как машина зарегистрирована на него. Прежде, чем показывается автомобиль, что-то большое и черное летит прямо на меня, я пригибаюсь и оно проскальзывает всего в нескольких дюймах над моей головой.

Обернувшись, я вижу, что Птица — ну, ладно, По — приземлился и склонил голову набок, словно мой испуг кажется ему забавным. А затем в конце грунтовой дороги рядом с моей машиной тормозит красный пикап.

Я не могу сказать, кто внутри, пока они не выключают фары, а затем я вижу, как Джуно отходит от пассажирской двери и медленно идет ко мне. Она немного прихрамывает, и серьезное выражение на ее лице, вместе с фактом, что водитель не выходит из пикапа, информирует меня о том, что она хочет поговорить со мной наедине.

— Добро пожаловать в мой кэмпинг, — я с гордостью указываю на разбитую палатку и почти разведенный костер. Джуно туда даже не смотрит.

Она идет ко мне, глядя прямо в глаза, и на какую-то секунду я опасаясь, не собирается ли она подойти в упор и дать мне в глаз. Но она останавливается в двух шагах, руки опущены по швам, подбородок гордо поднят — в общем, в излюбленной позе, предшествующей серьезному заявлению.

— Я здесь вовсе не потому, что этого хочу, — говорит она. — Я здесь, потому что я должна. Мне необходимо, чтобы ты продолжил со мной путешествие.

— А я уже было подумал, ты пришла извиниться.

— За что? — спрашивает она, с негодованием перемещая руки на бедра.

— За то, что накачала меня наркотой, а потом еще и говорить заставила, пока я витал в облаках.

— Как насчет того, что ты пытался сдать меня в руки своему отцу? — ее голос так и кипит от гнева.

— Я бы хотел тебе это объяснить, — я беру ее за руку, притягивая поближе. Ее кожа теплая и я обнаруживаю, что смотрю вниз на ее губы, прежде чем снова перевожу взгляд на ее глаза. Я облизываю губы и пытаюсь сфокусироваться. — Джуно... причина, по которой я все еще здесь, а не в Лос-Анжелесе — я хочу взять тебя с собой, чтобы отец смог собственными глазами убедиться, что ты не та, кого он ищет.

— Не собираюсь я никуда ехать и затягивать поиски моей семьи, — заводится она и выдергивает свою руку из моей. Но затем замечает мою серьезность и уступает. — Хорошо. Объясняй.

— Мой папа владеет фармацевтической компанией, — начинаю я. — Существует новое лекарство, которое он хотел бы прибрать к рукам — в смысле, купить. Но парень, с которым он вел дела, исчез. Он слышал, что по какой-то причине, ты — ключ к получению формулы.

— Я? — изумляется она.

— В его описании говорилось о семнадцатилетней девушке с Аляски, около 168 см ростом, с длинными черными волосами и украшением в глазу в виде звезды.

— Похоже на меня, — соглашается она. — Но я ничегошеньки не знаю о лекарствах. Жители моей общины медициной и не пользуются. Все, что у нас есть — это аптечка первой помощи, на случай порезов и переломов.

Знаю, она говорит правду. Такое замешательство не подделаешь.

— Я говорил, что он ошибается, но он не поверил. Послал своих людей — парней, что преследовали тебя в Сиэтле. Видел их вчера неподалёку. Теперь они здесь, в Солт-Лейк-Сити, наготове.

— Так если ты знаешь, что ему нужна не я, почему так стремишься доказать это отцу?

— С тех пор как меня выгнали из школы, я у него на плохом счету. Думаю, мое поведение искупил бы тот факт, что я так далеко зашёл в стремлении тебя найти и доказать, что его источники ошиблись. Но я не собираюсь заставлять тебя идти со мной, если ты не хочешь. Как и не собираюсь сдавать тебя им.

Она делает паузу, обдумывая ответ. — Майлс, я поеду с тобой к твоему отцу, если сначала ты отправишься со мной искать родителей. Я не смогу найти их без тебя.

— Почему? При чем тут я? Это я так сказал, когда был в роли оракула? — я не могу удержаться от нотки горечи в голосе.

— Нет, — отвечает она и ее губы расплываются в улыбке. — Как бы ты отреагировал, если бы я сказала, что об этом мне поведали столетние косточки опоссума?

— Сказал бы, что это в твоём стиле. Ну и ладно, я готов смириться со всем, что ты скажешь, если ты не будешь ничего делать со мной без моего ведома. И не будешь угонять мою машину.

Она пытается сдержать улыбку и протягивает руку.

— А здесь должна быть моя реплика, — раздаётся голос из пикапа. Из кабины выходит

женщина с гривой рыжих волос и направляется к нам. — Я — Талли, — представляется она.

— Майлс, — отвечаю я, и она с чувством пожимает мою руку.

— Польщена, — добавляет она и поворачивается к Джуно. — Так ты в порядке? — спрашивает она и что-то проскальзывает между ними, говоря мне о том, что за пару дней они успели обсудить массу важных вещей. Джуно кивает. — Спасибо за все.

Талли отдает Джуно ее рюкзак. — Если я тебе понадобится, ты знаешь, где меня найти, — говорит она. — Только держи это в секрете.

Джуно улыбается. — Конечно.

Они коротко обнимаются, и Талли возвращается в пикап и уезжает в ночь. Мы с Джуно остаемся стоять, не зная, с чего начать разговор.

— Ты выглядишь... иначе, — замечаю я.

Она опускает глаза. — Это одежда Талли. Она заставила меня ее надеть.

— Она тебя заставила?

— Она спрятала мою мальчишескую одежду и заявила, что либо я надеваю ее одежду, либо хожу голышом, — смущенно отвечает Джуно.

Не то, чтобы она одела платье — на ней всего лишь пара черных джинсов и красная рубашка с V-образным вырезом, — но они ей определенно к лицу. Джуно не худышка, но и плотно сложенной вы бы ее точно не назвали. Что-то среднее. Она намного ниже меня и я мог бы легко подхватить ее на руки. Но от этого я пока воздержусь — отхватить тумачков я всегда успею.

— Хорошо выглядишь, — говорю я.

Она ухмыляется. — Ты тоже выглядишь ничего, — отвечает она и переводит взгляд на сложенный мною хворост, — но этот костер смотрится хуже, чем я могла себе представить. Я смеюсь и напряжение между нами спадает. Джуно идет приводить в порядок костер, в то время как ворон перелетает к палатке и обустраивается там как дома.

У меня появляется непонятное чувство. Это хорошее ощущение, но я не могу понять, что именно. И внезапно до меня доходит. Это чувство, что я там, где я должен быть — в нужное время в нужном месте. С нужным человеком.

Я смотрю, как Джуно разводит огонь и отблески пламени играют на ее волосах. Они кажутся такими мягкими, что мне хочется к ним прикоснуться и пробежаться пальцами сквозь короткие пряди. Похоже, в этот раз она проделала с волосами что-то еще, помимо оборачивания головы полотенцем. Должно быть и тут Талли настояла на приведении прически в порядок.

— Ты хочешь чего-нибудь поесть?

— Нет, мы с Талли поели в машине.

— Так как ты меня нашла? Через воронью почту?

Хоть я и шучу, меня осеняет, что до этого момента я и не задавался вопросом, как эта девчонка умудрилась меня найти у черта на куличках. Наверное, потому что она сама воспринимает все, как так и надо — для нее в порядке вещей что: 1) Я торчал, ожидая ее в Солт-Лейк-Сити; 2) А находит она меня, когда я один посреди гор.

— Нам придется поговорить об этом, Майлс, — говорит она, садясь к огню и роясь в своем рюкзаке. — Я знаю, ты не веришь ничему, что я рассказала тебе о Йаре, Чтении, Колдовстве и всем таком, но...

— Я поднимаю руки вверх. — Слушай, давай лучше вообще не будем касаться этой темы.

Она не смотрит на меня. Просто опускает голову на ладони и сжимает виски. — Хорошо, — выдавливает она, наконец. — О чем тогда хочешь поговорить?

— Ты шла прихрамывая. Ты поранилась? — спрашиваю я.

Она кивает. — Уит и его люди нашли меня на заправке — там, где я оставила твою машину. Кстати, рада знать, что ты ее нашел.

Я киваю. Что-то я пока не готов обсуждать этот эпический автогон.

Она продолжает. — Мне пришлось бежать. Попала ногой в нору и повредила лодыжку.

— А как тышла...как ее зовут, Талли?

Джуно кивает. — На самом деле это Талли меняшла. У нее дом в горах и я гостила там последние несколько дней.

— Что насчет поисков родителей? — спрашиваю я. — Какими будут следующие шаги?

— Ну, у меня есть зацепка. Кое-что еще, что ты сказал мне, когда я тебя Читала — то есть... когда ты был моим оракулом.

Я разом выдыхаю весь воздух и чувствую себя уставшим.

— Что? — налегает Джуно и в ее прищуренных глазах читается вызов.

— Может, было бы лучше, если бы мы просто составили план. Помимо «Чтений», у тебя есть хоть какие-нибудь стоящие догадки того, где могут находиться твои люди? Например, есть ли место, куда они могли уйти, в случае если им срочно пришлось покинуть поселение? Ведь они бы не бросили тебя одну специально.

Но она видит по моим глазам, что именно так я и считаю, и ее лицо вспыхивает румянцем. — Как я тебе уже сказала, они были похищены мужчинами на вертолетах, — говорит она, понизив голос.

— Но Джуно, — возражаю я, — ты услышала только звук вертолета и обнаружила, что твоя община пропала. Я думаю, тебе стоило бы рассмотреть и другие варианты.

Она встает, и я замечаю в свете пламени, как она дрожит. — Майлс, мы не сможем с этим справиться, если ты мне не поверишь.

Я невозмутимо остаюсь сидеть. — Джуно, я не могу тебе поверить. Прости, но то, о чем ты говоришь — это магия. А настоящей магии не существует. И ты не сможешь меня переубедить, пока не покажешь мне что-то, что я смогу увидеть собственными глазами.

Ее лицо багровеет, а руки от злости сжимаются в кулаки. — Я твой телефон сломала, знаешь ли, — в ее голосе слышится угроза. — И ты прекрасно видел, как я это сделала.

— Айфоны все время ломаются. Так что этому есть рациональное объяснение.

— Что скажешь насчет По? — не отступает она.

— Насчет него? Должно быть, его еще до этого прикормили люди, отчего он обленился до жути и готов таскаться за тобой повсюду, лишь бы не искать самому корм.

— Бессмыслица, — возражает она. — Я использовала его сегодня, чтобы тебя найти. Я мысленно показала ему тебя и попросила Йару помочь с поиском.

— Ладно, это странно, но я уверен, что и этому можно найти объяснение.

Я чувствую укол вины за то, что пытаюсь навязать ей эту точку зрения, но так надо. Пора бы Джуно уже принять реальность.

— Не проси меня доказать что-то прямо сейчас. Я едва начала приводить свои знания в порядок. Она выглядит так, будто с каждым словом ей приходится расставаться с унцией гордости, признаваясь в этом мне.

— Ты заявляешь, что смогла заколдовать По, чтобы он меня нашел, — говорю я.

— Это было правда сложно. И заняло весь день.

Я пожимаю плечами, словно говоря «Видишь?»

— Ну, так давай, вперед. Сделай что-нибудь.

Настаивая на этом я хоть и чувствую себя полным засранцем, но и отступить не собираюсь. В ее глазах отражается замешательство и по взгляду я могу судить, что ее единственное желание сейчас — это смазать мою самодовольную ухмылку хорошей оплеухой. Повернувшись, она ковыляет к своей сумке, копается в ней, вытягивает кроличью лапку, и замирает с закрытыми глазами, крепко зажав ее в руке. Она так сильно пытается сконцентрироваться, что, кажется, будто она сейчас взорвется.

Я жду. — Что-то должно произойти? — спрашиваю я спустя какое-то мгновение.

Ее глаза широко распахиваются и я уверен, если бы она могла пальнуть в меня лазерным лучом из своего «звездного» глаза, то сделала бы это прямо сейчас. — Должно быть, это все кроличья лапка, — слышу я свой голос, прекрасно зная, что уж лучше мне помалкивать. — Наверное, магия в ней забарахлила.

Она смотрит на меня с нескрываемой ненавистью и затем с размаху швыряет кроличью лапку прямо в костер, где она тут же сгорает в языках голубого пламени.

— Охренеть! — восклицаю я, когда она начинает приближаться ко мне, со сложенными на груди руками. — Я не хотел, чтобы ты превратилась в Воспламеняющую взглядом и уничтожила свой амулет. Я просто предложил...

Запнувшись на полуслове, я начинаю пятиться назад. Ни следа не осталось от миролюбивой Джуно десятиминутной давности, готовой на уступки, лишь бы я повёз её дальше. Теперь это разъярённая богиня. Фурия. И она готова снести мне башку.

— Прости! — выпаливаю я, прости за целую кучу всего. Прости, что пытался впечатлить отца, разыскивая тебя. Прости, что смеялся над тобой, называя девчонкой с промытыми мозгами, из-за твоих заблуждений. Прости, что провоцировал только ради навязывания своей точки зрения.

— Честно, Джуно, мне так жа... — повторяю я, но слова застывают у меня на губах, поскольку она останавливается в метре от меня. Руки опущены, кончики пальцев едва касаются бёдер, Джуно смотрит свысока. И растворяется в воздухе.

Мне хватает трёх секунд, чтобы собрать вещи, забросить их в машину и прыгнуть за руль. Я поворачиваю ключ в замке зажигания, включаю заднюю передачу и вдруг... мотор начинает хрипло кашлять и машина глохнет. Затем в ослепительном свете, словно убийца из ужастика, появляется Джуно. Уперевшись одним пальцем в капот машины, а другим в бок, она окидывает меня ледяным взглядом.

Я снова пытаюсь завести машину. Бесполезно. Джуно обходит машину с пассажирской стороны, садится внутрь и захлопывает за собой дверцу.

— Теперь веришь?

Она смотрит из окна на По, который взволнованно мечется вокруг машины, словно переживает, как бы не уехали без него.

— Теперь ты поджарила мою машину, — только и удается мне вымолвить. Я в шоке. Дверная ручка упирается мне в спину и я понимаю, что я отодвинулся как можно дальше от нее.

— Ты меня бросить собирался, — парирует она, глядя мне в глаза. Она выглядит разозленной. Обиженной. Но здесь кроется что-то еще, чего не было прежде. Нечто тяжелое и холодное, пронзающее мою грудь страхом, словно иглой.

Я отвожу взгляд и глубоко вздыхаю.

— Ты же, черт возьми, исчезла.

— Это тебя напугало? — спрашивает она с любопытством.

— Да, это меня напугало, — замечаю я. — Могла бы и предупредить.

— Я все время говорила тебе правду, — добавляет она с горечью.

— Хорошо, ну, скажем... ты бы поверила мне, если бы я сказал, что могу летать? Или, я не знаю... стану голубого цвета, если объежся черники? От страха мой голос подскочил на целую октаву и я чувствую, как покрываюсь потом.

На мгновение Джуно бросает на меня странный взгляд и тут же заходится смехом. Пугающий блеск в её глазах исчезает, и я с облегчением падаю головой на руль, пытаюсь успокоить барабанное стаккато своего сердца.

Я, наконец, поднимаю глаза и вижу, что Джуно сидит с закрытыми глазами, откинувшись на подголовник.

— Ты сделала это, — взволнованно говорю я, — ты совершила волшебство.

— Колдовство, — исправляет она меня.

— Да пофигу.

ДЖУНО

Я сижу у огня и внезапно чувствую себя бесконечно уставшей. Я едва могу в это поверить. Я только что Колдовала и при чем без всяких амулетов. И это не было похоже на Чтение или Колдовство, что я делала прежде.

Я всегда чувствовала покалывание при контакте с Йарой. Взрослые, которым довелось пожить в электрифицированном мире до войны...до того, как они добровольно изолировались от общества, описывали ощущения от контакта с Йарой, как легкий удар током.

Но во время Заклинания физического изменения без кроличьей лапки, я не просто связалась с Йарой. Я не только настроилась на одну волну со всем живым. Я погрузилась в нее с головой. Слилась воедино. Каждой клеточкой своего естества я чувствовала воссоединение с энергией вселенной. Это был не легкий удар током. Это было больше похоже на грозовой разряд.

Я понимаю, что, наконец, сделала что-то правильное. Что-то настоящее. И пусть я Колдовала без помощи амулета только раз, но обрела твердую уверенность в своей теории: все эти камни, порошки и травы, использовать которые учил меня Уит — просто подпорки. Костыли. Как стремянка, по которой поднимаются на высоту, до которой можно и так допрыгнуть без какой-либо помощи.

Я слышу звук закрывающейся автомобильной дверцы и приближающиеся шаги. Майлсостанавливается рядом со мной — но не очень близко — и приседает у огня.

— Я не знаю, что сказать, — бормочет он.

— Тебе и не надо что-то говорить. Мне просто нужно, чтобы ты мне поверил.

Он кивает и обнимает себя руками. И через мгновение говорит:

— Значит, и все остальное, о чем ты говорила...

— Все, о чем я говорила — правда. Когда Фрэнки сказал, что я должна быть честной с тобой, я отнеслась к его словам со всей серьезностью. Вот поэтому я здесь. Ты — тот, кто далеко меня заведет.

Майлс ещё раз кивает и смотрит на огонь.

— Что будет, если ты пойдёшь одна? — спрашивает он, не отводя взгляд.

— Вероятно, я просто не получу следующий знак, который необходим, — отвечаю я. — Или совершу роковую ошибку.

Склонив голову, он краем глаза поглядывает на меня. Выражение его лица чем-то меня тревожит. Он кажется...не напуганным, но уязвленным. Я понимаю, он предпочел бы контролировать ситуацию. Я же ставлю его в положение, при котором от него вообще ничего не зависит. При котором он понятия не имеет, чего ожидать.

— Майлс, ты не думай, что я волшебница, или что-то в этом роде. Я просто самая способная в общине.

Он задумчиво кивает. — Хорошо, тогда другой вопрос: как мы собираемся куда-либо ехать, если ты поджарила машину?

— Я думаю, я смогу исправить это утром.

Он оглядывается на огонь. Я могу сказать, что этот разговор сложен для него. Он

закрывает глаза, дышит глубоко, и поворачивается посмотреть на меня. — Итак, каков следующий шаг?

— Ты дал мне еще одно пророчество. Правда, я его еще не разгадала, — я тянусь к его руке, но он ее отдергивает.

— Извини, у меня уже мозг закипает.

— Значит, было лучше, когда ты считал меня чокнутой?

— Почти. По крайней мере, этому можно было бы найти объяснение. Я думал, ты бредила, рассказывая мне, как ты использовала меня в качестве оракула. Я тебе и правда нарасказывал вещей, которые оказались правдой?

Я киваю.

— Во всяком случае, я на это надеюсь. Иначе, нам не получить следующее пророчество. Только, по сути, говорил не совсем ты. Ты просто был каналом связи с природным коллективным подсознанием.

— Пожалуйста, не начинай опять об этом, — нахмуривается он. — Считать себя каким-то там каналом — это уже верх странности.

Я сдерживаюсь, чтобы не попробовать опять к нему коснуться. Мне хочется его подбодрить. Сказать, что ничего страшного здесь нет. Но это было бы неправильно. Для него все очень серьезно. Нужно дать ему время это переварить. Оставить одного.

— Я иду спать, — говорю я. Он поднимает на меня глаза и я читаю выражение его лица, словно неоновую вывеску. — Не волнуйся. Я к тебе не прикоснусь, — говорю я, — я ничего тебе не сделаю... без твоего ведома.

Он кивает и оглядывается на огонь.

Я отворачиваюсь от него, выдыхаю, и иду к палатке. Я надеюсь, мне это не понадобится.

МАЙЛС

Я забираюсь в свой уголок палатки, хотя и уверен, что сегодня не засну. Лежа на своей половине, я смотрю на Джуно. Она примостила рядом с собой арбалет и спит, повернувшись к нему лицом. Она выглядит совершенно нормальной девушкой, вот только в ней есть все, что угодно, кроме этой самой нормальности.

Она утверждает, это не магия. Ага, думаю я, у меня душа уходит в пятки, стоит только вспомнить выражение ее лица в момент исчезновения. Не магия? Чуть собачья.

Мне вспоминается урок истории в школе, когда мы изучали колонизацию Америки. Коренные американцы здорово испугались, впервые увидев у европейцев винтовки, и окрестили их волшебными «огненными палками».

Вот и я сейчас чувствую себя индейцем: только потому, что я не понимаю Йару, еще не значит, что ей нельзя найти логическое объяснение. Если я когда-нибудь смогу понять механизм, как это все у Джуно получается, то и воспринять Йару только как инструмент мне будет проще.

Размышляя обо всем, я не замечаю, как течение сна подхватывает меня и уносит прочь.

Я просыпаюсь в пустой палатке. Откинув полог, я замечаю сидящую ко мне спиной Джуно. В поднятой вверх руке она держит небольшой камень, а прямо под ним, в футе от земли, в воздухе парит второй, размером с яйцо. И хотя мне больше всего сейчас хочется задернуть полог и спрятаться в палатке — я все же откидываю его и выхожу наружу.

Услышав меня, Джуно оборачивается. — Доброе утро, — говорит она и возвращается к своему парящему камню, как ни в чем не бывало. Он медленно опускается, пока не зависает в дюйме от земли и затем падает вниз с мягким стуком.

Я оглядываю стоянку. Чего-то не хватает и сначала я не могу понять чего именно. — Птица, — говорю я, наконец. — Куда подевался По?

— Улетел. Его уже не было, когда я встала на рассвете и он не возвращался.

— Думаешь, он полетел к Уиту? — спрашиваю я.

— Или ему просто надоело околачиваться вокруг нас, — отвечает она, но по тому, как она плотно сжимает губы, похоже, сама не верит, что он мог улететь добровольно.

Я присаживаюсь рядом с ней у выгоревшего костра. — И для чего левитация камнями?

— Практика, — поясняет она.

— Зачем? Кажется, после вчерашнего исчезновения, твои силы к тебе определенно вернулись.

— Это не силы, — настаивает Джуно, — Чтение — это умение обращаться к Йаре за ответами. Колдовство — по существу, способность воздействовать на свойства чего-то: заставить По найти тебя, замаскироваться, сломать твой телефон. Но на Аляске я мало Колдовала. Поэтому, сейчас экспериментирую.

— Называй это, как хочешь, — отмахиваюсь я. — Но могу я у тебя спросить...почему ты никогда до этого ничего мне не показывала, если видела, что я тебе не верю?

— Потому что Йара — это не игрушка, а инструмент, используемый для значимой цели. По крайней мере, так учил меня Уит. Он бы посчитал легкомысленным использовать Йару только чтобы что-то кому-то доказать.

— И твоей значимой целью сейчас является левитация камня? — скептически замечаю я.

— Наверное, мне уже все равно, что там считает Уит, — отрезает она и в ее глазах снова появляется холодный блеск.

— Так ты теперь вероотступница? — спрашиваю я, позволив себе легкую улыбку.

Джуно смеется. — В общем-то да. Она самая. Мы с Талли говорили о том, как докопаться до истины, отделив собственные убеждения от навязанных воспитанием и отбросить то, что тебе чуждо. Именно это я и делаю с Йарой. Вчера вечером я поняла, что не нуждаюсь в амулетах. Что они лишь тормозят соединение, и без них моя связь с Йарой только прочнее. Теперь осталось лишь выяснить, какие возможности на самом деле открывает передо мной эта связь.

— Могу я попробовать? — спрашиваю я. Она передает мне булыжник и я удерживаю его над гладким камнем. — Что мне дальше делать?

— Я заколдовала элементы в камнях таким образом, что они намагнитились.

Я возвращаю ей камни, даже не пытаясь что-то сделать. — Ладно. Прошу считать меня официально не колдующим.

— Как я уже говорила, это целый образ жизни и мышления. Я уверена, у тебя все может получиться. Правда, для этого потребуется какое-то время.

— А поедание Поп-Тартс на завтрак помогает тебе в единении с природой, — я киваю на пустые обертки из фольги у ее ног.

— Как ты сказал, — смеётся она, — я становлюсь вероотступницей.

— Не имею ничего против твоего здорового питания, но тебе не приходила в голову мысль, проехаться в город и нормально позавтракать?

Джуно встает. — Мы с Талли проезжали вчера мимо одного местечка по пути сюда.

— Эм, кажется, мы забыли кое-что важное, — я встаю и отряхиваю листья с джинсов. — Машину. Поджаренную Девушкой-Невидимкой.

— Я починила ее. Ну, мне так кажется. Можешь пойти и сам проверить.

— Что ты сделала? — спрашиваю я, уже рисуя в воображении, как она голыми руками соединяет провода, или проводит какой-то автомобиле-исцеляющий ритуал.

— Вот это хороший вопрос. Я не разбираюсь в устройстве машины. Связь с Йарой — это связь с коллективным бессознательным природы. Поэтому вчера я прикинула, какая природная сила могла бы повлиять на работу машины, при этом, не испортив ее безвозвратно, и решила попробовать влагу. Я подумала «Заставь что-либо важное отсыреть» и у меня в голове появилась картинка с такими маленькими, серебристо-белыми цилиндриками. Я могла видеть, как из них вылетает то ли электричество, то ли искры и заставляют машину работать. Так что вчера вечером я попросила Йару заполнить пространство вокруг них водой и они перестали работать.

— Те маленькие цилиндрические штучки называются свечами зажигания, — поясняю я.

— Окей, — говорит она, пропуская термин мимо ушей. — Сегодня утром я представила, как они высыхают. Так что все должно работать.

Я удивлённо качаю головой:

— Так мне разбирать палатку, или нет?

— Я рассчитываю сегодня разгадать твоё последнее пророчество, — говорит она, затаптывая ногой остатки костра, — в таком случае, мы должны быть готовы незамедлительно ему последовать.

Я принимаюсь вытаскивать колышки, складывая их в чехол. И при этом не могу

сдерживать улыбку. Проходить через все эти походные радости куда веселее вместе с Джуно.

Через десять минут мы уже в машине. Я поворачиваю ключ зажигания и машина заводится с полуоборота. Я окидываю Джуно взглядом, приподнимая бровь от изумления.

— Сухие свечи зажигания, — говорит она, так и сияя от гордости.

Я разворачиваю машину и начинаю съезжать по грунтовой дороге к главному шоссе. — Так если ты использовала воду для свечей зажигания, то тогда чем же ты поджарила мой телефон?

— Огнем, — отвечает она. — Забавно, когда ты говоришь «поджарить», потому что именно это я себе и представляла. Я расплавил там что-то внутри.

— Полагаю, его починить ты уже не сможешь, — я киваю на свой Айфон, лежащий на приборной доске.

— Не-а, — подтверждает она мою догадку и хватает телефон двумя пальцами, — смешно смотреть, как ты над ним трясешься. Может пора его уже выкинуть?

Спустя полчаса мы сидим в кабинке закусочной «У Рут», уплетая молочные панкейки с клубникой. Джуно собирается пить кофе, высыпав в него целый пакетик сухих сливок, отчего теперь оно больше смахивает на желтовато-коричневый раствор не пойми чего. Она кривится, делая глоток.

— Тебе не обязательно пить кофе, — говорю я. — Некоторые люди на завтрак пьют чай. Конечно, не те, кого я знаю, но...

— Пытаюсь приспособиться, — говорит она, прищурив глаз, и с отвращением морщит нос. Но я-то вижу, что душой она сейчас не за столом. Мысли ее витают далеко-далеко. И вот она сидит с минуту, словно в трансе, а потом качает головой.

— Я просто не могу избавиться от мысли, как взрослые могли врать своим собственным детям все эти годы.

— Вместо «как», стоило бы спросить «почему», — говорю я. — Мне ваши взрослые кажутся хорошими людьми, и если они соврали вам, значит на то была причина.

— Я уже прокрутила в голове столько вариантов, — признаёт она, — их убеждение, что человечество наносит вред земле, мне понятно. И оно вполне обоснованно. Но почему бы, отвезя нас к чёрту на кулички, не указать это как причину? Зачем сочинять такую детальную легенду?

— Видимо, они не хотели, чтобы вы оттуда уехали, — предполагаю я, — раз они удерживали вас на такой небольшой территории, значит, имели серьезные основания оградить вас от контакта с остальным миром. Например, боялись преследования. Или считали своим долгом сохранить некую тайну. Кстати, и то, и другое могло послужить причиной их похищения. И всё же, похищение нескольких десятков людей — это перебор.

— А столько врать — не перебор?

— И то правда.

Мы оба молчим, но мне не дает покоя какая-то мысль, засевшая в уголке подсознания.

— Хорошо, — наконец говорю я, — почему бы нам не начать с очевидного? Например с твоей «звездочки». Расскажи мне о нейпобольше.

— Такие есть у всех детей нашей общины. Они показывают нашу близость к Йаре.

— Но взрослые вроде как бы тоже близки с Йарой, и у них ничего подобного нет?

— Нет, — отвечает она. — Они поясняли это тем, что мы первое поколение детей, с рождения связанных с Йарой. Дети Гейи — или земли. Они все практиковались в этом, когда прибыли на Аляску. А мы были уже воспитаны, не зная ничего другого.

— По-твоему, это звучит правдоподобно? — спрашиваю я как можно деликатней. Потому как, на мой взгляд — это бред сивой кобылы.

— Теперь, когда я знаю, сколько раз взрослые нас обманывали — нет. Вообще не правдоподобно. Но мы безоговорочно верили этому объяснению...да и с чего нам было сомневаться в их словах?

— Если у каждого новорожденного ребенка в общине образование в глазу в виде звезды, должно быть твои родители и их друзья подверглись воздействию чего-либо на Аляске. Наподобие радиации или чего-то в составе воды. Но вот что странно, зачем бы им тогда врать вам об этом? Мне кажется, они могли бы выяснить, что именно произошло и так это и назвать: генетическая мутация. — До меня доходит, что я ляпнул, и я торопливо беру Джуно за руку. — Я имею в виду, хорошая генетическая мутация, а не какое-то там уродство.

Вяло улыбнувшись, она накрывает мою руку своей, чтобы показать, что не обиделась, и тут же кладет её обратно на колено.

— Есть еще что-то, что вас отличает? — спрашиваю я, накалывая ломтик хрустящего бекона и отправляя его в рот.

— Я уже рассказывала тебе об этом, но ты мне не поверил.

— Тогда расскажи еще раз. Раньше я был засранцем. А сейчас...ладно, я им и остался, но теперь у меня есть желание обо всем этом узнать.

— Майлс, мы не боеем. И не стареем.

От резкого вдоха аж кусок бекона пошел мне не в то горло. И лишь выпив стакан воды, и хорошенько прокашлявшись, я снова начинаю нормально дышать.

— Я помню, что ты это говорила. Но тогда я считал тебя шизофреничкой. Так что, может, повторишь?

— Мы не боеем. И не стареем.

— Что значит вы не стареете?

— Мы вырастаем и затем просто не стареем.

— И у вас нет никаких болячек?

— Нет. В смысле, люди ломают кости и все такое. Ничего сверхъестественного. Но мы не боеем.

Я колеблюсь и Джуно читает вопрос в моих глазах. — Моя мама умерла, когда ее сани провалились под лед, — говорит она и опускает глаза, разглядывая стол.

Я киваю, борясь с желанием сесть поближе и крепко её обнять. И судя по одинокому выражению лица, она была бы не против.

— Итак, осмелюсь предположить, взрослые объясняли ваш иммунитет к болезням и смерти близостью с Йарой, — говорю я.

Она не отвечает.

И вдруг у меня в голове все становится на свои места. Осознание сути происходящего поражает, как гром среди ясного неба.

— Джуно, — говорю я с такой нетерпеливостью, что она сразу поднимает глаза, — похоже, с вопросом «Почему их похитили?» мы уже разобрались. Говоришь, они не болеют и не стареют? Ну, кто бы этого не пожелал? Так мой отец, например, спит и видит.

— Но тогда это не лекарство, которое, как ты говорил, он ищет. Это целый образ существования. Жизни.

Джуно выглядит расстроенной. Похоже, действительность становится ей все понятнее.

— Жизнь на природе не имеет ничего общего со здоровьем и старением, — настаиваю

я.

— Не имеет? При хорошем питании ты разве не будешь жить дольше? Чистый воздух и вода, добыча пропитания земледелием и охотой разве не сделают тебя здоровее? — она защищается, но смотрит на меня умоляюще. Она все еще придерживается «правды», которой ее учили.

— Конечно, сделают, — соглашаюсь я. — Но Джуно, в одно поколение, даже со здоровым образом жизни невозможно избавиться от болезней, и уж точно не стать бессмертными. Вот где твоя логика прерывается и уступает место запудриванию мозгов.

Ее глаза блестят, так, что кажется, будто она вот-вот расплачется. Она закрывает глаза и стискивает зубы. — Я не хочу больше об этом говорить.

— Это нормально. Все хорошо, — говорю я, лихорадочно соображая, на что перевести разговор. — А что за загадка, которую ты все еще не разгадала? О чем в ней вообще говорилось?

Джуно глубоко вздыхает и выглядит благодарной за перемену темы. — Дословно ты сказал: «Ты отправишься в то место, о котором мечтала в детстве».

— И?

Она качает головой и возится с салфеткой, складывая ее во все меньший и меньший квадратик.

— Это невозможно вычислить. Ребенком я мечтала побывать повсюду. Кроме Солт-Лейк-Сити, правда.

— Что ж, если в дурмане я напоролил про змею и озеро, то должно быть, это особенное место находится здесь, в Солт-Лейк-Сити. Почему бы нам не проехаться и осмотреться по городу — может что-нибудь разбудит твою память?

— Отличная идея, — поддерживает Джуно и встает, оставляя свое салфеточное оригами плавать на тарелке в кленовом сиропе.

Когда мы подходим к машине, она поворачивается ко мне и обращается в своей серьезной, взрослой манере: — Слушай, Майлс...

— Да, Джуно? — отзываюсь я.

— Спасибо тебе. За то, что веришь мне. И хочешь помочь, — она улыбается уголками губ, а в глазах блестят слезы, отчего мне невыносимо хочется обнять ее. Но она отворачивается и открывает дверь. Сев внутрь, она снова смотрит на меня: — Просто... спасибо.

ДЖУНО

В течение последнего часа мы наматываем круги по городу. Пока Майлс высматривает людей своего отца, я ищу место, куда я мечтала попасть в детстве. Но ничего не бросается в глаза. В конце концов, Майлс предлагает выйти из машины и прогуляться.

— Можно припарковаться у библиотеки, в которой я был вчера, — говорит он.

И тут меня озаряет. — Библиотека! — восклицаю я. — Вот где я всегда мечтала побывать, будучи ребенком!

— Библиотека? — удивляется он. — Из всех мест в мире, о которых грезят дети, тебя угораздило мечтать о библиотеке?

— А сам ты, где хотел побывать?

— В Диснейленде, — признается он.

Я смеюсь. — Майлс, я в детстве о Диснейленде и мечтать не могла. У нас на всю общину было всего сто тридцать книг. Я это точно знаю, потому что прочитала каждую из них как минимум раз пять, а «Моби Дика» практически выучила наизусть. Чтение для меня было единственным способом ухода от реальности. И мне хотелось читать все больше. В Энциклопедии Британника была иллюстрация куполообразного читального зала в Британской библиотеке, там, где все стены заставлены стеллажами с книгами, да такой высоты, что им приходится пользоваться стремянками, чтобы до них добраться. Вот в такое место я мечтала попасть.

— Это значит, нам придется добираться до Британской библиотеки? — Майлс выглядит озадаченным.

— Нет же. Оракул — то есть, ты, привел нас в Солт-Лейк-Сити, а не в Лондон, — напоминаю я. — Какой бы мы знак не искали, какое бы Чтение мне не пришлось осуществить — все должно быть здесь, в Солт-Лейк-Сити.

— Ты не видела публичной библиотеки, — ворчит Майлс. — Она огромная. Можно неделями бродить среди книг и не найти ничего.

Мы подъезжаем к массивному стеклянному зданию в центре города. — Видишь, — говорит Майлс. — Как мы собираемся найти что-либо в этой...махине, если мы даже не знаем, что мы ищем?

— Надеюсь, у нас получится получить подсказку от Йары, — отвечаю я. — Иначе бродить нам здесь предстоит долго и нудно.

Мы входим в просторный атриум со стеклянными стенами высотой в несколько этажей, с магазинчиками и деревьями. Свободно проникающий солнечный свет практически полностью освещает помещение. Мы с Майлсом останавливаемся и рассматриваем огромный залитый светом холл.

— Давай присядем, — предлагаю я.

— Э... да все в порядке, — отнекивается он, хоть и выглядит слегка ошеломленным.

Мы подходим к столику у декоративного дерева в горшке, и я пытаюсь сориентироваться в планировке здания, подставив спину солнечным лучам, проникающим сквозь стёкла. Здесь пять этажей, и, похоже, основная часть книг хранится на трех средних. Посетители перемещаются с этажа на этаж по винтовой лестнице. С первого этажа через

прозрачные стены видны два больших «озероподобных» бассейна, огибающих фасад здания.

— Вот откуда мы должны начать, — я указываю на воду. Встав, я веду Майлса через другой выход наружу, во двор здания.

В бирюзовой воде отражается конструкция из стекла и бетона.

— Что ты собираешься делать? — спрашивает Майлс с нотками смущения.

— Читать воду, — отвечаю я, — это похоже на Чтение огня — через нее я вижу образы. Для поисков — то, что надо.

Майлс кивает. — Я просто поверю тебе на слово.

Я автоматически тянусь к своему опалу и тут вспоминаю, что он мне не нужен. Я снимаю ожерелье через голову и отдаю его Майлсу. — Можешь его пока подержать?

— Всегда к твоим услугам, — отзывается он и запикивает ожерелье в задний карман.

Расставшись с опалом, я чувствую себя гораздо сильнее. Внутри разгорается пламя уверенности. Без сомнения, все получится. Я тянусь к Йаре и соединяюсь с ней практически мгновенно, поражаясь своей силе.

Выдыхаю и концентрируюсь на поверхности воды...на отражении стеллажей с книгами, и вдруг внимание приковывает оранжевая точка. Я смотрю на неё, словно через лупу, а она тем временем всё увеличивается и оказывается книгой на полке. Её толстый корешок светится в воде, как маячок.

Не отрывая взгляда, я наклоняюсь и нащупываю под ногами небольшой плоский камешек. Немножко поворачиваюсь и, резко дернув запястьем, запускаю его по воде.

— Один, два, — считаю я. Прежде чем пойти на дно бассейна, камень отклоняется влево.

Я поворачиваюсь к Майлсу, который терпеливо наблюдает за мной. — Камешек подпрыгнул три раза, — сообщаю я. — Нам на третий этаж и налево. Большая книга с оранжевым корешком. Вперед!

Майлс смотрит несколько озадаченно, но отвечает:

— Как скажете, босс!

В библиотеку я вхожу, схватив его за руку. Мы поднимаемся на два этажа и следуем налево по коридору к книжным полкам.

— Чего разбегалась, — ругается пожилой мужчина, когда я проношусь мимо, и я немного замедляю шаг.

— Скорее всего, искать нужно у окна, — говорю я, подводя его к стеклянной стене. Мы шагаем в проходах междукнижным шкафом и, наконец, находим то, что отражалось в воде тремя этажами ниже.

— Сюда, Майлс, — зову я, но он уже тут как тут, проводит пальцами по книгам.

— Ладно, — говорю я и читаю вслух пометку на полке. — «География и Путешествия, Северная Америка, Юго-запад».

— Не может быть, — произносит Майлс, широко улыбаясь, и поворачивается ко мне, — вода привела нас на твой Дикий Запад!

Я вытягиваю с полки оранжевую книгу. — «Живописные ландшафты Нью-Мексико», — зачитываю я.

Майлс пробегает пальцами по корешкам других книжек.

— На этой полке всё о Нью-Мексико, — он смотрит на меня в недоумении, — на юго-восток от Сиэтла. Ты была права!

Я улыбаюсь в ответ. — Похоже, мы знаем, куда направляемся!

ДЖУНО

Вытащив дорожную карту США с соседней полки, мы с Майлсом изучаем сеть дорог между Солт-Лейк-Сити и Нью-Мексико.

— Некоторые из этих дорог ведут до границы между Ютой и Нью-Мексико. Можно отправиться туда и попробовать Чтение ещё раз, — говорю я и, обратив внимание на масштаб карты, произвожу расчеты, — расстояние до самой дальней точки штата около восьмидесяти миль.

— Даже без остановок дорога займет не менее тринадцати часов, — говорит Майлс.

— Мы в тринадцати часах езды от моего отца, — говорю я, задыхаясь от волнения, — в тринадцати часах езды от моей общины.

Но скоро от оживления не остаётся и следа, только осадок безысходности. В памяти в тысячный раз всплывает их обман. Но я напоминаю себе, что сейчас это не имеет значения. Моя задача — найти их и освободить. Черед объяснений придет, когда все будут в безопасности.

Но куда пойдет моя община, если мне удастся вызволить их? Все эти мысли я откладываю в коробку с ярлычком «Додумать потом». Всему своё время. А сейчас настало время сваливать из Солт-Лейк-Сити подальше от наших преследователей.

В одном из магазинов мы купили сэндвичей в дорогу. И мне уже не терпится отправиться в путь. Но не успеваю я бросить рюкзак на заднее сидение и поставить наш завтрак на приборную панель, как кто-то хватает меня за руку. Я поднимаю глаза и упираюсь взглядом в лицо громилы вдвое больше меня — приспешника Уита.

— Ты пойдешь с нами, — говорит он, вытягивая меня из машины.

Мой мозг впадает в ступор, но тело действует самостоятельно, на уровне инстинктов — часы тренировок на случай нападения бандитов дают о себе знать. В мгновение ока я вырываю руку из его хватки. Учитывая его высокий рост, я целюсь повыше и со всей дури даю ему между ног. Согнувшись пополам, он отходит на несколько шагов, и за это время я успеваю взять арбалет с приборной панели.

Перезарядившись, я стреляю ему в плечо. Оборачиваюсь и вижу джип, припаркованный за углом. Уит сидит за рулем, а ко мне приближается ещё один амбал. Я пускаю стрелу и ему в плечо. Подвывая от боли, он отступает назад к машине, вытаскивает стрелу другой рукой и ищет, чем бы остановить кровотечение.

И затем случается нечто невероятное. Первый вытягивает стрелу из плеча, и, взглянув на неё с любопытством, выбрасывает в траву. На продырявленной рубашке — ни капли крови. Он даже не ранен, хотя я стреляла с расстояния не больше фута.

Он хватает меня за руку и швыряет мой арбалет об землю. Я брыкаюсь и вырываюсь, но наши силы не равны, и он тащит меня по направлению к джипу.

Я замечаю Майлса рядом с машиной. Лицо его побелело от страха. Всё произошло в считанные секунды, и он понятия не имеет, что делать теперь, когда меня схватили.

— Вы двое пойдете со мной, — говорит верзила достаточно громко, чтобы Майлс услышал, — только без глупостей. Просто захлопни дверцу и следуй за мной в машину.

— С чего ты решил, что я не начну кричать, долбаный ты убийца? — ору я на него. Я

оглядываюсь вокруг, но поблизости никого нет. — Кто угодно может выйти сейчас из библиотеки, увидеть, что ты заталкиваешь меня в машину и прийти на помощь.

— Возможно, то, что мы знаем, где твоя община, заставит тебя передумать привлечь внимание, — рычит он.

У меня округляются глаза. Значит, Уит знает, где они. До сих пор в глубине души я отказывалась верить в это. Я поворачиваюсь и вижу за рулём джипа его черную растрепанную шевелюру. Черты его лица против солнца едва различимы. Волна ненависти накрывает меня с головой, и я чётко осознаю, что если бы сейчас, в этот самый момент, у меня была возможность хорошенько огреть его, или даже убить, рука бы не дрогнула.

— Если я пойду с вами, вы его отпустите? — я киваю головой в сторону Майлса, так как мои руки все еще в железной хватке громилы.

— Я пойду с Джун... — начинает Майлс, но его прерывает охранник.

— Вы оба — в мою машину. Сейчас же.

И мы идем к джипу. Второй здоровяк сидит на заднем сидении и перетягивает руку жгутом, рыча сквозь зубы. Из-за руля подаёт голос Уит.

— Я же говорил, не лезь к ней — он протягивает руку, чтобы открыть пассажирскую дверцу изнутри, и жестом приказывает мне садиться, — Джуно. Ну, наконец-то.

— Навряд ли тебе понравится сидеть рядом со мной, — успеваю сказать я. Мне буквально приходится заставить себя произнести эти слова — Уит смотрит на меня, словно ничего не случилось. словно он тот же человек, что наставлял меня добрый десяток лет.

— Почему же? — на его губах расплывается фальшивая улыбка.

— Я не уверена, что удержусь и не выцарапаю тебе глаза, — спокойно предупреждаю я.

Уит натягивает на физиономию маску притворного удивления.

— Только не надо устраивать сцен, — говорит он, и, немного понизив голос, настаивает на своем, — садись в машину.

Он смотрит вниз на свернутый лист бумаги, застрявший между сиденьями, затем, приподняв бровь, переводит взгляд снова на меня и выкрикивает:

— В машину! Быстро!

Вдруг, ни с того, ни с сего, сзади раздается скрежет металла, джип накреняется вперед и дверца отскакивает в сторону. И в то время как все обернулись посмотреть, что произошло, я хватаю листок с сидения и прячу себе в карман.

— Простите, — доносится мужской голос из черной машины, врезавшейся в джип, — сейчас я предъявлю свою страховку.

Мой конвоир меня отпускает и направляется к горе-водителю. Я поворачиваюсь посмотреть, кто же налетел на джип, а из черного автомобиля вылетает ещё один мужик и несётся прямо на меня. Его лицо кажется мне знакомым. Да это же один из ребят, гонявшихся за мной по Сиэтлу — прихвостень отца Майлса. Сбежать я не успеваю, он хватает меня за плечи, угрожая:

— У меня — пушка.

Я лихорадочно ищу глазам Майлса, но люди Уита его уже оттащили.

— Майлс! — кричу я. Но новоявленный захватчик заталкивает меня в чёрную машину, водитель вскакивает за руль, и пока до Майлса доходит, что случилось, мы отъезжаем все дальше и дальше. От Уита и его шайки. От Майлса, который еще некоторое время бежит за нами, пока не становится понятно, что нас не догнать. Один из верзил хватает его сзади за руку и тянет обратно в джип. Мы сворачиваем за угол и они пропадают из виду.

МАЙЛС

У парня, который схватил меня, есть пистолет с дулом размером с трубку телефона. И что вы думаете? Я даже не сопротивляюсь. Я позволяю ему схватить меня за плечо и запихнуть на пассажирское сиденье. В то время как он запрыгивает на заднее и мы едем.

За рулем сидит парень помоложе. Его прическа как у Альберта Эйнштейна, если бы конечно Альберт покрасил волосы черной краской для обуви. И отчасти он выглядит безумным, но в хорошем смысле. Как ваш любимый преподаватель в школе, хороший, но в то же время живущий в другой реальности. Он перекинулся несколькими словами с Джуно, но я не слышал о чем они говорили.

Двое парней же сзади выглядят точь-в-точь, как двое из ларца. Кажется, что шеи у них нет и вовсе, а голова посажена прямо на необъятные груды мышц, накаченных стероидами. Оба одеты в камуфляж цвета хаки, словно они находятся в зоне военного конфликта. Но один из них бинтует рану на руке, полученную от Джуно, а второй расстегивает рубашку и изучает вмятины, оставленные Джуно на его кевларовом жилете.

Я чувствую во рту привкус меди и понимаю, что напуган. Но тут до меня доходит, что боюсь я не за себя. Я боюсь за Джуно. Вряд ли Портман и Реддинг навредят ей, но эти ребята тоже не ангелы. Не удивлюсь, если у них под брониками по стволу.

Мы останавливаемся у развилки, и водитель смотрит по сторонам. Но Джуно и её похитителей уже и след простыл. Они здорово вырвались вперёд — мы их упустили. Он съезжает на обочину рядом с ресторанчиком быстрого питания "Дейри Куин" и паркуется.

— Куда её увезли? — спрашивает он, повернувшись ко мне.

Что-то не так с его глазами. Похоже, зрачок у него в одном глазу смотрит вообще в другую сторону. Это меня напрягает и я не знаю, в какой глаз ему смотреть.

— Без понятия, — отвечаю я и тут же получаю подзатыльник от одного из увальней рядом со мной.

— Ай! — вскрикиваю я и поворачиваюсь к нему.

— Отвечай на вопрос, — басит он грубым голосом, словно у него и голосовые связки накачаны стероидами.

— Буду честен. Я понятия не имею, кто те ребята или куда они могли забрать Джуно, — вру я, глядя Эйнштейну в правый глаз.

— Ты тот парень, которого я видел с ней у палатки, — говорит он.

Что? Мы не видели никого вблизи нашего кемпинга, думаю я, и тут до меня доходит. Он использовал птицу, чтобы следить за нами. Должно быть, это и есть Уит.

Но разве это возможно? Этому парню на вид лет так двадцать пять. От силы тридцать.

Словно читая мои мысли, он продолжает:

— Я Уиттиер Грейвз. Я знаю Джуно еще с младенчества. И мне нужна твоя помощь, чтобы ее найти. Она может быть в смертельной опасности.

Позади мужик в черном гогочет, словно Уит отмочил отменную шутку, и тот сердито зыркает на него.

— Вы не можете быть Уитом. Джуно рассказывала мне о нем, и он далеко не молодой парень.

— Верно подмечено. Пятидесятитрехлетний парень, если уж быть точным. Кажется, Джуно все-таки не поведала тебе всех наших секретов.

И тут я врубаюсь. Все дело в фокусе с вечной молодостью. Когда сегодня утром она говорила об этом, я поверил, конечно, в меру своих возможностей, и вот оно — живое подтверждение — сидит прямо передо мной. Вне всяких сомнений, у них есть то, на что метит мой отец: нечто, поддерживающее молодость.

Неудивительно, что он следил за Джуно. Как неудивителен и тот факт, что кто-то напал на ее поселение. Антивозрастной препарат может просто озолотить своего владельца.

Я задаюсь вопросом, что бы мог сделать мой отец, дабы прибрать его к рукам. Как далеко бы он зашел, если бы мог стать самым богатым человеком на планете? Внезапно, я уже не верю в безопасность Джуно вблизи Реддинга и Портмана.

ДЖУНО

Когда мы наконец совершаем вынужденную остановку из-за плотного дорожного движения, я пытаюсь открыть дверцу, но она захлопнута намертво.

- Замок заблокирован, — говорит лысый водитель в солнцезащитных очках.

— Вы кто вообще такие? — спрашиваю я, хотя прекрасно знаю кто они, на случай, если удастся выяснить ещё что-то новое.

— Мы сопровождаем тебя в Блэквел Фармасьютикал. Мистер Блэквел хочет с тобой побеседовать.

— Значит вы похитили меня, чтобы отвезти в Лос-Анжелес? — вызывающе спрашиваю я. — Нет, — отвечает его товарищ с заднего сидения. Я оборачиваюсь, чтобы лучше рассмотреть своего похитителя. У него короткие каштановые волосы, толстая шея, а одежда словно маловата. Встретившись со мной взглядом, он двумя пальцами оттягивает тугой воротник.

— Мы не повезем тебя в Лос-Анжелес. Ты отправишься туда в особых королевских условиях, — он не сводит с меня глаз, пока Лысый въезжает в аэропорт Солт-Лейк-Сити.

— Мы долго за тобой бегали, — говорит он так, словно я пряталась специально для того, чтобы их позлить.

— Не я в этом виновата, — отвечаю я.

— Из-за этого ты не стала нравиться мне больше, — говорит он.

Мы въезжаем в закрытый сектор аэропорта под знак: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН: ЧАРТЕРНЫЙ САМОЛЕТ», и движемся прямо к небольшому летательному аппарату с надписью «БЛЭКВЕЛ ФАРМАСЬЮТИКАЛ» на борту. У меня внутри вс обрывается и я чувствую, что кровь отливает от лица. Я поднимаюсь в небо. Самолётом. Боже мой. Лысый кнопкой открывает двери и все мы выходим из машины.

— Не вздумай удирать, — говорит он, показывая пистолет, висящий в кобуре под пиджаком. Но я нужна им — это очевидно. Не думаю, что они будут стрелять. И я порываюсь бежать, но меня сразу же останавливают.

Лысый защёлкивает наручники у меня на запястьях и толкает меня на землю. И я обдираю ладони, локти и колени об асфальт.

— Кому-то здесь неймется, — посмеивается он, обращаясь к Тугому Воротнику, но тот, залившись краской, лишь напряженно пыхтит.

Я делаю глубокий вдох и стараюсь выглядеть спокойной.

— Вы, ребята, выставите себя полными дураками перед мистером Блэквелом, когда я скажу ему, что знать не знаю ни о каких формулах и препаратах.

— Это уже не наши проблемы, — говорит Лысый и толкает меня в спину в направлении самолёта. Ничего не поделаешь — приходится идти с ним. Я обдумываю возможность перевоплощения, но оно длится всего несколько минут, и, когда я снова стану видимой, здесь просто-напросто негде будет спрятаться.

Я хватаюсь за соломинку... Можно призвать какое-нибудь животное, снующее поблизости. Я окидываю взглядом пустынную площадку. Уцепиться особо не за что. Думаю, я могла бы наколдовать сильный ветер. Но так и не успев выработать план, я поднимаюсь по

лестнице в самолет навстречу мужчине в униформе пилота, пропускающего нас на борт.

— Получил моё сообщение? — спрашивает Лысый.

— Да. Мы готовы к отлёту, — подтверждает пилот. Я стараюсь унять дрожь, но в желудке всё переворачивается, и, кажется, меня сейчас вырвет. А ведь мы еще даже не взлетели.

Деннис учил нас, что самолеты были одним из зол человечества. Они загрязняли атмосферу и расходовали органическое топливо. В Сиэтле я встречала в газетах термин «углеродный след». Если бы Деннису было известно это определение, он непременно бы его использовал.

В ЭБ я видела изображения самолётов. Я знаю, что пилот сидит в кабине расположенной в носу самолёта. Что пассажиры сидят рядами сзади. Но в этом самолёте только шесть сидений, и те больше похожи на мягкие кресла, разделённые столиками. Я останавливаюсь в растерянности. Тугой Воротник тыкает пальцем в одно из сидений.

— Садись сюда, — говорит он, толкая меня в светло-коричневое кресло, которое пахнет свежеевыделанной кожей, и, как только пилот закрывает дверь самолёта, вытягивает ключи от наручников, — сбежать отсюда не получится, но ты и так можешь быть еще той занозой в заднице. Если пообещаешь быть паинькой, я их сниму.

— Обещаю, — говорю я только потому, что все равно ничего не придумала.

Даже теперь, без наручников, я не знаю, что предпринять. Тем временем Тугой Воротник пристёгивается ремнями безопасности и я делаю то же самое. Но вдруг, кое-что припомнив, отстёгиваюсь обратно и говорю:

— Мне нужно сходить в туалет.

— Ей нужно сходить в туалет, — орет он Лысому, беседующему с пилотом через створки кабины, перекрикивая оглушающие звуки режущего мотора и вращающихся винтов.

— Ну, так в чём проблема, пускай идет, — кричит Лысый в ответ, взглянув на него, мол, что за дурацкий вопрос?

— Это здесь, — говорит Тугой Воротники, поднимаясь с места, и провожает меня до двери в хвосте самолёта. И замирает в ожидании, просунув большие пальцы в шлевки брюк.

— Ты что, собираешься топтаться под дверью, пока я буду писать? — спрашиваю я вызывающе. Провоцируя его.

— Нет, — отвечает он с пристыженным видом и садится обратно на своё место.

Я протискиваюсь в туалет и, удостоверившись, что дверь заперта, роюсь в карманах в поисках бумажки, оставленной для меня Уитом. Это обрывок карты с подписью: "...ю-Мексико". Дюймом выше Розуэлла синими чернилами нарисован круг. В самом низу до боли знакомым почерком Уита написано: "Всё не так, как кажется".

МАЙЛС

— Для Джуно опасно находиться рядом с этими людьми? — спрашивает Уит.

Я смотрю на него, скрестив руки в оборонительном жесте.

— Вы с похитителями Джуно работаете на Блэквел Фармасьютикал? — Уит продолжает допрос, но, видимо, у меня и так на лице всё написано, ведь он кивает с выражением: «Так я и знал!». На заднем сидении нервно ёрзает один из секьюрити.

— И с каких это пор Мюррей Блэквел нанимает подростков делать для него грязную работу? — подстрекает он.

Я молчу, как рыба. И только красноречиво посылаю его взглядом ко всем чертям. Но, кажется, на него это не действует. Потому что смотрит он так, словно давно прочёл мои мысли и точно знает, кто я такой. И тут я замечаю, что держа руку на рычаге переключения передач, он легонько касается пальцами моей куртки.

— Да вы же Читали меня! — заявляю я.

— Что за вздор ты несёшь? — возражает Уит, но его взгляд говорит о том, что именно это он и делал.

— Может, поедем уже? — подгоняет сзади Стероидный.

Пока Уит заводит машину, я дергаю ручку в попытке открыть дверцу. Но оказывается, что она не заперта. Без особых раздумий, я выскакиваю из машины, жестко приземляюсь на тротуар, и волна боли пронизывает правое плечо. Перекатившись на руки и колени, я резко вскакиваю на ноги и бросаюсь в сторону «Дейри Куин».

Я слышу ругань, но не смея обернуться, проношусь через парковку и влетаю в открытую стеклянную дверь. Захлопнув её за собой, я вижу как Уит что-то кричит, и Стероидный останавливается на полпути. Здоровила поворачивается в мою сторону и, бросив уничижительный взгляд, складывает руку пистолетом, направляя на меня указательный палец. И типа стреляет. Затем он возвращается в машину. И Джип с визгом отъезжает, оставляя на асфальте только след от шин.

— Чем могу помочь?

Я оборачиваюсь и вижу молоденькую девушку за кассой. Пошарив по карманам, я вытягиваю горсть мелочи. Все, что у меня есть — сдача от нашего несъеденного завтрака, купленного Джуно.

— Что можно взять за доллар двадцать девять? — спрашиваю я.

— Воды, — отвечает она пренебрежительно.

Я оглядываюсь на улицу. Они стопудово уехали, но кто знает, не вернуться ли. Так что у меня два варианта: зависнуть в «Дейри Куин» за стаканчиком воды, на случай, если они все-таки вернуться, или же рискнуть и попытаться добраться до своей машины.

— Не надо, — говорю я, — не хочу пить. Она закатывает глаза, и я выхожу из кафешки.

Через двадцать минут я с удивлением обнаруживаю, что ключи от моей машины всё ещё валяются на земле, куда я их бросил, когда Реддинг и Портман врезались в Джип. Пакет с нашим завтраком — по-прежнему на приборной доске, где его оставила Джуно. А её рюкзак так и лежит на заднем сидении.

Меня переполняет чувство острой тревоги, но как только я вспоминаю, что папины

прихвостни схватили Джуно, оно сразу же сменяется гневом. Пусть хоть пальцем посмеют её тронуть. Я лишь тешу себя надеждой, что отец будет обхаживать её, пока думает, что она может быть полезной. Но я-то знаю, Джуно помогать ему не станет. Даже знай она формулу, или рецепт сохранения молодости, чёрта с два проговорится.

Я вспоминаю ее гневное лицо и не могу сдержать улыбку. Не хотел бы я оказаться на месте отца перед разъярённой Джуно. Если Портман и Реддинг везут её в Лос Анжелес, как я предполагаю, она придет просто в бешенство. Сейчас её цель — Нью-Мексико, и чем дольше отец будет удерживать её, тем сильнее она рассвирепеет.

Но тревога возвращается, когда я вспоминаю, каким жестоким может быть мой отец, когда не получает желаемого. У него есть целая корпорация, деньги, подчинённые. А что есть у неё? Её земная магия. Я завожу машину и пристёгиваюсь. В Лос-Анжелесе произойдет смертельное лобовое столкновение, не иначе. И я должен быть там, чтобы его предотвратить.

Как только я выезжаю с места стоянки, на капот приземляется что-то черное, загораживая мне обзор через лобовое стекло. Я остаиваюсь и вижу, что это По широко размахивает крыльями, чтобы привлечь внимание. Я отстёгиваю ремень и вылетаю из машины.

— Какого чёрта ты здесь делаешь? — спрашиваю я и сразу сам всё понимаю. — Ты шпионишь для Уита, да? Ты... ты предатель!

Ворон истошно каркает и подходит поближе, чтобы заглянуть мне в глаза.

Понятно, что он был лишь невольным инструментом в руках Уита, но мне всё равно хочется вцепиться в его маленькую пернатую глотку.

— Почему бы тебе не сделать полезное дело и не найти Джуно? — говорю я. Он наклоняет голову в сторону, словно принимая мою претензию во внимание. Затем громко каркает и улетает на север — в направлении прямо противоположном от места, куда везут Джуно. Кажется, я не настолько «близок с Йарой», чтобы воспользоваться услугами почтового ворона.

Я возвращаюсь в машину. Как меня вообще угораздило вляпаться в эту чехарду? Ах, да. Папа. Папина алчность. И девчонка, которая хранит, а может и не хранит тайну препарата, дарующего бессмертие.

Встряхнув головой, я пытаюсь настроить приемник на какую-нибудь радиоволну. Но мне удаётся поймать лишь кантри и ретро. Впереди долгая дорога в Лос-Анжелес.

ДЖУНО

Запомнив точное местоположение нарисованного круга, я спускаю карту в унитаз. Смываю песок с расцарапанных ладоней и вытираю окровавленные колени куском смоченной туалетной бумаги. И только тогда возвращаюсь на своё место и пристёгиваюсь. Тугой Воротник следит за каждым моим движением. Я бросаю на него сердитый взгляд, и он хватается за журнал, чтобы не смотреть на меня.

Мы трогаемся с места и начинаем двигаться по взлетной полосе. Возвращается Лысый, садится прямо напротив меня и пристегивается. Меня опять тошнит. Ещё никогда мне не приходилось подниматься над землёй. И я повторяю про себя: «Будь сильной. Не показывай слабости». Затем скрещиваю руки на груди и закрываю глаза, будто собираюсь вздремнуть. Но, подглядывая одним глазом, вижу, что оба они уставились в спортивные журналы и за мной больше не наблюдают.

Я уже подумывала, что можно сделать, чтобы остановить самолёт. Интересно, есть ли в нем свечи зажигания? Но страх, что своими действиями я могу всех нас убить, удерживает меня от попытки заколдовать двигатель.

Как только мы начинаем медленно взлетать, я поворачиваюсь, чтобы выглянуть в окно. Прощаясь с землей. Соединяясь с небесами. Мои представления о самолетах неразрывно связаны с бомбами, сброшенными с них. С реактивными снарядами, несущимися по воздуху. С атомным оружием, доставленным воздушным путём. С грибовидными облаками и зеленоватым радиационным паром, что с малых лет наполняли мои ночные кошмары. Перед глазами стоят взрывы — катастрофические, как 4 июля, и я не в силах сдержать дрожь.

Я впиваюсь ногтями в ладони и стараюсь успокоиться. И неожиданно мы оказываемся среди облаков, преодолевая туман. Ничего не видно. И когда мне кажется, что я вижу что-то мерцающее в стороне от нас и представляю, что разбойники могли угнать армейский самолет, мы прорываемся через облако и плывем над морем мягкого хлопка. И я вспоминаю, что не было никакой Третьей Мировой Войны. Что самолет, в котором я сейчас нахожусь, то направление, по которому я мчусь — все это часть мироздания, современный мир.

МАЙЛС

Долгих шесть часов заняло путешествие из Солт-Лейк-Сити в Вегас. Я забил на радио и уже спел все песни, которые знал, с открытым окном (так мой голос звучит не так плохо... не то, чтобы я осмелился петь, если бы кто-либо был в пределах слышимости). Так что единственное, что мне оставалось делать после моего третьего исполнения «SweetHomeAlabama» (сопровождая его инструментальными звуками гитары), — это думать.

Я ломаю голову, пытаюсь разобраться во всем, что случилось со мной за последнюю неделю. Размышляя об этом, я стараюсь восстановить в памяти всё, что Джуно рассказывала о своём прошлом, о Йаре, и её «земной магии». Но вспомнить удастся немного, в основном из-за того, что все её рассказы я пропускал мимо ушей, считая их потоком бреда.

Они не стареют. Не болеют. У всех детей в глазу эти звёздные штуки. Три десятилетия назад они отрезали себя от остального мира. Они верят в так называемую Йару, которая позволяет передавать информацию между любимыми элементами природы. А также позволяет воздействовать на природу.

И... её община обладает чем-то настолько ценным, ради чего очень влиятельные люди пошли на похищение и продолжают преследовать Джуно.

Теперь всему нашлось объяснение. И дикости Джуно, и её подозрительности, и её странной реакции на все современное... на всё, что было произведено на протяжении последних тридцати лет. Как ей сейчас, должно быть, трудно, осознавать, что люди, которых она уважала, всю жизнь ей врали. А она ещё и рискует собственной жизнью, чтобы их разыскать.

Я задаюсь вопросом: а что бы сделал я, окажись мой отец в беде, как далеко зашёл бы, спасая его? Трудно сказать. Но с болью, размером с Техас, я тут же осознаю, что сделал бы что угодно, ради спасения мамы, если бы только она позволила. И это, безусловно, помогает мне понять неудержимость Джуно в достижении её цели. Но, не смотря на твёрдость и решительность, она — всего лишь девочка, одна против, по меньшей мере, двух влиятельных группировок, за одной из которых стоит мой отец со своей многомиллиардной корпорацией.

Вопреки собственной воле, я мыслями возвращаюсь к той ночи, когда поцеловал её в палатке. Я чувствую, как учащается пульс, вспоминая нежность её губ, удивленный взгляд и вес её тела на себе. Я перецеловал наверное больше десятка девчонок. Но такого поцелуя у меня еще не было.

Джуно другая. Она пробуждает во мне желание стать лучше. Я вспоминаю выражение её лица, когда я сказал, за что меня турнули из школы, и мне становится стыдно. Мне хочется стать человеком, достойным её уважения. Восхищения. Но для этого я должен измениться. Стать сильнее. Таким же сильным, как она.

В девять вечера я подъезжаю к знаку «Добро пожаловать в Лас-Вегас». Я останавливался всего один раз, и то, чтобы заправиться и купить продуктов. Воспользовавшись папиной карточкой Shell, я затарился Кока-Колой, конфетами Rolo, солёными крендельками и чипсами — только это и продавалось на заправке. И еще я попытался дозвониться отцу, но он не взял трубку. Я отгоняю дурные предчувствия. Тем более сделать все равно ничего не могу с такого расстояния, да еще и в вечернее время.

Я въезжаю на Миллю чудес, двигаюсь мимо мигающих огней, пока не оказываюсь за городом. Глаза слипаются, и я понимаю, что дальше ехать не смогу. Я съезжаю на обочину и без задних ног заваливаюсь на переднее сидение, укрываюсь пиджаком и моментально погружаюсь в сон.

Джуно идет ко мне по заснеженной равнине, позади виднеются ледяные вершины гор. Она одета в меха, густые черные волосы достают до середины спины. В руках она держит маленькую приоткрытую коробочку из которой льется огонь. Золотистое сияние, словно жидкий солнечный свет. С каждым шагом он расплескивается ей под ноги, но не касается их. Сердце у меня в груди прыгает, как обезумевший сверчок. Джуно не кажется больше ни разгневанной, ни настороженной, ни ожесточенной. Она красивая и умиротворённая. Приближаясь, она улыбается, и протягивает коробочку мне.

Жидкий солнечный свет, пролившись, обжигает мне ногу и медленно поднимается вверх, распространяясь по телу. Боль становится невыносимой и я кричу, но пошевелиться не могу. Вот золото уже разливается по моей груди и охватывает шею. Я ртом хватаю воздух, но вдохнуть не могу — оно душит меня.

Умиротворение на лице Джуно сменяется сочувствием.

— Майлс, — произносит она, не шевеля губами, — ты и Йара — одно целое.

Я в огне. Пылающая золотая статуя. Пламя расходится во все стороны, превращая снег под ногами в лужицы, обдаёт жаром лицо Джуно, покрывая румянцем её нос и щёки. Но она приближается и касается моих губ своими. И от её поцелуя я разлетаюсь на миллион маленьких искр, взлетающих в морозный зимний воздух и рассеивающихся в ночном звездном небе.

Открыв глаза, я бросаю взгляд на приборную панель. Три часа. Я лежу, отходя ото сна, потрясённый и измождённый, затем, наконец, сажусь и пристёгиваюсь. Завожу машину и отправляюсь в Лос-Анжелес, проведя следующие четыре часа в раздумьях о Джуно.

ДЖУНО

А посадка-то куда страшнее взлета. Земля приближается так быстро, что, кажется, коснувшись ее, самолет неизбежно лишится днища. Однако, под действием некой тяговой силы, мы плавно приземляемся и, сбавляя ход, движемся по широкой посадочной полосе. Наконец, мы останавливаемся рядом с длинным черным автомобилем, с виду способным запросто вместить человек двадцать.

Лысый опять щелкает наручниками, и я торопливо перемещаюсь из кабины самолета с рециркулирующим воздухом под палящий зной взлетно-посадочной полосы и затем в прохладный салон автомобиля, наполненный запахом хвои. И хотя на протяжении полета я почти непрерывно строила планы побега, любопытство взяло верх. Как ни крути, отец Майлса знает о моей общине то, чего не знаю я. Ну, или думает, что знает. И я твердо намерена выяснить что именно.

Так что в этот раз я, не доставляя своему конвою лишних проблем, добровольно сажусь в машину. Затем почти целый час мы стоим на дороге в колонне других машин, время от времени немного продвигаясь вперед. И опять я вспоминаю, каким отчаянным голосом говорил Деннис о загрязнении окружающей среды.

Наконец мы добираемся в деловой район у побережья, являющий собой, как и в других городах, стеклянные джунгли. Мы останавливаемся у самого высокого из трёх зеркальных зданий. Лысый, сделав вид, что помогает мне выбраться из машины, железной хваткой впивается мне в плечо и ведет по раскаленному тротуару к входной двери.

Я видела такие небоскрёбы снаружи, но кроме Библиотеки Солт-Лейк-Сити, которая по сравнению с ними не такая и высокая, никогда не бывала внутри. В Сиэтле у меня даже желания такого не возникало. Громадные стеклянные плиты больше напоминают надгробия, чем место работы и жизни людей.

Пройдя по длинному лабиринту коридора, мы попадаем в небольшую зеркальную кабину лифта. Во время подъема на верхние этажи у меня сердце уходит в пятки, ведь мы движемся вверх со скоростью свободного падения.

На панели в стене мигают лампочки до тех пор, пока не загорается последняя кнопка под номером 73. Раздается звоночек и дверь открывается. У меня кружится голова, и хотя прямо перед нами, в ожидании заложив руки за спину, стоит мужчина, мне удаётся сфокусировать взгляд только на окне позади него. С такой высоты мир смотрится как ландшафтный макет, распростёршийся на сколько хватает глаз. Ноги подкашиваются, руки все ещё скованны за спиной и мне приходится собрать в кулак остатки воли, чтобы меня не вырвало.

— Что вы с ней сделали? — говорит мужчина, и сильные руки, подхватив меня, проводят через дверь в кабинет.

— Она пыталась бежать, — говорит Лысый, усаживая меня на белый кожаный диван, и отмыкает наручники. Тугой воротник подбегаёт к полке, уставленной бутылками, и наполняет стакан. Я подношу его к губам. Вода. Просто вода. Но до чего вкусная. Единственная частичка природы в этой комнате, не считая высокого древовидного растения у окна. «Боже милостивый, окно», вспоминаю я, и меня опять начинает мутить.

— Оставьте нас, — произносит мужчина, и Лысый с Тугим Воротником по-быстрому удаляются, мягко прикрывая за собой дверь, словно она сделана из сахарной ваты. Затем он придвигает стул поближе к дивану, и когда наши глаза встречаются, я вижу Майлса лет этак через тридцать: темно-зеленые глаза, орлиный нос, короткие, аккуратно зачесанные волосы, все еще густые, но уже тронутые сединой.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

— Зачем вы притащили меня сюда? — слова с хрипом вырываются из сжатого спазмом горла.

— Я притащил тебя сюда затем, что ты владеешь нужной мне информацией, — откровенно отвечает он. Всем своим видом он выражает учтивость. А я ведь совсем не таким его себе представляла — я ожидала увидеть тирана, который и пытками не побрезгует, чтобы узнать то, что хочет. Тем не менее, передо мной самый обыкновенный мужчина средних лет в деловом костюме.

Я обвожу взглядом комнату и к своему ужасу обнаруживаю, что здесь вообще нет стен, как таковых — нас окружают окна. Гранитный пол устлан затейливыми коврами. Изящная мебель придает помещению вид скорее жилой комнаты, нежели места работы.

— Я не могу... не могу находиться на такой высоте, — говорю я, хватаясь за живот.

— Давайте закроем жалюзи, — отвечает он, подойдя к столу, берёт маленькую черную коробочку и нажимает на несколько кнопок на ней. Окна начинают автоматически затемняться, в то время как свет в комнате становится ярче до тех пор, пока мы не оказываемся в закрытом помещении и я больше не вижу пугающий вид из окна.

Я закрываю глаза и пытаюсь замедлить дыхание. Открыв их через мгновение, я вижу, что мужчина откинулся в кресле напротив меня.

— Меня зовут Мюррей Блэквел, — говорит он и, сцепив руки, подаётся вперёд. Он принимается разглядывать мою звёздочку, при этом глаз у него подёргивается, а зубы то сжимаются, то разжимаются, — А тебя зовут... — он пытается подтолкнуть разговор в нужное русло.

— Джуно, — подхватываю я и делаю еще один глоток воды. Нужно решить, насколько стоит быть разговорчивой. Он держится весьма любезно, но чем больше я за ним наблюдаю, тем чаще ловлю в его взгляде какую-то... холодность, что совсем не вяжется с внешней обходительностью. Он, подобно змее, спокойный, но ядовитый.

Сдается мне, что он опасен, и доверять ему не стоит. Тем не менее, я расскажу ему ровно столько, сколько нужно, чтобы понять его намерения.

— Джуно... — он словно задает вопрос, и ждет ответа.

— Да? — спрашиваю я, растерянно сдвинув брови. Язык его тела понятен мне не больше, чем суахили.

— Джуно... и? — спрашивает он.

Я смотрю на него.

— Твоя фамилия, — говорит он, наконец.

— А! Ньюхэвен, — отвечаю я. В нашей общине все знали фамилии друг друга, но никогда ими не пользовались, разве что на церемониях, и мою фамилию никто и никогда у меня не спрашивал.

— Джуно Ньюхэвен, ты из..., - начинает он, и в этот раз я отвечаю на автомате.

— Денали, Аляска.

Он кивает, выражая признательность за то, что я поддерживаю разговор, отвечая на его

вопросы.

— Хорошо, — произносит он, затем подаётся вперёд, опершись локтями на колени, и мягко спрашивает:

— Стало быть, ты, вероятно, знакома с человеком по имени Уиттиер Грейвз?

Я охаю, даже не пытаюсь скрыть свое удивление.

— Конечно же знакома, — продолжает он, довольно улыбаясь, словно после удачной шутки, — что ж, отрадно слышать. Вот уже несколько недель я ищу с ним встречи, но, похоже, он пропал. Вместе с остальными членами вашей — как там он её называл? — вашей общины.

Факты мечутся в голове, как пинбольные шарики. Этот человек знаком с Уитом. Он знает о нашей общине, знает, где мы живем. И достаточно осведомлён, чтобы выследить меня.

Вместо того, чтобы задавать вопросы, я спокойно жду, какие еще детали может выдать этот человек.

— Мистер Грейвз обратился ко мне по поводу препарата, некогда разработанного им вместе с коллегами. Он называл его Амрит. Это название о чем-нибудь тебе говорит?

Я в отрицании качаю головой.

— Я заинтересовался покупкой формулы Амрита. Даже выразил готовность приехать на Аляску, чтобы навестить вашу общину и посмотреть, как проходят исследования. Но мистер Грейвз отказался и настоял на том, что сам предоставит мне результаты. Месяц назад мы условились встретиться здесь. Однако мистер Грейвз так и не явился. Можешь себе представить, как это меня встревожило.

Мистер Блэквел откидывается в кресле, скрестив руки на груди, и его лицо принимает страдальческое выражение, словно говорить об этом ему тяжело.

Он наблюдает за мной также внимательно, как я за ним: изучает выражение лица, следит за малейшим его изменением. Ищет любые подсказки, которые может получить из моих жестов и движений. Я расслабляю мышцы лица и откидываюсь на спинку кресла, делая тоже самое со всем своим телом. Я уже выдала тот факт, что знаю Уита. И больше не хочу ничего случайно выдать ему.

— Я отправил на Аляску несколько человек на его поиски. Мы знали о его местонахождении, отслеживая звонки с помощью GPS вплоть до пещеры вблизи Денали, где обнаружили свежее кострище.

Не могу с собой ничего поделаться — удивленно смотрю на него, судорожно вдыхая. Этот человек следил за нами до нашей территории. Он знал где мы.

Мистер Блэквел поднимает бровь и смотрит на меня пытливым взглядом. Я удивилась тому, как точно он описал пещеру Уита, и, возможно, этим выдала себя. Уголки его рта поднялись лишь на миллиметр, но он возвращает невозмутимое выражение лица и продолжает.

— Нанятый мной сыщик отыскал в нескольких милях от пещеры заброшенное селение. Около двадцати юрт. Много застреленных собак. Сельскохозяйственные животные — куры, козы и свиньи, беспорядочно слоняющиеся среди разрушенных жилищ и в прилегающих лесах.

Он останавливается и ждет, пока я что-нибудь скажу. Я тщательно продумываю свой вопрос.

— Но зачем вам преследовать меня, одну из детей общины, если у Уита... если нужна

вам информация у Мистера Грэйвза?

— Мне стало известно из надежного источника, что ты являешься помощницей Мистера Грэйвза, что он твой наставник. Мне сказали, что если я не смогу найти его, ты, вероятно, сможешь дать мне ту же самую информацию. Я не знаю, пошел ли Мистер Грэйвз напрямиком к кому-либо из моих конкурентов, но я точно не отдам вас обоих в другую фармацевтическую компанию.

— Как вы узнали, что меня не было вместе с моей общиной?

— Подсказка из того же надежного источника, — отвечает он, и снова погружается в молчание, выжидая.

— Какую именно информацию вы пытаетесь получить? — спрашиваю я.

— Как я уже сказал — химический состав препарата Амрит, — говорит он. — Формулу препарата.

— Видите ли, именно это и сбивает меня с толку, этого я и не могла понять с того самого дня, как подслушала ваш с Майлсом разговор. Наша община не изготавливает препаратов! Мы вообще не принимаем никаких препаратов, разве что оказываем первую медицинскую помощь! — заявляю я, сдерживая раздражение в голосе. — И я не имею ни малейшего понятия, о чём вы говорите.

— Да ну? А я так не думаю, — парирует мистер Блэквелл, — скажи-ка мне вот что: имеют ли другие члены твоей общины такую же деформацию радужки, как у тебя?

И наряду с гневом, отчаянием и разочарованием во мне пробуждается новое чувство. Искреннее желание узнать, наконец, что здесь, черт возьми, происходит?

— Все дети имеют звездочки, — отвечаю я, напыжившись, чтобы показать, что ему не удастся заставить меня говорить помимо моей воли.

Он кивает, подчёркивая сказанное.

— Столь сильный препарат как Амрит вполне способен вызвать такие существенные генетические отклонения — или правильнее будет сказать «мутации» — у потомков тех, кто его принимал. Мистер Грейвз не вдавался в подробности, но упоминал о необходимости дальнейшего усовершенствования препарата во избежание определенного последствия. Теперь я понимаю, что он имел в виду.

— Наши звёздочки — результат близости... — я запинаюсь, чуть не проговорившись насчёт Йары.

— Близости к чему? — подначивает он. — К зоне ядерных испытаний? К водным источникам, содержащим биологически опасные вещества? Есть ещё несколько факторов, способных вызвать такую генетическую мутацию, как у тебя, но я не верю в это ни на грамм. Я думаю, твои родители со своими друзьями принимали Амрит в ходе испытаний, вот их дети и проявляют теперь признаки этого.

Слушая его, я чувствую, как внутри что-то сжимается. И вдруг вспоминаю совет Талли — выделять истину из полученных ранее знаний, полагаясь на собственное чутьё. И пусть мне не хочется верить ни единому слову этого человека, в его теории что-то есть.

А потом всё складывается и снова разваливается, и я не могу ни думать, ни говорить, ни двигаться, ни дышать, в то время как обрывки моего вымышленного прошлого мелькают перед глазами и преобразуются в факты.

В ушах звенит, на глаза опускается пелена, и вокруг становится темно, как в пещере. Не пошевеливаться. Меня здесь больше нет.

Словно издали звучит голос мистера Блэквела:

— Мисс Ньюхэвен? С вами все хорошо? Мисс Ньюхэвен?

Кто-то легонько похлопывает меня по лицу. И до меня доносится:

— Быстро! Доктора ко мне в кабинет. У моей посетительницы какой-то приступ.
Девочка — подросток. Скорее.

МАЙЛС

В семь утра я подъезжаю к своему дому. Папин автомобиль стоит на месте, рядом с ним ещё один, но мне он не знаком. Оставив все свои манатки в машине, я устремляюсь к входной двери, выкрикивая:

— Я дома! Где она? Выехав из Вегаса, я оставил попытки дозвониться отцу, так как знал, что посреди ночи он не ответит. Судя по припаркованной машине, он дома, но, если он еще не проснулся, я готов принять на себя обязанности хозяина. В гостиной — никого, поэтому я прохожу через двойную дверь в кухню. Из-за застекленной стены открывается вид на Холмби Хиллс. Отец сидит в кресле и вглядывается вдаль, попивая кофе. Уже одно это — явный признак, что что-то не так. Отец никогда не сидит на расслабоне. Никогда не любит вид из окна. Обычно он пьет кофе на ходу, и к этому времени уже на полпути к офису. — Папа, — говорю я, и он оборачивается и смотрит на меня, действительно удивленный. — Майлс. Ты вернулся. — Он встает и идет ко мне. — Ну да, после того, как твои дружки увели Джуно прямо у меня из-под носа, мне показалось, что, пожалуй, пора уже домой, — я подхожу к отцу на расстояние вытянутой руки и, будучи почти одного с ним роста, смотрю прямо в глаза. — Что. Ты. С ней. Сделал? — спрашиваю я, каждое слово звучит как вызов. — Тебе-то какое дело? — язвит отец, отставляет чашку, и прячет руки в карманы. — Мне есть дело, — отвечаю я. Плевать я хотел на объяснения. Плевать на самодовольное выражение на лице отца. Мне осточертело танцевать перед ним на задних лапках в ожидании похвалы. Мечтать, что он хоть раз поведет себя как настоящий отец, а не как президент компании, приютивший подростка. Надеяться услышать что-нибудь...хоть слово...о маме. А то её словно и вовсе не существовало. Но всё это в прошлом, сейчас меня волнует другая особа, и только он знает, где её искать. — Джуно сейчас в одной из гостевых спален, — говорит он, — ее осматривал медработник.

Он скрещивает руки, будто дразнит меня. — Что случилось? — кричу я, делая шаг ближе к нему. — Что ты с ней сделал? Он отступает назад и упирается рукой мне в плечо, сдерживая мой натиск.

— Я всего лишь немного с ней побеседовал. И, к сожалению, видимо, упомянул что-то, что вывело её из равновесия. Совершенно. Всю ночь она принимала успокоительное. А медсестра приглядывала, чтобы она ничего с собой не сделала. — Джуно ничего такого бы не сделала. Она просто хотела спасти свою семью. — Значит, вы провели вместе несколько дней, и ты уже думаешь, что знаешь её? — парирует он. — Да уж получше тебя, — говорю я, — по крайней мере, наши беседы не заканчивались нервным срывом. — Иногда излагать факты прямо в лоб — лучший способ разговорить собеседника, встряхнуть из него ответы. — То-то я смотрю, у тебя так здорово получилось, — говорю я, прищурившись. Лицо отца принимает по-настоящему яростное выражение, но затем он глубоко вдыхает и закрывает глаза рукой.

— Так почему бы тебе самому не поговорить с ней, Майлс? Со мной она точно разговаривать больше не станет. Даже в сторону мою не глянет. Но у меня нет ни тени сомнения, что формула Амрита где-то в её голове. Хотя она об этом и не знает, так как не понимает, что это. Мы должны сделать всё, чтобы завоевать её расположение. Только

доверяя нам, она будет говорить. В этот самый момент я ненавижу своего отца. Его деловую сущность, готовую договориться о чём угодно, чтобы добиться желаемого. Его людская сущность отключается, пока его предложение не поддержат, а затем он — возможно — снова поведет себя как живой участливый человек. Но знаете что? Я тоже не лыком шит. — Допустим, она заговорит, но какая ей с этого радость? Ты бросишь все силы на поиски её родных? — спрашиваю я. — Все доступные мне силы и средства, — обещает он и смотрит так искренне, что лишь очень сильно приглядевшись, я замечаю подергивание в уголке его глаза, выдающее ложь. Я на мгновенье запинаюсь, обдумывая, что делать дальше. Нужно убедить его, что я купился.

— Спасибо. Это единственное, чего она хочет. Я попробую убедить ее поделиться информацией, пап. Уверен, со мной она поговорит. — Вот и молодчина, — говорит отец, похлопывая меня по плечу, — что угодно, любая мелочь может оказаться крайне важной, даже если она этого не осознаёт. Только...в общем, будь поаккуратнее, сынок. Ты не представляешь насколько она для нас важна. Черными волнами накатывает на меня омерзение, но отец провожает меня из комнаты полным оптимизма взглядом. Я столько всего хотел бы ему сказать. Задеть за живое. Но, прикусив язык, я направляюсь в «гостевую», посмотреть, что можно сделать, если вообще можно. В комнате ничего не изменилось со дня маминого ухода. Здесь они с папой жили, пока её в первый раз не забрали в больницу. Затем папа переехал в другую комнату. А мама вообще уехала. В горле стоит ком. Последние несколько лет я обходил её стороной. Но здесь, согнувшись калачиком под одеялом, спит Джуно. Над одеялом виднеется только черный ежик волос и болезненно-бледное лицо. Сиделка читает книгу, сидя в кресле в уголке, но, увидев меня, поднимается с места. — Отец хочет, чтобы я с ней поговорил, — я шепотом обращаюсь к женщине. Она кивает и выходит, оставляя дверь открытой. Запершись, я осторожно присаживаюсь к Джуно на кровать. Мне хочется к ней прикоснуться, но кто знает, как она на это отреагирует.

— Джуно, — зову я, и она открывает глаза, — это я, Майлс. Ты в порядке? Она, закусив губу, мотает головой в знак отрицания. Что случилось? — спрашиваю я. — Чем отец так тебя расстроил? Она закрывает глаза и со вздохом произносит:

— Твой отец полагает, что моя звездочка, как и у остальных детей нашей общины — генетическая аномалия. Мутация, вызванная приемом нашими родителями некоего сильнодействующего препарата. Препарата, который он и ищет. Под названием «Амрит». — А ты что об этом думаешь? — осторожно спрашиваю я. Она рукой смахивает слёзы с глаз и снова вздыхает. — Звучит правдоподобно, — наконец отвечает она, — и это еще одно подтверждение тому, какая паутина лжи окутывала нас с рождения. Я — результат мошенничества. Вся моя жизнь — тщательно спланированный нескончаемый обман. Твой отец думает, что я и вся моя община были частью исследования препарата, проводимого Уитом. Я не знаю, что сказать и просто беру её за руку. Рука холодная, и я принимаюсь растирать её ладонями, пока Джуно говорит. — Я ведь уже почти разобралась, во что верю, — продолжает Джуно, — но после слов твоего отца не знаю, что и думать. Я вернулась к исходной точке. Я снова абсолютно растерянна. Даже сильнее прежнего. Она опускает веки. — Ты, вообще, как себя чувствуешь физически? Идти сможешь? Джуно резко открывает глаза.

— А что? — Я ведь должен выполнить обещание, — говорю я, — вроде как доставить тебя на Дикий Запад, чтобы ты смогла отыскать свою семью, если мне не изменяет память. Хоть твой отец и врал тебе вместе с остальными, они всё ещё — твоя семья. Их всё ещё

нужно найти. В пустых глазах Джуно опять зажигаются огоньки, а её губы расплываются в улыбке. Пододвинувшись ко мне, она кладет голову мне на плечо, и я крепко сжимаю её в объятиях. Через некоторое время она немного отстраняется, чтобы взглянуть мне в лицо, и нежно обводит кончиками пальцев мои глаза, нос и губы. Мы так близко друг к другу, что я чувствую её теплое дыхание, и вот она чуть приподнимает голову, чтобы соприкоснуться со мной губами. И целует меня. Её прикосновения нежнее цветочных лепестков. Она пахнет лимонными леденцами, оставленными сиделкой в вазочке у кровати. Этот поцелуй не такой сумбурный и жадный, как предыдущий. Это неторопливый поцелуй, сулящий большее. Чего бы мне как раз и хотелось: больше Джуно, больше времени. — Надо вытащить тебя отсюда, — говорю я, с трудом от неё отрываясь. — Я ждала этих слов, — отвечает она.

— Скажу отцу, что ты слишком устала для разговоров, — объясняю я, — что через несколько часов попытаюсь ещё раз. Я приподнимаюсь с кровати, но она хватает меня за руку, останавливая:

— Майлс? Я вопросительно поднимаю бровь. Сохраняя абсолютно бесстрастное выражение лица, она произносит:

— Хотя ты и не способен развести мало-мальски приличный костер, а в дикой местности не выживешь и десяти минут, никого другого я не хотела бы видеть рядом в такой момент. Ты — тот, кого бы я взяла с собой на необитаемый остров. И улыбается.

Я смеюсь.

— Хотя ты и способна убить меня пятнадцатью разными способами с помощью столовой вилки, и несмотря даже на барбекю из зайца, ты тоже мне нравишься, Джуно. Так что пора нам уже свалить отсюда и рвануть в Нью-Мексико. — Отличный план, — говорит она.

Я встаю и, склонившись над кроватью, целую её в лоб. Её сжатые губы растягиваются в улыбке, и я чувствую облегчение. Она оклемается. Отец ждет в своём кабинете с маской «заботливого папочки» на лице.

— Она что-нибудь сказала? — выжидающе спрашивает он. Он, похоже, не догадывается, что я раскусил его притворство. Что ж, вранью мне таки было у кого поучиться. Я напускаю на лицо выражение озабоченности и досады.

— Она была слишком измотана, чтобы разговаривать, — говорю я, и он сразу меняется в лице, — но обмолвилась, что ты назвал её глаз генетической мутацией.

Отец кивает, ведет меня на кухню и достаёт из холодильника бутылку яблочного сока. Затем наполняет два стакана и делает глоток. — Глаз этой девочки — действительно мутация, и если у всех детей в её общине, как она утверждает, глаза такие же, значит, их родители сделали что-то, повлиявшее столь сильно на их детей. — И ты считаешь, что здесь не обошлось без некоего препарата? — Я слышал, что группа экологов работала над препаратом, который должен был решить проблему животных, находящихся под угрозой исчезновения. Помочь вымирающим видам противостоять болезням. Они испытывали его на себе и обнаружили, что не подвержены никаким болезням. Это продолжалось около года — думаю, месяцев девять — пока они не выявили воздействие препарата на внутриутробное развитие плода. И когда они поняли, чего добились, сбежали из Америки и начали вести скрытую жизнь в изоляции. — Просто, чтобы спрятать глаза своих детей? — с сомнением спрашиваю я. Отец ставит стакан на стол и окидывает меня пристальным взглядом.

— Полагаю, поначалу они толком не знали, чего достигли. Но когда поняли, что перестали стареть, решили остаться.

— Так вот что такое Амрит, — говорю я, подтверждая теорию, возникшую после того, как я увидел Уита собственными глазами, — это препарат, останавливающий старение. — Если вдаваться в формальности, Амрит не останавливает старение полностью. Но очень сильно замедляет его, по крайней мере, так утверждает доктор Грейвз. Это — священный Грааль. Источник молодости. Им удалось победить смерть. Я смотрю на отца, и алчное выражение на его лице вызывает во мне отвращение.

— Я не только считаю это бредом сумасшедшего, — говорю я, — но и думаю, что ты останешься в дураках. Отец поднимает палец, словно чтобы пожурить меня:

— Хочешь верь, а хочешь нет, но это правда. Я видел результаты испытаний. Я лично виделся с мистером Грейвзом. Я знаю возможности этого препарата, Майлс. И Блэквел Фармасьютикалс запатентует его.

Он разворачивается и уходит. Я этого не допущу. Услышав звук закрывающейся двери, я бросаюсь в гараж и принимаюсь убирать в машине, оставляя в багажнике туристические принадлежности. Они нам понадобятся. Надеюсь скоро.

ДЖУНО

Гул в ушах, наконец, прекратился. В глазах прояснилось, но я всё ещё чувствую себя разбитой. Последний поход в туалет закончился тем, что сиделке пришлось помогать мне идти. Ноги, как резиновые.

Никто так и не понял, что со мной случилось. Медработник сказал, что это был обычный обморок, или паническая атака, вызванная переживаниями последних дней. Мне ясно только одно: когда мистер Блэквел заговорил о взрослых, принимающих препарат, и детях с мутациями, что-то во мне оборвалось. Возможно потому, что в этом был смысл. Возможно потому, что я не хотела, чтобы это было правдой. Община врала нам постоянно. Мы — подопытные детишки. От одной этой мысли меня выворачивает наизнанку.

Мне не очень хочется оставаться наедине со своим мыслями. Только я и осознание того, что мистер Блэквел прав. Раньше я не видела связи, не понимала, что всё, что я принимала за мудрёный ритуал для соединения с Йарой, сводилось к единственному необходимому компоненту. Что все эти песни, пляски и телодвижения — лишь для отвода глаз. Что привязывание элементов к рукам и ногам, девять глотков чистой воды, шкуры, перья, свечи и кристаллы — лишь приделки. Как амулеты Уита. Все это было для отвода глаз.

Только секунда из восьмичасовой церемонии имела значение, когда отвар из трав и минералов вливали в глотку новопосвященному. Это и был препарат. И он имел название: Амрит.

Не думала, что моё состояние может ухудшиться, но это открытие повергло меня в шок. А связь с Йарой? Вот так шутка. Во рту чувствуется горечь, и не будь я сейчас в чьей-то красивой спальне, непременно сплюнула бы.

Я слышу звук захлопывающейся двери, а минутой позже шум мотора отъезжающего автомобиля. В комнату влетает Майлс.

— Отца срочно вызвали в офис. Нужно уводить тебя отсюда, пока он не вернулся. Чем ближе он к разгадке, тем больше будет на тебя давить. Он не отпустит тебя, пока не добьётся своего, а может и после этого.

Майлс хватает мою обувь из-за двери и протягивает мне.

— Сиделка смотрит телевизор. Если мы выйдем через заднюю дверь, она нас не увидит, но может увидеть мою машину из окна. И заметив тебя, она непременно позвонит отцу. Как ты думаешь, сможешь провернуть свой фокус с исчезновением, на время, пока успеешь добраться до машины?

Я киваю, хотя и не совсем в себе уверена. Зашнуровав второй ботинок, я неустойчиво встаю на ноги. Майлс подхватывает меня за талию, и мы, маленькими шажочками выходим из спальни и крадёмся по коридору к застеклённой двери, ведущей во внутренний дворик, вымощенный плиткой. Майлс поворачивает ключ в замке и аккуратно открывает дверцу, стараясь не шуметь.

Мы проходим дворик и сворачиваем за угол дома. Майлс смотрит на машину, затем кивает на окно. Сиделка, повернувшись к окну, пялится в огромный плоский экран, но подъездная дорожка у неё как на ладони.

— Я пойду первым, открою дверцу и замешкаюсь, прежде чем сесть в машину. Если

тебе удастся прошмыгнуть мимо меня на пассажирское сидение и остаться невидимой, пока мы отъезжаем, сиделка решит, что уехал только я.

— Хорошо, дай мне секундочку, — говорю я, закрывая глаза, и делаю глубокий вдох. И вдруг теряю равновесие и спотыкаюсь. Майлс вовремя подхватывает меня.

— Ты в порядке? — спрашивает он, обеспокоенно выгнув бровь.

Я киваю.

- Видимо, закрыть глаза — не совсем удачная мысль. Не знаю, смогу ли я связаться с Йарой стоя. Головокружение ещё не прошло.

— Хорошо, попробуй держаться за меня при ходьбе. Так сможешь? — спрашивает он.

— Давай попробуем, — говорю я и, вцепившись ему в руку, опираюсь на него, — опусти руку пониже, а то кажется, что ты кого-то держишь.

Майлс опускает обе руки до уровня карманов, и я сжимаю хватку.

— Замечательно, — шепчу я, — теперь не двигайся.

Я стою, держась обеими руками за Майлса, но в этот раз глаз не закрываю. «Превращение», — произношу я мысленно, оглядываясь по сторонам. Кругом зелень. Трава, кусты и деревья образуют почти однородный фон, и я представляю себе хамелеона, меняющего окраску под цвет окружающей среды. Я чувствую, как Йара молнией проносится по телу и я видоизменяюсь, сливаясь с окружающей обстановкой.

— Ты стала зелёной! — объявляет Майлс. — Ну, не совсем зеленой, с коричневым оттенком, типа цвета хаки.

— Пошли! — командую я, и мы устремляемся к машине. Майлс открывает водительскую дверцу и роняет ключи на землю. Пока он медленно их поднимает, я проскальзываю на пассажирское сидение, пытаюсь держаться как можно ниже, чтобы спрятаться за приборную доску, если моя маскировка сойдет на нет.

Майлс садится за руль, захлопывает дверцу и включает зажигание. Я вижу, как он, улыбаясь, машет сиделке рукой, прежде чем завести мотор и выехать с подъездной дорожки.

— Она что, смотрела? — спрашиваю я, не смея пошевелиться, пока мы не успели умчаться достаточно далеко. Мы выезжаем на главную дорогу, и Майлс выжимает педаль газа до упора.

— Она помахала мне, — отвечает он, — и как только я помахал в ответ, повернулась и ушла в сторону твоей спальни. Так что она уже обнаружила, что ты пропала. И сейчас же позвонит папочке.

Я поднимаюсь с пола, усаживаюсь на место и пристёгиваюсь. Майлс поглядывает на меня, улыбаясь от уха до уха.

— Получилось! — радостно выкрикивает он.

Я опускаю голову на подголовник и вздыхаю с облегчением. Действие колдовства проходит, и я опускаю взгляд на свою загорелую кожу, джинсы и кроссовки.

— Всё это хорошо, но отец отправит за нами погоню, как только узнает, что ты сбежала. Своими кредитками я воспользоваться не смогу, так что, надеюсь, хоть ты при деньгах.

— Свою сумку я потеряла во время заварушки в Солт-Лейк-Сити, — угрюмо признаюсь я.

— А вот и нет, — говорит Майлс, — оглянись назад.

Перегнувшись через сидение, я вижу на полу свою сумку. Я вне себя от радости.

— Майлс, спасибо тебе. В этой сумке вся моя жизнь.

Я перетягиваю её себе на колени, чтобы просмотреть содержимое. Все на месте, кроме арбалета, который я уронила, когда садилась в машину Уита. И пусть без него я чувствую себя безоружной, при мне всё ещё мой нож.

— Следующая остановка — Нью-Мексико! — объявляет Майлс.

— Ю-ху! — кричу я.

Но вся наша радость исчезает через несколько секунд, когда Майлс, взглянув в зеркало заднего вида, начинает материться. И я поворачиваюсь взглянуть, что такого он увидел. На нас с бешеной скоростью несётся серо-зелёный Джип.

ДЖУНО

Майлс жмёт на газ. Это его родной квартал, и ему удастся вырваться вперёд. Затем он сворачивает вправо, и мы, оставляя пригород позади, съезжаем на пустырь, поросший редкими деревьями и кустарником.

— Куда мы едем, — спрашиваю я.

— В глушь. Думаю, здесь у нас получится от них оторваться. Я знаю хорошее место, чтобы спрятаться. Место, где мы с друзьями тусили, когда хотели спрятаться от родителей. Старенькая такая хижина.

— Но Майлс, здесь мы слишком лёгкая добыча. Тут же совсем негде спрятаться. Вопрос лишь в том, кто окажется быстрее.

— Это — единственное, что пришло мне в голову, — говорит он, обеспокоено нахмутив брови.

Какое-то время мы держимся впереди, но с каждой милей Джип всё быстрее приближается. Наконец, через несколько ярдов, Джип сворачивает влево и догоняет нас. Уит сидит на пассажирском сидении и машет через открытое окно, пытаясь нас остановить. Видно, что он кричит: «Стоп!», но шум моторов глушит его голос.

А дальше всё происходит в считанные секунды: охранник с заднего сидения выхватывает пистолет и нажимает на спусковой крючок прежде, чем я успеваю отреагировать.

— Нет, — кричу я под громкий звук выстрела. Уит поворачивается и начинает с ним бороться. Снова раздаётся выстрел. У Майлса вырывается хрип, и наш автомобиль резко сворачивает вправо. Я хватаю руль и выравниваю его. Майлс заваливается в сторону окна.

— Майлс! — ору я. — Ты в порядке?

— Кажется, меня подстрелили — отвечает он, — держи руль.

Я отстёгиваю наши ремни безопасности, обеими руками берусь за руль и сдвигаю ноги Майлса с педалей. Он откидывается на край сидения и подтягивает ноги к себе, освобождая мне место. Я в ступоре. Тело действует самопроизвольно, поскольку разум отказывается осмыслить происходящее.

Я оглядываюсь на Джип и вижу в окне бледное лицо Уита. Он шокирован. Он не ожидал, что охранник выстрелит — это очевидно. Я чувствую приступ тошноты и, сдерживая дрожь, пытаюсь собраться. Я за рулём всего лишь во второй раз в жизни, однако, несусь по пустырю на полной скорости. «Просто держись прямо и жми на педаль», — повторяю я про себя.

Знаю, мне не обогнать людей Уита. Нужно что-то предпринять. Обратиться к Йаре. Но мне ни за что не успокоиться достаточно для соединения с ней. С другой стороны, это ведь правила Уита. И пусть стук сердца отдаётся в груди барабанной дробью, и пусть я дышу через раз, но пытаюсь полностью очистить сознание и сосредоточиться на силе, пронизывающей всё вокруг: меня, Майлса, машину, дорогу и окружающее нас пространство. Этой силой я вправе воспользоваться, так как в свою очередь являюсь её инструментом. Я чувствую электрический разряд, сопровождающий подключение, и вдруг мой разум проясняется. Фокусируется.

Обе машины немного снижают скорость. Кажется, Уит орёт на стрелка, этим самым отвлекаясь от вождения. Глядя на Джип, я мысленно представляю внутренне строение мотора. Я рисую в воображении серебристые с белым свечи зажигания, как уже делала раньше, и думаю о воде, пытаюсь выделить хоть какую-то влагу из этой засушливой местности и собрать её прямо здесь — в месте установки свечей в двигатель. И Джип внезапно глохнет.

В зеркале заднего вида я наблюдаю, как он описывает круги, слетает с дороги и переворачивается на бок. Это всё, что я успеваю увидеть прежде, чем мы, скрывшись за скалой, теряем его из поля зрения.

Под боком стонет Майлс.

— Майлс! — кричу я. — Насколько серьезно ранение?

— Жив пока, — отвечает он, — но, похоже, мне прострелили грудную клетку.

— Майлс, нам нельзя обратно в город, ведь придётся миновать Джип, а если они остались живы, то снова будут стрелять, — я сбавляю скорость, чтобы собраться с мыслями. Теперь, когда действие Йары прекратилось, мной овладевает шок, — Где находится место, куда ты планировал спрятаться?

— Это просто старая лачуга. Возьми правее, мимо знака Эксон за валуном, — говорит он, тяжело дыша. На расстоянии я вижу рекламный щит Эксон и направляюсь прямо к нему, затем поворачиваю на грунтовую дорогу позади него настолько быстро, что задняя часть автомобиля болтается как рыбий хвост. Мое сердце подскакивает к горлу, но я успеваю вырулить и остаюсь на дороге.

Мы приближаемся к массивному скалистому образованию. Его обходит малозаметная тропинка, и там, на отшибе, невидимая с главной дороги, стоит хижина.

Я резко останавливаю машину между хижинкой и скалой, пряча её от проезжающих мимо водителей. Затем выпрыгиваю, подбегаю к пассажирской двери и открываю её. Майлс лежит на спине, согнув ноги. Кровь повсюду: трудно понять откуда именно она берётся.

— О, Майлс, — шепчу я. И хотя мне часто приходилось охотиться, при виде крови я чувствую себя бессильной.

— Думаешь, ты сможешь идти? — спрашиваю я.

— Я постараюсь, — говорит он. Его голос слаб. Это пугает меня больше, чем вся кровь.

Спокойно, думаю я. Ты должна быть сильной. Сейчас не время для эмоций.

— Давай отведем тебя в хижину, — говорю я, — Джип-то перевернулся, но возможно его уже вернули на дорогу.

— Когда отец узнает, что ты сбежала, он пошлёт погоню, — говорит Майлс.

— Об этом не беспокойся, — говорю я и помогаю ему сесть. Затем вытягиваю его ноги из машины, закидываю руку себе на плечо и поднимаю его. По усыпанной галькой дорожке мы ковыляем в сторону полуразрушенного домика. Майлс стонет, зажимая бок рукой. Я помогаю ему забраться на крыльцо и толкаю ногой приоткрытую дверь. Оглядываюсь по сторонам. Внутри пусто. Ни мебели. Ни санузла. Ни электричества. Просто комнатка, заваленная пивными бутылками и пачками 3-под сигарет.

Я опускаю Майлса на пол, срываю с себя куртку, складываю её в несколько раз и подкладываю ему под голову. Затем возвращаюсь к машине и вытягиваю из багажника свою сумку и туристическое снаряжение на случай, если там есть что-нибудь полезное.

В комнате темно, поэтому я зажигаю несколько походных свечей и расставляю их вокруг Майлса. Расстёгивать пуговицы времени нет, и я просто разрываю на нем рубашку.

Футболка под ней полностью пропитана кровью, даже непонятно какого она была цвета. Я беру ножницы и разрезаю её до самой горловины, оголяя его торс, и обнаруживаю пулевое отверстие в боку между двумя рёбрами.

Майлс снова издаёт стон и прикрывает грудь рукой, корчась от боли.

— Тише, Майлс. Постарайся не шевелиться, — говорю я и подношу свечу к ране, чтобы получше её рассмотреть. Это круглое кровоточащее отверстие диаметром с палец. Легонько дотронувшись, я раздвигаю края раны и вижу, что пуля вошла на несколько дюймов. Я не знаю, что делать, и ещё раз окидываю взглядом комнату, прикидывая, что имею в распоряжении. Хорошо бы позвать кого на помощь, да в этой лачуге нет телефона.

— Майлс, ты же ещё не обзавёлся новым телефоном? — спрашиваю я. Он отрицательно машет головой. Знать бы, где находится ближайшая больница. Сомневаюсь, что успею вовремя её найти. Можно, конечно, попробовать тормознуть кого-то на дороге, но вдруг Уит с дружкой уже поставили Джип на колёса.

И я осознаю, что всё зависит от меня. Жизнь Майлса в моих руках. Я ещё раз осматриваю пулевое отверстие и, покопавшись в сумке, вытягиваю свой охотничий нож. Мне тысячи раз доводилось извлекать арбалетные стрелы из мёртвой добычи, но пулю — никогда.

Майлс начинает бормотать что-то про сон, и становится очевидно, что он вот-вот отключится. Пожалуй, это даже к лучшему, потому что будет больно. Я могла бы дать ему немного бругмансии в качестве обезболивающего, но нужно время, чтобы она подействовала. А действовать нужно прямо сейчас. Погрузив лезвие ножа в пламя свечи, я проворачиваю его несколько раз и собираюсь с духом.

Держа рану Майлса открытой левой рукой, я вставляю наконечник ножа в отверстие рядом с пулей и следую за ней вниз. Майлс издает дикий крик и бьется в конвульсиях, а затем падает без сознания. Его движение увело лезвие ножа немного в сторону. Я выправляю его, а затем быстро нажимаю, втискивая кончик ножа под пулю, и тяну вверх. Как только пуля показывается у кожи, я вытаскиваю ее кончиками пальцев. Из отверстия начинает литься кровь.

Я снимаю свою рубашку с длинными рукавами и, оставаясь только в майке, сворачиваю ее в валик, прижимаю плотно к ране, и раскладываю ее так, чтобы рукава рубашки охватили его торс. Я связываю рукава и отстраняюсь, чтобы осмотреть свою работу.

Пуля вытащена, но он потерял много крови. И хотя мой нож был чистым, я знаю, что он мог подхватить инфекцию, в отличие от меня и моей общины, у которых все заживает быстро и чисто. Его кожа стала пепельной, и если бы он не дышал, то я бы подумала, что он уже мертв.

Мое сердце бьется настолько сильно, что я чувствую, как оно стучит в горле. Что еще я могу сделать? А затем это происходит со мной. Есть кое-что, что я могу сделать. И хотя я никогда не делала этого в одиночку, но я знаю, что могу. Мгновение я колеблюсь: сработает ли это даже с кем-то, кто не вырос с Йарой? Затем я вспоминаю... Мать и Отец не росли с Йарой, но он работал на них. Уит собирался продать его во внешний мир, таким образом, он должен, по крайней мере, думать, что это сработает с кем угодно. Кроме того, у меня нет другого выбора, не сидеть же и ждать пока Майлс умрет. Один взгляд на его окровавленную одежду, и решение принято.

Я аккуратно освобождаю свою сумку, пока все ее содержимое не оказывается на полу, удостоверившись, что у меня есть все, что мне нужно, я начинаю брать камни и связки трав

и выкладываю их линиями. Я беру пакет со смешанными травами и минералами, а затем кладу его на голову Майлса, рядом с чашей из агата и церемониальным клинком.

Я кладу по лунному камню в каждую руку Майлса, выставляю свечи ореолом вокруг его головы. И начинаю Обряд.

Я думаю о том, что делаю и задаюсь вопросом, что из этого действительно необходимо и что только для показухи. Пока отец Майлса не рассказал о препарате, который замедляет старение, я не подвергала сомнению Обряд. Никто не подвергал сомнению Обряд. Только Уит и я знали, как провести его, и я заняла место, которое до меня занимала мама. Он говорил мне, что это должно быть выполнено женщиной, что он присутствовал там только для вида, но теперь стало интересно, почему он не мог сделать этого сам.

И хотя теперь я знаю, что большая часть того, чему меня учили, на самом деле является дымовой завесой для препарата, я чувствую себя лучше, выполняя приготовления к Обряду, как я всегда делала. К сожалению, в случае Майлса, у меня нет всего времени мира, как было обычно.

Быстро работая, я освобождаю Майлса от остальной части одежды, а затем, беря два золотых самородка, я привязываю их к стопам его ног, используя полоски хлопчатобумажной ткани. Пока работаю, я пою песню, которую дети пели у юрты Уита, где лежало тело во время смертельного сна. Я пою о смерти и возрождении. Я пою о сне и пробуждении; зимней спячке животных и возобновлении жизни весной.

Действует не пение, а препарат, напоминаю я себе, но Майлс заслуживает этого лечения. Даже если это бесполезный ритуал, он предназначен для того, чтобы символически связать дух человека с Йарой. Соединить его жизнь с природой. Чтобы придать этому больше значения, чем просто жизнь для себя... после Обряда, человек так переплетен с природой, что живет для всего и всех на планете. Я хочу этого для Майлса. Я думаю, что, если бы он понял, то хотел бы этого сам. Даже если это все обман, это что-то для меня значит.

Я чувствую, что перехожу в подобное трансу состояние, в которое я впадаю, выполняя Обряд. Мое тело больше не имеет значения. Я двигаюсь вне, наблюдая за собой, описывая круг вокруг Майлса три раза, кроша высушенные травы над его телом и позволяя им падать пылью на его кожу. Я снова опускаюсь к нему, чтобы взять чашу и высыпать в нее травы и минералы.

— Майлс, — говорю я, мягко его тряся. — Майлс, ты еще здесь со мной?

Он поверхностно дышит и произносит:

— Думаю, да. — Он пытается открыть глаза, несколько раз моргает, а затем прекращает пытаться. По крайней мере, он снова в сознании. Я должна работать быстро.

Беря маленький изогнутый церемониальный нож, я делаю разрез на ладони и позволяю своей крови капать на зеленоватый порошок, а затем смешиваю это рукояткой ножа, которая по форме напоминает ложку.

— Ты должен проглотить это, — говорю я и выливаю эту смесь ему в рот. Я беру питьевую воду и лью ее ему в горло. Он бормочет и кашляет, но проглатывает порошок и жидкость.

— Майлс Блэквел, ты меня слышишь? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает Майлс.

— Ты согласен стать одним целым с Йарой? Посвятить свою жизнь земле и силе, которая связывает каждое живое существо друг с другом?

— Джуно. — выдыхает Майлс. — О чем, черт побери, ты говоришь?

— Майлс, ты согласен обменять свою восьмидесятилетнюю жизнь на многие сотни лет?

Майлс открывают один глаз и позволяет себе опереться на меня. Он говорит, но его голос так слаб, что я должна наклониться, чтобы услышать его.

— Если я этого не сделаю, то умру? — выдыхает он.

Я касаюсь рукой его груди, и хотя мое тело онемело, а дух спокоен в трансе, я чувствую, как мои глаза наполняются слезами.

— Ты можешь умереть в любом случае. Но это мой единственный вариант, — признаюсь я.

— Тогда я согласен, Джуно, — говорит он, его голос — тихий шепот.

Я устраиваюсь около его головы. Одной рукой я начинаю расчесывать пальцами его волнистые волосы, пока жду, что смесь подействует и придет смертельный сон. Дыхание Майлса становится все более и более поверхностным, пока он не делает последний вдох и не остается совсем неподвижным. Слезы застилают мне глаза, когда я наклоняюсь и целую его во все еще теплые губы. А затем я иду, чтобы сесть у открытой двери лачуги.

Я закрываю глаза, поскольку мой дух отделяется от Йары. Я чувствую, как появляюсь из потустороннего тумана транса. И когда я полностью выхожу из этого состояния, вес решения, которое я приняла, давит на меня, парализуя страхом. Что я наделала?

«Это единственная вещь, которую ты могла сделать», — говорю я себе. Я открываю глаза и смотрю на пейзаж передо мной... плоская, бесплодная пустошь с округлыми красными холмами вдалеке.

Кроме обитателей пустыни, я — единственное живое, дышащее существо на множестве миль вокруг. И я сижу на подъездной дорожке и жду.

Больше книг на сайте - Knigolub.net